

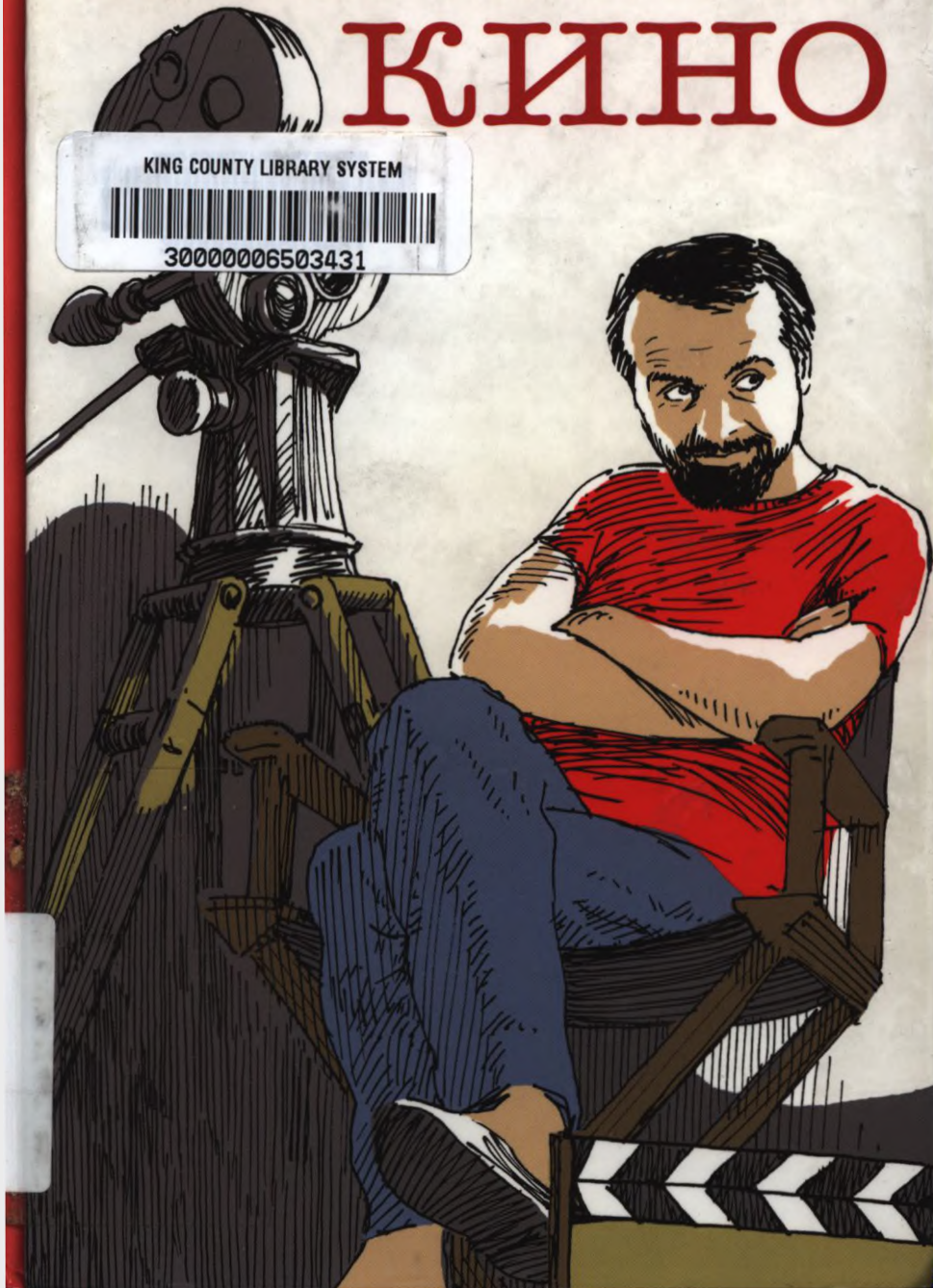
Виктор Шендерович

Неснятое КИНО

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

30000006503431

Виктор Шендерович

НЕСЧАТНОЕ КИНО

Author Shenderovich, Viktor.

Title Nesnyatoye kino

Виктор Шендерович

НЕСНЯТОЕ КИНО

Рисунки
Ивана Разумова

Издательство Астрель
Москва, 2009

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш47

Художественное оформление, иллюстрации и макет Ивана Разумова
Послесловие Вадима Абдрашитова
Фотография на 4-й стороне обложки Валерия Плотникова

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Шендерович В.
Ш47 Неснятое кино / Виктор Шендерович. — М.: Астрель: CORPUS,
2009. — 351, [1] с.

ISBN 978-5-271-24519-0 (ООО «Издательство Астрель»)

В новый сборник Виктора Шендеровича — литератора, журналиста, известного теле- и радиоведущего, бессменного сценариста легендарной программы «Куклы» на НТВ, автора популярнейшего еженедельного сатирического обзора «Плавленный сырок» на радио «Эхо Москвы», вошли написанные им в разные годы киносценарии. Комедия, психологический триллер, философская притча — в силу разных (порой почти авантюрных) обстоятельств ни один из этих замыслов так и не был реализован на съемочной площадке. О том, почему так вышло, со своей неизменной иронией рассказывает сам автор. Впрочем, и на бумаге эти киносюжеты выглядят ничуть не хуже, чем смотрелись бы на киноэкране.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-271-24519-0 (ООО «Издательство Астрель»)

© В. Шендерович, текст, 2009
© И. Разумов, иллюстрации, макет, 2009
© В. Абдрашитов, послесловие, 2009
© ООО «Издательство Астрель», 2009
Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Шендерович. НЕСНЯТОЕ КИНО	6
ОДНАЖДЫ В СОЮЗЕ... <i>Комедия</i>	8
НЕСКОЛЬКО ФОТОГРАФИЙ НА ПАМЯТЬ. <i>Мелодрама</i>	68
ПТИЦА ПО ИМЕНИ NEVERMORE. <i>Психологический триллер</i>	168
ВЕЧЕРНИЙ ВЫЕЗД ОБЩЕСТВА СЛЕПЫХ. <i>Комедия</i>	224
ТЕЗКА ШВЕЙЦЕРА. <i>Притча</i>	258
Вадим Абдрашитов. ПОСЛЕСЛОВИЕ	350

НЕСНЯТОЕ КИНО

Эта книжка — призрак. Лучше сказать: сходка призраков, вечерние посиделки галлюцинаций.

Так и видишь этот ужин, за торжественным столом, при свечах, колеблемых невидимым дыханием: вот психологический триллер, растаявший дымом в девяностом, напротив него — комедия, не ставшая хитом девяносто второго... Вот мелодрама, не снятая в девяносто третьем (режиссерский дебют, господя); а вот — несостоявшаяся лента классика советского кино...

Голоса за столом.

Рассказать вам, господя, кто должен был во мне играть? Ах, не может быть! Да-да, именно. Вы представляете, как бы он это сыграл? М-м-м... (Общий стон восторга). И что же? Он еще спрашивает... Боже милосердный, неужели и на вас не нашлось денег? (Общий вздох.)

Бокалы поднимаются в невидимых руках: не чокаясь, господя, не чокаясь...

Открывается дверь. Входит мажордом с лицом автора: господя, к вам — притча! Мажордом склоняется в легком поклоне; слышен шелест страниц (сорок две страницы формата А4, 77 291 знак, лето 2006-го).

Занавески вздувает сквозняк, по зале проносится сочувствующий ропот товарищей по несчастью; невидимая рука ставит на стол новый прибор, бутылка наклоняется над бокалом... бульк-бульк...

Располагайтесь. Помянем новоприбывшего, господя.

На самом деле все было совсем не так трагично.

Киносценарии, составившие эту книжку, я писал с надеждой и наслаждением. Я ржал и хихикал, когда меня вела по сюжету муза комедии; прислушивался к сердцебиению — то лирическому в любовной сцене, то тревожному, в пандан драматическим поворотам... Мне было хорошо!

Я, что называется, гулял по буфету на родной театральной фактуре, я валял ваньку на злобе дня, я пробирался по шатким досочкам острого сюжета и прыгал солдатиком в темную воду триллера. Мечтал о кинославе и просто хорошем кино. Был не прочь внезапно разбогатеть. В общем, был ведом той самой энергией заблуждения (см. Льва Толстого), которой движется почти все.

Но я умел то, что умел, а чего не умел — того и не умел! Отношения с русским алфавитом у меня сложились, но слово фандрайзинг* так и не далось до старости. Ну, не райзинг они у меня, и все. Я честно подбрасывал монетку всякий раз, когда выдавался случай, и всякий раз она ложилась на решку.

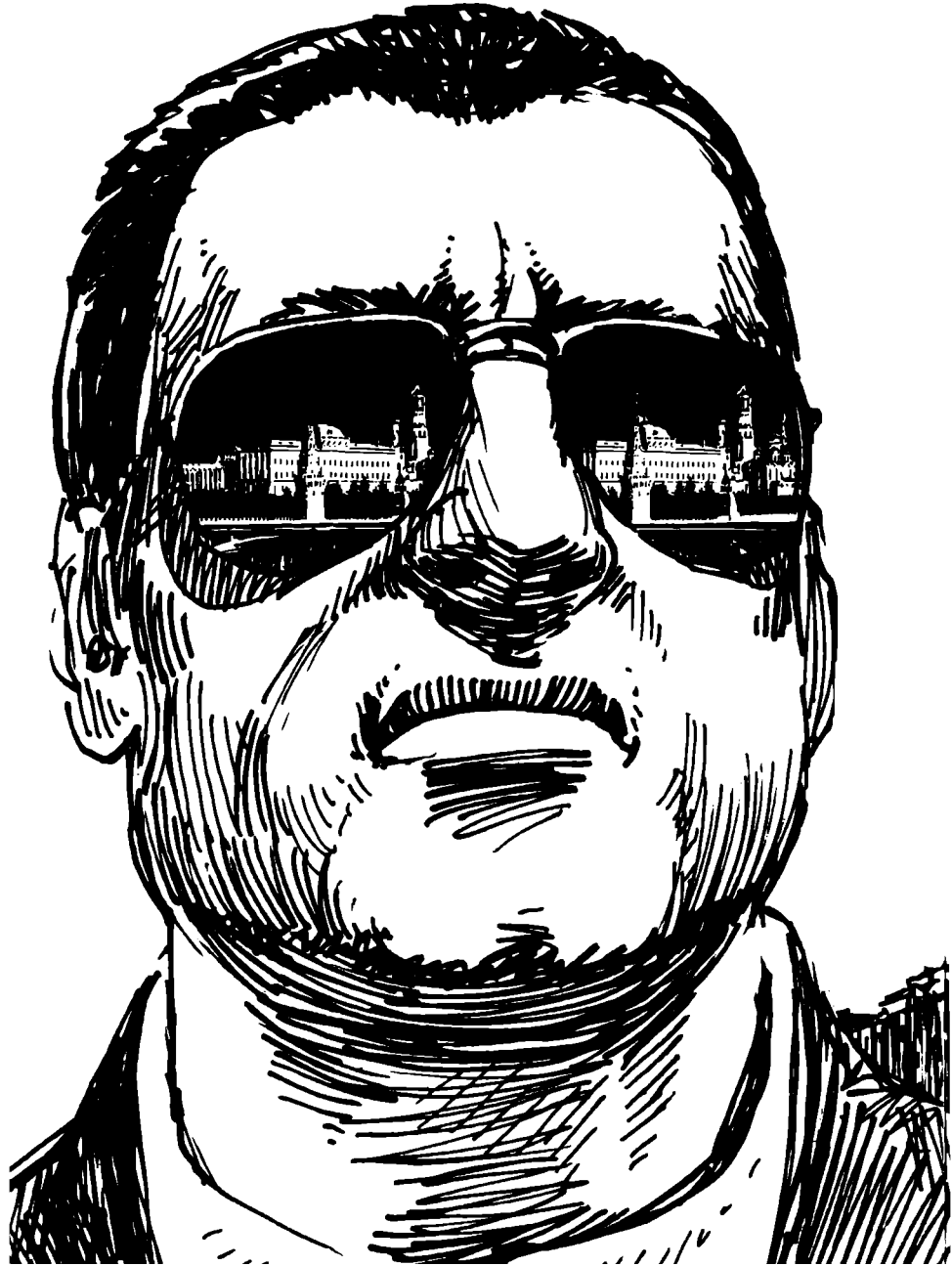
Впрочем, как сказано у Бабеля, каждый должен держаться своей бранжи, а кино всегда было для меня веселой авантюрой дилетанта. И если что-нибудь придумается еще — обязательно подброшу монетку снова.

А то, что написано, — перед вами. Считайте, что вы уже в кино.

Гасим свет. Приятного просмотра...

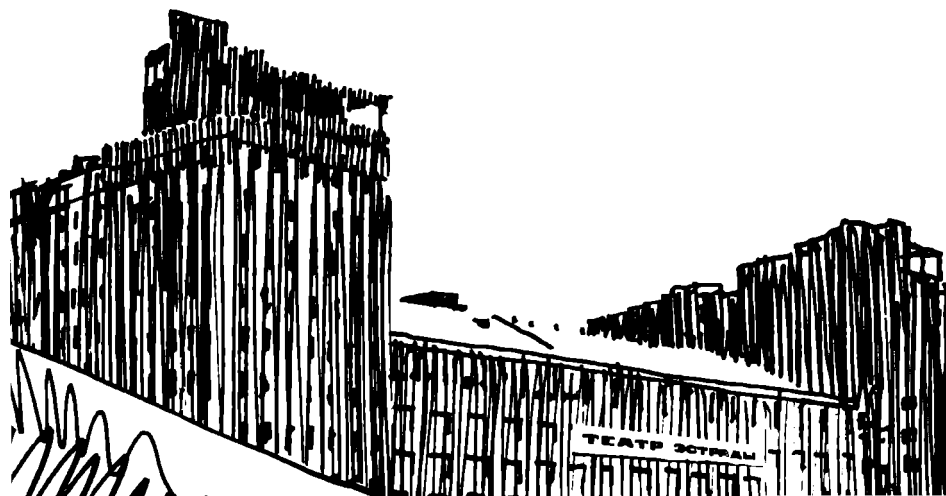
Виктор Шендерович

* Фандрайзинг (от *англ.* fund-raising) — в бизнесе, термин, которым обозначается поиск средств для проекта.

**Однажды
в Союзе...**

Однажды в Союзе,
которого вдруг не стало...

В рассказе «Про Вовчика и Кирюху» было полторы странички.

Я написал его в восемьдесят девятом году, когда перестроечный бедлам набирал полные обороты. Все шло вразнос, но степень разноса, конечно, в голове не укладывалась: если бы кто-нибудь сказал, что через пару лет не станет СССР, я бы только покрутил пальцем у виска.

История уже накрывала империю ржавым тазом, а мы всё еще пытались вычитать свое будущее в столбцах газеты «Правда».

Рассказик я где-то опубликовал и забыл о нем думать, пока однажды мне не позвонил незнакомый низкий баритон и не предложил сделать из этих полутора страниц полнометражное кино.

За плечами Ары Габриеляна было несколько кинокомедий, которые я не смотрел. И все-таки его фамилия была мне знакома по каким-то титрам. Я бы, конечно, замучился вспоминать, но Габриелян напомнил сам: я вызубрил его фамилию, вместе со всем советским народом, по титрам «Семнадцати мгновений весны». Ара был ассистентом Татьяны Лиозновой, монтировал хронику.

Мы встретились и начали выдумывать кино — в рабочем варианте оно называлось «Однажды в Союзе...».

Пунктирный сюжетный ход моего рассказа позволял надуть паруса веселым ветром. По полутора страницам мультяшными персонажами бегали Николай Рыжков, Эдуард Шеварднадзе, Горбачев, Буш, Миттеран и Фарид Сейфуль-Мулюков... Смерч комедии положений мы направили в другую сторону и сконцентрировались на гульбище, происходившем на родине.

Время на дворе стояло необычайное, и масштабы наших амбиций были ему под стать. Роль американского суперагента, попадающего как кур в ошип в сошедший с катушек СССР, Габриелян хотел предложить Сильвестру Сталлоне, на том значительном основании, что его мама вроде из Одессы.

Идея, признаться, была шикарная — и, ей-богу, иронический угол отскока от образа Рэмбо мог бы искупить для актера пропагандистский идиотизм голливудского персонажа.

Работа была в самом разгаре. Летом, исходя потом в Дагомысе, я перевалил экватор сценария. Когда мы с семьей перекочевали на Рижское взморье, сюжет потек к развязке. 18 августа 1991 года в моем сценарии по улицам Москвы поехали танки...

Наутро жизнь марш-броском настигла литературу и привычно переехала ее, давя гусеницами. Когда сценарий был закончен, называться он мог бы уже — «Однажды в России...».

Дальнейшее рассказывать скучно да и вспоминать неинтересно. Обещанных денег на фильм режиссер не нашел. Это был первый из многочисленных обломов такого рода, и я расстраивался всерьез.

Время от времени Габриелян звонил мне и рассказывал об очередных переговорах. Потом звонить перестал.

А много лет спустя Александр Ширвиндт спросил: «Где ж ты был с этой комедией десять лет назад?»

Да примерно вот тут и был. Где сейчас.

ОДНАЖДЫ В СОЮЗЕ...

Комедия

Двое джентльменов неторопливо прогуливались по аллеям парка. Вокруг мирно щебетали птицы, но это, конечно, не могло никого обмануть: джентльмены гуляли в самом что ни на есть шпионском гнезде — более того, сами этим гнездом и являлись.

— Сэм, — говорил один из них, пожилой благообразный мужчина со следами всех пороков на красивом лице, — помните ли вы, что дестабилизация Советского Союза — наша грязная, но святая цель?

— Конечно, сэр, — отвечал другой, помоложе, но уже с одним глазом. — И наш отдел предпринимает самые решительные шаги в этом направлении. Сегодня для окончательной дестабилизации обстановки в Союзе должен всплыть наш суперагент, «Минотавр».

— Он всплывет? — уточнил пожилой.

— Можете быть уверены, сэр, — ответил одноглазый.

Настоящее имя «Минотавра» было — Джон О'Богги. Как и обещал одноглазый, он всплыл перед самым рассветом — посреди пустого бассейна «Москва», в маске, с аквалангом и чемоданчиком в руке. Осмотревшись, О'Богги вынул из чемоданчика антенну и сказал:

— «Циклоп», я «Минотавр». Прибыл, приступаю к работе.

Сказавши это, Джон вылез из бассейна и, шлепая ластами, направился в раздевалку.

Над ничего не подозревавшей Москвой вставало солнце.

Рабочий Николай Артюхин проснулся от жажды. Стараясь не трясти головой, он по стеночке дошел до ванной и повернул кран. Воды не было.

— Уй-й-й... — застонал Артюхин и по стеночке же пошел на кухню.

В кране на кухне воды тоже не было.

— Уй-й-й... — застонал Артюхин и поплелся обратно в кровать.

По дороге он заглянул в зеркало. То, что там отразилось, поразило даже видавшего в нем всякое Артюхина — он инстинктивно отпрянул назад. Резкое движение заставило его схватиться за башку и застонать:

— Уя-я-я-я!

В этот же час на рынке представитель вольного племени кооператоров Гиви Сандалия рассчитывался с шофером за доставку помидоров. Гиви был усат и прекрасен. Рассчитавшись и разложив помидоры на подносах, он вынул из кармана табличку «12 р.». Немного подумал, убрал ее и вынул из второго кармана другую — «15 р.». А потом из третьего — «18 р.».

Гиви поставил таблички у подносов, в раздумье почесал через кепку голову — и поменял таблички местами.

Солнце вышло в зенит и там остановилось. Джон О'Богги — в отличном костюме, с чемоданчиком в руке — стоял на набережной Москвы-реки, сардонически глядя на башни Кремля.

Во дворе дома № 6 мешал доминошные кости прокуренный до потрохов старик Пантелеич. Напротив Пантелеича в выжидающей позе сидел успевший оклематься с утра гегемон — Николай Артюхин.

— Давай, Степаныч, — позвал он третьего игрока, — давай скорее, ну тебя на хер.

— Ты давай мешай пока, — отозвался Степаныч, почесывая под рубашкой. — Скорей ему. У меня, может, моцион. А то прокурит сейчас насквозь хер вот этот.

Старик Пантелеич ничуть на «хера» не обиделся, потому что был глухой. Он повозил еще по столу, пуская клубы желтого дыма, а потом сказал, обращаясь к Артюхину:

— Ну, что ли, хер с ним — начинаем?

— Ща Степаныч сядет! — крикнул незлобивый Артюхин.

— Сядет — и хер с ним, — согласился Пантелеич.

Набрали кости. Степаныч, помахав руками на клубы дыма, тоже присел и взял.

— Дубль пусто! — обрадовался Артюхин.

— Херачь, — разрешил Степан Степаныч.

Артюхин вынул кость и, сказавши: «И-эх!..» — размахнулся было со всей молодецкой силушки, но тут...

Из-за трансформаторной будки с визгом выскочил малолетний брат гегемона Артюхина Кирюха, а за ним Вовчик из шестого «Б». Расстояние стремительно сокращалось, и возле гаражей настигнутый Артюхин-младший получил сочного пенделя ниже спины.

Звук пенделя вывел Артюхина-старшего из ступора.

Он бросил кости на стол, рванулся за Вовчиком и уже через несколько секунд с наслаждением крутил оттопыренные Вовчиковы уши своими сильными руками.

Вовчик завизжал, как поросенок. Тем бы дело и кончилось, происходи оно зимой. Но по случаю летней теплыни все окна на шестом этаже были открыты, и визг дитяти достиг отцовских ушей — в тот самый момент, когда папа Сидор Петрович, в компании парторга Козлова и профорга Иваныча обмывавший холодильник ЗИЛ, уже выдохнул и начал вливать в себя.

Сидор Петрович поперхнулся водкой и вытарашил глаза.

— Это Вовка, — прошептал он, и тут же из кухни донесся крик его супруги:

— Вовку бью-ут!

Сметая с лестницы жильцов дома, Сидор Петрович со товарищи бросился на улицу. Вовчик, с красными, как знамена, ушами, сидел у гаражей и орал.

— Кто? — только и спросил у него папаша, и Вовчик, не переставая орать, указал пальцем.

Артюхин-старший, сидя под грибочком, поднимал руку, вторично желая отдуплиться, когда услышал позади drobный топот. Оглянувшись, увидел стремительно приближающегося Вовчикова папашу, а с ним еще двоих плотных мужиков.

— Коля, — сказал старик Пантелеич, — хер мне на голову — это к тебе.

Артюхин-старший бросил кости и рванул прочь, но запутался ногами в столе и был накрыт.

Через минуту-другую Вовчиков папаня и его товарищи взяли тайм-аут и сошли с Артюхина. Артюхин сидел под грибочком, вынимая, рассматривая и вставляя обратно зуб.

— Коля, ну тебя на хер с твоими фокусами, — сказал старик Пантелеич, — ты играть будешь — или что?

— Ты покури, — сказал Артюхин. — Я сейчас.

С этими словами Артюхин встал и, подняв столик для забивания «козла», бросил его в троих отдохавших, после чего резво скрылся за углом. Отдохавшие с воем помчались за ним, но вскоре с воем же из-за угла выскочили.

За ними, размахивая выдернутым из волейбольной площадки металлическим стояком, бежал обиженный гегемон. Они промчались мимо старика Пантелеича, молча сидевшего возле порушенного доминошного стола, и унеслись вон со двора.

Когда звуки стихли в отдалении, Пантелеич неторопливо затушил бычок и сказал:

— С вами, ребята, хер поиграешь.

Гиви Сандалия возвышался над аккуратными пирамидами помидоров. Он так и стоял здесь с самого утра.

— Сколько? — спрашивали его.

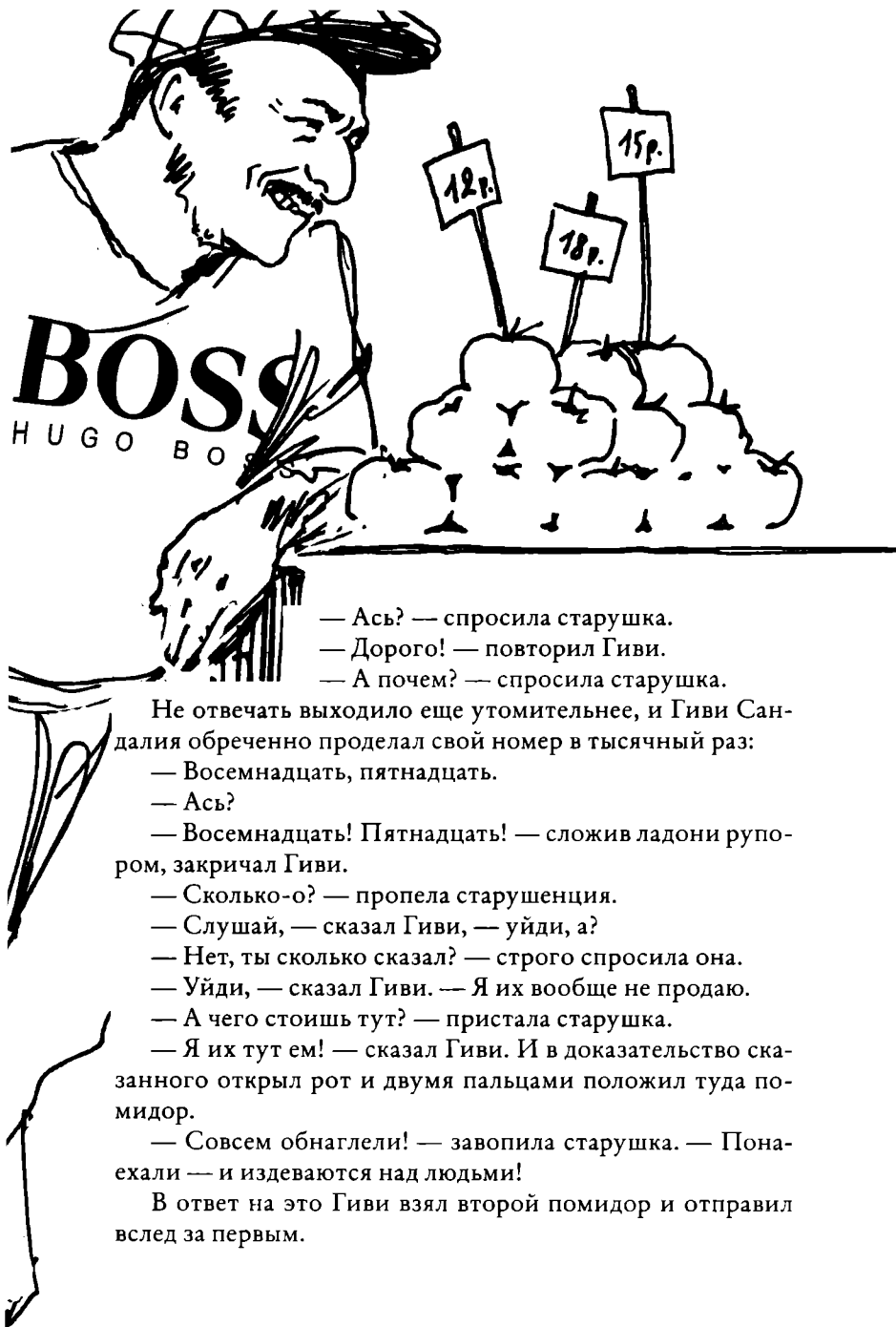
— Восемнадцать, пятнадцать, — отвечал он, тыча в подносы волосатым пальцем, и спрашивавшие, схватившись за голову, отходили. Гиви стоял при помидорах, как часовой без смены, и ему очень надоело говорить и тыкать в воздух пальцем.

— Почему? — спросила, остановившись, старушка.

Гиви оценивающе на нее посмотрел и ничего не ответил. Старушка поджала губы:

— Почему, спрашиваю, помидоры-то?

— Дорого, — ответил Гиви.

— Ась? — спросила старушка.

— Дорого! — повторил Гиви.

— А почему? — спросила старушка.

Не отвечать выходило еще утомительнее, и Гиви Сандалия обреченно проделал свой номер в тысячный раз:

— Восемнадцать, пятнадцать.

— Ась?

— Восемнадцать! Пятнадцать! — сложив ладони рупором, закричал Гиви.

— Сколько-о? — пропела старушенция.

— Слушай, — сказал Гиви, — уйди, а?

— Нет, ты сколько сказал? — строго спросила она.

— Уйди, — сказал Гиви. — Я их вообще не продаю.

— А чего стоишь тут? — пристала старушка.

— Я их тут ем! — сказал Гиви. И в доказательство сказанного открыл рот и двумя пальцами положил туда помидор.

— Совсем обнаглели! — завопила старушка. — Понаехали — и издеваются над людьми!

В ответ на это Гиви взял второй помидор и отправил вслед за первым.

В глазах старухи мелькнуло что-то давно забытое, и она закричала на весь рынок:

— Сталина на вас нет!

На это Гиви взял третий помидор и аккуратно размазал по прилавку.

— Караул! — закричала старуха, ретируясь. — Ну, подождите! — прокричала она, отбежав подальше. — Я вам еще устрою, я вам покажу!..

Гиви сделал страшное лицо, и старуха исчезла.

— Я вам покажу! — донеслось из-за ворот в последний раз.

— Смешная какая, — заметил, обращаясь к Гиви Сандалия, толстый торговец персиками, стоявший неподалеку. — Что она нам покажет, как ты думаешь?

Вокруг засмеялись.

— Я ее маму... — начал было Гиви, но не договорил, потому что в этот момент на него из-за угла выбежали Вовчик папаша, Козлов и Иваныч.

Первый с ходу налетел на Гиви и сбил с ног, второй, метнувшись через прилавок, сбросил помидоры, по которым тут же пробежал третий. Тройка смерчем пронеслась вдоль рядов, превращая отборный южный товар в кучки сладковатого дерьма. Напоследок, круша лотки металлической штангой, через рынок с гиканьем промчался огромный детина — и вся компания скрылась в дальних воротах.

Гиви Сандалия молча стоял над красноватой жижицей.

— Почему? — подойдя, деловито спросил, указав вниз, какой-то человек, но поглядел в глаза Гиви и дожидаться ответа не стал.

Гиви Сандалия знал сочинскую мафию, знал харьковскую и знал краснодарскую. Но такой быстрой мести он в своей насыщенной жизни еще не встречал.

— Старуха, — прошептал он новоявленным Германом. — Убью!

Суперагент Джон О'Богги по кличке «Минотавр» шел на встречу со связником.

Он оглянулся на повороте, заложил три лисьих круга у детской площадки — «хвоста» не было. Джон О'Богги сел на скамеечку и посмотрел на часы. Часы проиграли тему «Наша служба и опасна, и трудна...» — и к скамеечке подошел связник. Поозиравшись, связник невзначай сел рядом.

— Это вы давали объявление об уроках макраме? — спросил связник. Он был рыж и веснушчат.

— Нет, его давал мой двоюродный дядя, но он умер вчера от скарлатины, — ответил Джон О'Богги.

— Какая жалость, — сухо сказал на это рыжий связник, оставил на скамеечке матрешку с шифровкой и ушел, озираясь.

Вовчиков папаша с товарищами молча бежали по переулку.

— Забыл вам сказать, — сказал вдруг Вовчиков отец, — он, кажется, разрядник.

— По какому виду? — задыхаясь, спросил парторг Козлов.

— По городкам, — ответил Сидор Петрович.

— Останусь жив — исключу из рядов, — сказал Козлов.

— Петрович, — сказал профорг Иваныч, колыхая на бегу большим животом, — я больше не могу.

— Беги, — коротко ответил Петрович. — Сейчас второе дыхание придет.

— Не придет, — сказал Иваныч. — Сейчас упаду и умру.

— Упадешь — умрешь, — согласился Вовчиков папаша. Позади с железякой наперевес топотал Артюхин.

Они свернули за угол, влетели через подворотню во двор и замерли, прижавшись к стене. В наступившей тишине часто и шумно дышал толстяк.

— Иваныч, — сказал парторг, — кончай дышать.

Иваныч знаками показал, что не может.

В подворотне, приближаясь, раздался характерный металлический стук, потом, уже совсем вблизи, стих.

— Эй, — произнес голос Артюхина. — Приговоренные, вы где?

Джон О'Богги, холеный и уверенный в себе мужчина лучших лет, посидев для конспирации на детской площадке, встал и проходными дворами отправился домой, но у первого же угла остолбенел. За углом, отражаясь в окнах первого этажа, стояли, прижавшись к стене, трое в пиджаках и с напряженными лицами.

Джон быстро оглянулся — и похолодел: сзади в подворотню медленно входил детина со стояком наперевес.

Джон был профессионал — и понял все. Спружинившись, он метнулся в боковой проходной двор, оттуда — в дверь черного хода и в полной тьме, царившей в подъезде, бесшумно бросился вверх по лестнице.

Через секунду оттуда донесся грохот, сдавленный крик агента и грязный английский мат.

Джон О'Богги сидел с искаженным от боли лицом, держась за разбитую ногу вывихнутой рукой: в лестнице, по которой он бежал, не оказалось двух ступенек.

Джон дополз до третьего этажа и затаился. Было тихо. «Оторвался», — понял О'Богги и на всякий случай проверил в кармане баллончик с нервно-паралитическим газом.

Через минуту внизу раздался дикий крик и звон стекла. О'Богги осторожно выглянул в пыльное окошко: тот, что со стояком, гнал по улице тех, что стояли в подворотне.

— Боже, ну и нравы у них в КГБ! — прошептал Джон.

В номере люкс третий час шло совещание. Председательствовал маленький, но внушительный господин по имени Вахтанг, Гиви Сандалия и товарищи по несчастью присутствовали.

— Это были люди Касимова, — сказал торговец сливами.

— Касымов — узбек, — отметил маленький Вахтанг. — Ты узбеков видел?

Торговец сливами кивнул.

— У узбеков — какие лица? — спросил Вахтанг.

— Набрал местных, чтобы на него не подумали, — сглотнув, ответил торговец сливами.

— А старуха? — спросил Гиви Сандалия. Он сидел мрачнее тучи.

— Старуха была не узбек, — поделился наблюдением торговец персиками.

— Это не Касымов, — сказал Вахтанг.

— Может, «Махачкала»? — предположил торговец сливами.

— «Махачкала» может, — согласился Вахтанг. — Но...

— Набрал местных, чтобы на него не подумали, — предупредил вопрос торговец сливами.

— «Махачкала» не будет набирать местных, — сказал Гиви Сандалия. — «Махачкале» своих девать некуда.

• — Вахтанг, это таксисты! — сказал вдруг торговец персиками. — Мамой клянусь, таксисты!

— А старуха? — спросил Гиви Сандалия.

— Старуха — диспетчер, — подумав, ответил торговец персиками.

— Сколько мы даем таксистам? — повернулся Вахтанг к торговцу персиками.

— Полкуска в день, — ответил тот и вдруг хлопнул себя по лбу: — Они хотели целый!

— Ясно, — сказал маленький Вахтанг. — Давид, какой таксопарк на нас работает?

Джон О'Богги поставил чемоданчик на запыленный подоконник лестничной клетки и открыл его. Пара неуловимых манипуляций — и чемоданчик превратился в гримерный столик с реквизитом. Агент «Минотавр» всмотрелся в свое лицо и, вынув из ящичка седые усы щеточкой, приложил их к губам...

Вскоре из подъезда вышел старичок — с палочкой, со щеточкой усов, в ветеранских колодках.

Под козырьком подъезда Джон О'Богги (а это, конечно, был он) остановился, неторопливо вынул из кармана пачку дешевых сигарет, закурил, аккуратно выбросил спичку в урну, несколько раз затынулся и шагнул из-под козырька. И козырек обвалился на то место, где только что стоял агент «Минотавр».

Джон О'Богги икнул и выронил изо рта сигарету.

Диспетчер аэропорта «Внуково» поперхнулся кофе и выпучил глаза на экран.

— Эй! — сказал он. — Это чей самолет?

— Где? — спросил сосед.

— Да вот.

Сосед посмотрел на экран и ответил:

— А черт его знает.

— Слюшай, аэропорт, — с акцентом раздалось в динамике. — Дай полосу, да?

— Вы кто? — возмутился диспетчер. — Какой борт?

— Какой борт? — в свою очередь возмутился голос. — Это не шлюпка. Это — самолет!

— Какой рейс? — закричал диспетчер.

Коллеги утирали холодный пот, кто-то потихоньку доставал валидол, кто-то смотрел в небо, пытаясь разглядеть нарушителя.

— Ответьте: откуда рейс? — кричал диспетчер. — Откуда?

— От верблюда, — отозвался голос. — Слюшай, надоел, давай полосу, да?

Диспетчер обреченно посмотрел на собравшихся.

— Давай четвертую, — сказал начальник смены.

Самолет пробежал по полосе и остановился. Из него навстречу остолбеневшему наряду милиции начали один за другим спускаться по трапу грузины — в одинаковых свитерах и кепках. Под свитерами, помимо хорошей мускулатуры, легко угадывались очертания бронежилетов; в руках сверкали лучшие образцы автоматического оружия. Шедший последним бережно нес на плече маленький зенитный комплекс.

— Дорогой, — сказал он, обращаясь к капитану милиции, — где тут у вас такси?

Капитана милиции чуть не хватил удар.

— Следуйте за мной, — осипшим голосом сказал он.

— Нет, — ответил прилетевший и, вынув пару долларовых бумажек, засунул их в карман кителя. — Лучше ты за мной...

Тут на открывшего рот капитана чуть не наехал автобус «Интурист», но водитель проиграл на клаксоне «Сулико» — и капитан успел отскочить в сторону. Из автобуса высунулась довольная физиономия торговца сливами:

— Заходи скорей, генацвале! Вахтанг ждет.

Через минуту клаксон еще раз исполнил «Сулико», и автобус тронулся. За ним ехала машина милицейского сопровождения.

На стоянке аэропорта, глядя на все это, стоял, покрываясь испариной, сивоусый таксист.

Сидор Петрович, профорг Иваныч и парторг Козлов предсмертной трусцой бежали по тротуару. В десяти шагах позади, тяжело волоча стояк и обливаясь потом, двигался Артюхин.

— Брось железку! — хрипел Вовчиков папаня.

Артюхин напрягся и молча прибавил шаг.

— Брось, поговорим, как люди!

Артюхин не отвечал, экономя силы для решающего броска, но тут из-за поворота навстречу им вытекла красно-белая река спартаковских фанатов.

Захлестнув переулочек, река отрезала убежавших от преследователя, и троица тут же влилась в спартаковские ряды. Профорг Иваныч, втянув голову в плечи, дрожащей рукой махал над головой красно-белым шарфиком; Вовчиков отец, натянув на лицо спартаковскую шапочку, не своим голосом орал «Спартак — чемпион!»; парторг Козлов шел на четвереньках.

Артюхин не ожидал от врагов такого коварства. Но замешательство было секундным: гегемон шумно выдохнул и, размахивая железякой, врезался в спартаковские ряды.

Из них тут же в панике вылетела искомая троица, и Артюхин, засветив на ходу паре фанатов, погнал ее дальше. Но пришедшие в себя спартаковцы успели рассмотреть его синий с красным тренировочный костюм и взвыли:

— ЦСКА-а-а! Кони!..

И красно-белая лавина понеслась на поиски врагов.

Милиционер, стоявший в дверях райкома КПСС, увидев бегущих прямо на него, от удивления забыв про рацию и пистолет, по-бабьи растопырил руки поперек входа.

— Свои-и! — на бегу кричал парторг Козлов. — Свои-и!

Не сбавляя скорости, они внесли милиционера внутрь. Следом, круша железякой стекла, в райком ворвался беспартийный Артюхин.

Через минуту Козлов и К° стояли, прижавшись к бюсту Ленина. Между ними и Артюхиным метался милиционер.

— Уйди, — сказал милиционеру Артюхин. — Я сейчас буду их бить.

— Только не здесь, — попросил милиционер, выставив руки.

— Здесь, — сказал Артюхин и, прицелившись стояком, как битой, запустил им в троицу.

Иваныч с Петровичем брызнули в стороны, стоявший посередке Козлов успел лечь. И стояк вдребезги разнес бюст.

— Ах ты сука! — завопил милиционер и перетянул Артюхина «демократизатором» по спине.

— Что-о-о? — закричал Артюхин. — Ментя-ара! — Взяв милиционера в охапку, он посадил его на верхушку пальмы, у подножия которой, возле кадки с землей, среди обломков вождя мирового пролетариата, сидел обезумевший парторг.

Увидев у своего лица ноги неприятеля, парторг попросту укусил Артюхина за ногу и, судорожно зажав в руках кусок гипсовой лысой головы, рванул по лестнице вверх. Артюхин взвыл и, хромя, бросился в погоню.

На третьем этаже Козлов успел шмыгнуть в большую комнату, где под портретом одиноко сидел полноватый мужчина в строгом костюме.

— Вы по какому вопросу, товарищ? — спросил он.

— По личному, — честно ответил Козлов и протянул мужчине обломок головы.

— А-а-а! — закричал мужчина, как будто Козлов протянул ему голову его родной мамы.

Тут дверь в кабинет с треском распахнулась — и в проеме обнаружился довольный Артюхин.

— Я извиняюсь, — сказал Артюхин, засучивая рукава и шкодливо улыбаясь. — Я на минуточку.

Через минуту к зданию райкома, распугивая тишину сиренами, съезжались милицейские машины.

Джон О'Богги услышал вой милицейских сирен и понял, что район начали оцеплять. Мысль его работала четко, паники не было.

Он вошел в ближайший подъезд вслед за какой-то старухой. Прислушиваясь к вою сирен, зашел с нею в лифт. На стенке лифта было крупно написано «FUCK».

— Вот чего они написали? — спросила старуха. — А? Чего?

Агент тактично промолчал.

— Сталина на них нет, — сказала старуха.

— При нем порядок был, — согласился О'Богги и, подумав, добавил: — А сейчас жить негде.

— Как это? — не поняла старушка.

— Выгнали из дому, — прислушиваясь к вою сирен, сказал Джон и безошибочно добавил: — Демократы! Продают родину...

И вытер сухие глаза уголком носового платка.

Старуха молчала.

Лифт остановился. Снаружи выли милицейские сирены.

— Хоть бы комнатку какую, — сказал О'Богги в бабкину спину: выходить из дома ему было уже нельзя.

— Комнатка денег стоит, — с неожиданной сухостью парировала старуха.

— Конечно, конечно, — обрадовался О'Богги, с неветеранской скоростью придержав дверь лифта ногой.

— Пятьсот, — сказала старуха.

— Триста, — для порядка ответил О'Богги, которому печатали рубли на специальной фабрике Гознака под Вашингтоном.

Утром следующего дня Гиви Сандалия внимательно изучал номер такси, стоящего у табачного ларька.

— Это чья машина? — крикнул он наконец.

— Моя, — отозвался от ларька шофер.

— Едем? — весело спросил Гиви, показывая сторублевку.

— Момент, — улыбнулся шофер и крикнул в ларек: — «Ява» есть?

— У меня есть «Ява», — сказал Гиви.

— Покурим? — весело спросил шофер.

— Обязательно, — пообещал Гиви.

В живописном подмосковном пейзаже, у излучины реки, стояло такси. Неподалеку, привязанный к дереву, сидел шофер. Нос его был схвачен бельевой прищепкой, а изо рта торчал десяток сигарет. Рядом, скрестив ноги по-турецки, сидел Гиви Сандалия. Когда шофер, пытаясь сделать вдох, делал затяжку, Гиви снимал прищепку, и из шоферского носа валили клубы дыма.

Неподалеку стояло еще несколько пустых такси — их шоферы, привязанные к толстому дубу на опушке, ошалело смотрели на группу кавказцев, жаривших на поляне шашлык.

— Как дела, Гиви? — спросил, поворачивая шашлык, торговец персиками.

— У нас перекур, — ответил Гиви и зацепил нос шофера.

Шофер привычно закатывал глаза.

— Конец перекура, — объявил Гиви Сандалия.

Он снял прищепку и аккуратно отодрал от губ таксиста обойму полускуренных сигарет.

— Кацо, — сказал Гиви, — ты мне как брат. Скажи, где живет старуха?

— Тебе молодых не хватает? — спросил таксист.

— Кацо, — мирно сказал Гиви, — не серди меня. Мне нужна старуха, которая у вас заправляет.

— У нас на заправке мужики, — поклялся обкурившийся таксист.

— Зря я с тобой поехал, — сказал Гиви Сандалия.

— Зря, — согласился таксист.

— Хорошо, — вздохнул Гиви, доставая сигареты и прищепку. — Перекур.

Стояло жаркое обеденное время.

Привязанные к дубу таксисты, нервно сглатывая, глядели, как, помахивая шампуром, рассказывает по поляне маленький Вахтанг.

Вахтанг запил кусок шашлыка красным вином и продолжал:

— Друзья! Если вам мало полкуска в день, скажите мне, зачем же ссориться? Если вам мало куска — тоже скажите мне. Я не дам вам куска, но вы скажите, как люди. Вот, например, ты хочешь шашлык, — обратился Вахтанг к одному из привязанных, кряжистому сивоусому таксисту. — Неужели я тебе не дам?

Вопрос повис в воздухе.

Вахтанг доел с шампура последний кусок и продолжал:

— Конечно, не дам. Но ты меня попроси, как человек, а не посылай дурака с железякой, чтобы он портил товар. — Вахтанг помрачнел. — И передайте старухе: Вахтанг не любит глупых шуток! Правильно, Давид? — обратился он к торговцу сливами.

— Я ее маму буду иметь, — ответил Давид.

— Ты меня понял? — спросил Вахтанг.

— Нет, — честно ответил сивоусый таксист.

— Алло! — кричал директор таксопарка. — Петр Лексеич! У тебя ребята с заказов все в парк вернулись? И у меня нет! Как сквозь землю провалились! А в милиции говорят: не волнуйтесь. Слышь, Лексеич? Но почему-то с акцентом говорят. И все время передают привет какой-то старухе. Ты чего-нибудь понимаешь, Лексеич?

День клонился к закату. Привязанные к дереву таксисты, глядя на Вахтанга ненавидящими глазами, пели погрузински «Сулико». Маленький неутомимый Вахтанг дирижировал шампуром и требовал многоголосия. Из-за кустов, где сидел Гиви, поднимались к небу жертвенные струи сигаретного дыма.

Утром у светофора остановилось такси со злосчастливым любителем «Явы» за рулем.

— Шеф, — высунувшись, окликнул его водитель притормозившего рядом рафика. — Закурить не найдется?

— Не курю! — налившись кровью, с ненавистью проорал таксист и, не дождавись зеленого света, ударил по газам.

— Во дает, — заметил добродушный водитель сидевшей рядом девушке и аккуратно припарковал машину к мрачно-ватому зданию.

Из машины выскочили несколько парней с аппаратурой — и через минуту девушка, взяв в руки микрофон, сказала:

— Мы находимся возле следственного изолятора, где содержится рабочий Николай Артюхин, совершивший нападение на райком КПСС. Что привело простого рабочего к этому поступку, что заставило его бросить вызов партократии, мы попробуем узнать у него самого...

Джон О'Богги выключил телевизор, и журналистка исчезла с экрана. Джон запер дверь, задернул шторы, взял лист бумаги и заточил карандаш. Включив старенький бабкин транзистор, Джон быстро нашел сквозь хрипы эфира нужную волну.

«К сведению страдающих гипертонией, — сказал женский голос, — сообщаем неблагоприятные числа в этом месяце: второе, двенадцатое, шестьдесят восьмое, сорок девятое, сто пятнадцатое...»

Джон зачиркал карандашом по бумаге.

«Двести пятое...» — сказал голос, и транзистор свистнул и заглох. Джон нервно потряс его — транзистор щелкнул и загудел. Джон ударил по нему кулаком — транзистор задымился.

— Марья Никитична! — крикнул О'Богги, высунувшись в коридор. — А что, приемник всегда так работает?

— Всегда, всегда, — засмеялась старуха.

— Fuck! — тихо сказал О'Богги, потушил сигарету, взял палочку и вышел из дома.

На улице было тихо. Медленно таял летний вечер. Магазин «Радиотехника» находился в пяти минутах ходьбы.

Джон зашел внутрь и вышел с новеньким транзистором в руках и направился домой. Когда до дома оставался один квартал, из-за угла, свистя и улюлюкая, выбежали и помчались мимо О'Богги возбужденные тинейджеры в красно-белых шарфиках и шапочках.

Последний, совсем еще мальчуган, вдруг остановился и, светло улыбнувшись Джону, спросил:

— ЦСКА?

— Что? — не понял О'Богги.

— За ЦСКА — болеешь? — уточнил свой вопрос мальчуган, ткнув О'Богги в фальшивые орденские колодки на пиджаке.

— Да-да, конечно, — примирительно ответил О'Богги и погладил мальчугана по русой голове.

— Па-алучай, конюшня! — звонко крикнул мальчуган и ударил Джона ногой в пах.

Свежекупленный приемник, упав, раскололся об асфальт.

Старуха открыла дверь. За порогом стоял жилец.

— Ну и молодежь пошла, — простонал он, держа ушибленное место двумя руками.

— Сталина на них нет, — привычно ответила старуха.

Вахтанг, в крахмальной рубашке, с бабочкой, вошел в ресторан, ведя под локоток длинноногую девицу модельной стати. Из машины за этим внимательно наблюдал сивоусый таксист.

— Хороша кобылка, — мечтательно произнес с заднего сиденья его щупловатый коллега.

— Сосредоточься на жеребце, Федя, — заметил на это сивоусый и снял трубку приема заказов. — «Ромашка», это «Лютик». Он здесь.

Когда Вахтанг вышел из ресторана, держа девицу уже непосредственно за круп, у ресторана стояло полтора десятка машин с шашечками. Их водители многообещающим полукругом ожидали рядом.

— Чувиха, — обратился к длинноногой один из стоявших. — Ты погуляй пока...

— Ну что, кацо, — обратился к Вахтангу сивоусый таксист со шрамом, — поедем?

— Я не при деньгах, — проговорил на глазах трезвеющий Вахтанг.

— Не в деньгах счастье, — сказал сивоусый. — Правильно, бабуля? — обратился он к старухе, как раз в это время достававшей из урны бутылки.

— Правильно, сынок, правильно! — подтвердила та, закивав. Круглые от ужаса глаза Вахтанга смотрели на старуху.

Наутро было воскресенье.

— Вовчи-ик! — стоя под окнами дома № 6, кричал Кирюха. — Купаться идео-ошь?

— Не-э-э! — откликнулся Вовчик. — Я с мамкой и папкой на митинг!

— На кого-о?

— На митинг!

В городском парке гремели марши, на главной площадке реяли красные флаги. По аллеям, усиленный радиоточками, разносился голос:

— Экстремистские силы усиливают свое наступление на Страну Советов! Недавнее нападение провокатора на райком КПСС, кощунственное уничтожение им бюста основателя государства рабочих и крестьян окончательно раскрыло крапленые карты так называемых демократов.

— Какие карты? — переспросил Вовчик. Он стоял в пионерском галстуке и, лупая глазами, пытался понять, что происходит. — Ну мам!..

— Молчи, кретин! — оборвала мамаша. — Не мешай, я запоминаю.

— Подкармливаемые из-за океана, они не останавливаются перед физическим уничтожением лучших кадров партии!

Тут говоривший указал на парторга Козлова, сидевшего в президиуме с загипсованной ногой. Из гипса у Козлова торчал маленький красный флажок, на гордом лице сиял фингал.

— Долой снюхавшуюся с международным империализмом и сионизмом кучку предателей! — вопил оратор.

Вовчик морщился от микрофонного свиста.

— Доло-о-ой! — орал Вовчиков папаша, сверкая на солнце свежевставленными железными зубами.

Дверь камеры открылась.

— Эй, экстремист! — уважительно произнес сержант внутренних войск. — Давай к следователю.

На столе, поворачиваясь, крутился вентилятор и шелестел углами листов, придавленных железной рукой следователя.

— Здась-сь... — робко проговорил Артюхин и, присев у стола, осторожно заглянул в верхний лист.

— Ну что? — спросил следователь.

— Что? — спросил Артюхин.

— Признаваться будем?

— Будем, — сказал Артюхин.

— Тогда пиши, — сказал следователь и подвинул Артюхину лист. — Заявление. Я, такой-то, такой-то... Написал?

— Написал, — сказал Артюхин.

Следователь придавил листы, колыхавшиеся от вентилятора, гипсовым бюстом Ленина и, встав, принялся рассказывать по комнатке, сочиняя.

— ...Подстрекаемый антинародными публикациями буржуазной прессы... Прессы с двумя «сэ»... и выступлениями депутатов меж-ре-ги-о-наль-ной группы... — по словам продиктовал он.

Артюхин, высунув от усердия язык, скреб бумагу. Письменность давалась ему немалым трудом.

— ...Совершил бандитское...

— Бандитское? — не поверил Артюхин.

— Бандитское, бандитское, — заверил следователь и продолжал: — ...нападение на райком КПСС, разбил бюст основателя партии товарища Ульянова-Ленина через черточку и нанес побои коммунистам товарищам Козлову, Титову и Петяеву. Попутно, согласно акту номер... — следователь заглянул в бумаги, — акту номер шестьдесят семь дробь два бэ мною, таким-то, таким-то, было повреждено четырнадцать квадратных метров наглядной агитации и три милиционера. Дата. Подпись. Ф-фу-у!..

Следователь удовлетворенно выдохнул, тяжело опустился на стул и, благостно улыбаясь, принялся ждать, пока, шевеля губами, доскребет продиктованное потный от усердия подследственный.

— Написал, — сказал наконец тот и почтительно подал листок через стол.

— Угу, угу, — запыхтел следователь и вдруг побагровел, как рыночный помидор. — Ты что?

— Что? — поинтересовался Артюхин.

— Ты что, своей фамилии не помнишь? — взвился следователь.

— Почему не помню? — обиделся гегемон. — Артюхин моя фамилия.

— А что ты написал «Я, такой-то, такой-то...»? Какой такой-то?

— Вы так диктовали, — насупился Артюхин.

— Издеваешься, что ли?

— Как диктовали, так и написал, — упрямо повторил Артюхин.

— И Ульянов без мягкого знака! — обнаружил следователь. — Не, ты, Артюхин, издеваешься надо мной.

— А он с мягким? — удивился Артюхин.

— У тебя сколько классов? — спросил следователь.

— Не помню, — ответил Артюхин.

— Ну-у, ты... — выдохнул следователь и подставил голову под струю вентилятора, чтобы отдохнуть. — Давай переписывай!

— Не буду, — сказал Артюхин.

— Что-о? — не поверил ушам следователь.

— Да что я, писатель, что ли? — возмутился Артюхин. — У меня рука устала!

— Пиши, экстремист! — прикрикнул следователь и, приподняв бюстик Ленина, подвинул к провинившемуся Артюхину стопку чистых листов. — Пиши, хуже будет!

— Ты чего пристал! — завопил в ответ Артюхин и, в сердцах широким движением отмахнувшись от стопки бумаги, уронил бюстик на пол. Гипсовая голова с треском раскололась на две неравные части.

Следователь и Артюхин посмотрели на расколотую голову, потом друг на друга.

— Я не хотел, — шепотом сказал гегемон.

— Суд определит, — ответил следователь.

За окнами кабинета начинало темнеть.

— Эк его, — сказала уборщица, сметая обломки лысой головы в совок.

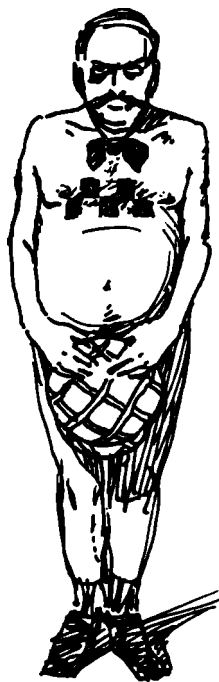
Следователь выразительно на нее посмотрел, запер документы в сейф, спустился по лестнице и вышел на улицу. Было свежо и тихо, только с соседнего переулочка доносился истерический женский хохот и милицейский свист. Следователь пошел на звук и пробрался сквозь толпу.

На тротуаре в кольце зевак стоял маленький и совершенно голый Вахтанг. Из предметов первой необходимости на нем были только ботинки, носки и бабочка. Причинное место Вахтанг прикрывал кепкой. На обри-той груди были вытатуированы таксистские шашечки.

— Вы бы оделись, гражданин, — внимательно рассмотрел Вахтанга, сказал следователь. — А то это статья...

Народ продолжал хохотать. Но если бы народ повнимательнее взгляделся в выражение лица голого человека, он бы смеяться перестал.

Такси медленно погружалось в воды Москвы-реки. Глядя на него, на набережной, среди возбужденной толпы, стоял сивоусый таксист.

— Я не вру! Я сам видел! — раздался рядом звонкий детский голосок. — Дядь! — потербил сивоусого обладатель звонкого голоса. — Они не верят. Дядь, улыбнись! Ну, пожалуйста, дядь...

Сивоусый оскалился. Зубы у него были аккуратно выбиты через один, что создавало ощущение фирменного знака «шашечки».

— Видал? — обрадовался ребенок и повернулся к другому. — А ты не верил! Щелбан тебе.

Под знаменем с Георгием Победоносцем, поражающим змея, и транспарантом «Спасай Россию!» сидел средних лет мужик с тревожным лицом. Позади мужика стояла пара молодцев в военизированной форме; перед мужиком сидели ходоки от таксистов.

— Это армяне были, — говорил один.

— Точно, армяне! — соглашался другой.

— А может, наоборот, азербайджанцы, — сказал третий.

— Хотя, может, и грузины, — сказал первый.
— У осетин тоже носы, — поделился наблюдениями второй.
— Это один хрен, — наставительно пресек диспут мужик под знаменем. — Кавказ?..
— Кавказ, Кавказ! — подтвердили таксисты.
— Кепки, рынок, акцент?
— Точно, — согласились таксисты.
— Что же это с Россией-то делают, а?
— Что? — встревожились таксисты.
— Это ведь геноцид, — сообщил мужик под знаменем.
— Чего? — не поняли таксисты.
— Темен еще народ, — пожаловался мужик военизированным под знаменем.
— Уничтожить хотят русских людей, — хмуро пояснил один из военизированных.
— Точно, хотят, — согласился таксист. — Гарифуллину чуть глаз шампуром не выткнули.
— При чем тут Гарифуллин! — крикнул мужик. — Русь в опасности! Кавказцы, чучмеки всякие, сионисты... Евреев там не было ли? — спохватился он.
— Вроде нет, — переглянулись таксисты. — Хотя, — вспомнил один, — одного вроде Давидом звали. Он еще старуху какую-то трахнуть хотел.
Это стало последней каплей.
— О-о-о-о! — закричал мужик. — О-о-о-о!
И, перестав кричать, сказал первому военизированному:
— Собирай народ, Гриша, час настал.

Утром у рынка Гиви Сандалия, напевая «Сулико», сгружал с уазика ящики с помидорами.

— «Но ее найти нелегко-о... — пел Гиви. — Долго я томи-и-ился и стра-а-адал, где же ты...»

Тут глаза у Гиви округлились, и он перестал петь: в магазин «Молоко» входила с кошелкой та самая старуха.

— Дорогой, — сказал Гиви шоферу уазика и, не глядя, вложил в его руку комок денег, — я отойду, мне очень надо.

— Старую знакомую увидал? — спросил шофер.

— Очень старую, — ответил Гиви Сандалия, сверкнув зубами.

Из магазина «Молоко» старуха заглянула в булочную, потом постояла за яйцами, пособачилась в бакалее — и везде за нею барсом крался Гиви Сандалия.

Наконец она отправилась домой, продолжая вслух доругиваться с продавщицей, и Гиви приблизился до расстояния броска. Но провидение хранило старуху: у самого подъезда она встретила соседку, и в подъезд они вошли вместе.

Гиви подождал, задрал голову, пока наверху хлопнет дверь, и, выйдя из дома, многообещающе глянул на угловые окна третьего этажа.

Отодвинув занавеску, Джон О'Богги увидел внизу брюнета с орлиным носом. Брюнет внимательно смотрел на его окно. Агент отпрянул от подоконника и прошел в кухню, где старушка выгружала нехитрую утреннюю провизию.

— В магазин ходили? — нежно осведомился он.

Старуха не ответила, продолжая доругиваться с продавщицей.

— Можно вас на минуточку, Марья Никитична? — попросил агент «Минотавр», разминая за спиной пальцы рук.

— Зачем? — поинтересовалась старушка.

— У меня есть бутылочка можайского молока и немецкие собачьи консервы из ветеранского заказа, — сказал О'Богги и очаровательно улыбнулся. — Отметим новоселье.

Гиви повесил трубку и вышел из телефона-автомата. Через минуту к рынку начали съезжаться машины.

Из них, в полном вооружении, стали выходить грузины. Гиви, размахивая руками, показал им подъезд, а сам бросился обратно на рынок. Там, купив большую жесткую грушу, он выломал из ящика доску с гвоздем и насадил на него фрукт. Продавец груш с интересом следил за происходящим. Соорудив палицу, Гиви подмигнул визави и несильно тюкнул его грушей по голове. Продавец взвыл.

— Замечательно, — сказал Гиви.

И бросился к машине, где на заднем сиденье сидел уже одетый, и очень хорошо одетый, Вахтанг.

— Вахтанг, — попросил Гиви, — пусти к старухе меня. Очень хочу.

Старуха, с кляпом во рту, сидела на унитазах, примотанная к трубе бельевой веревкой.

— Извините, Марья Никитична, — сказал в направлении санузла Джон О'Богги и чуть отодвинул занавеску: вокруг дома, уже не скрываясь, стояли брюнеты в одинаковых кепках. — Ничего личного.

— М-м-м, — сквозь кляп ответила старуха.

— Не понял. Ну да это и не важно. Важно, что вы позвонили в милицию.

— М-м-м, — промычала старуха.

— Вы, вы, — заверил О'Богги.

— М-м-м!..

— Не вы? Ну ладно, — пожал плечами агент «Минотавр». — Теперь это все равно.

Вынув из кармана бутылочку виски, он отвинтил крышку и налил в нее; потом накапал старухе валерьянки.

— Ну что, на посошок?

В дверь позвонили.

— Ктой-то? — старухиним голосом спросил О'Богги, бережно доставая из-за пазухи баллончик с черепом и костями на боку.

— Тэлэграмма, — ответили из-за двери.

Под суровым низким небом качались транспаранты «Свободу Николаю Артюхину!» и «Долой КПСС!».

Одобрительный рев рабочих прерывал речь выступающего.

— Мы, металлурги Урала, — кричал в мегафон детина в спецовке, — требуем освобождения нашего товарища, отважного борца с партократией Николая Артюхина! Дашь всеобщую забастовку, товарищи!

— Дае-ошь! — проревела толпа.

— Долой райкомы, горкомы и обкомы — кровососущие пиявки на необъятном теле нашей родины!

— Тэлэграмма! — настойчиво повторил Гиви Сандалия, стоя наготове у косяка.

— Секундочку, милоч! — отозвались из-за двери.

Гиви успел злорадно улыбнуться, прежде чем в лицо ему ударила струя нервно-паралитического газа. Улыбка Гиви из злорадной стала блаженной, и он рухнул.

Агент «Минотавр» пантерой вылетел на лестничную клетку и застыл в жуткой боевой позе какого-то восточного вида.

На лестнице было пусто. Только Гиви лежал на пороге с самодельной палицей в руке.

— О господи, — прошептал «Минотавр», — эти загадочные русские...

Он затащил Гиви в квартиру. Через минуту ветеран с палочкой исчез навсегда. Вместо него из квартиры, прихрамывая, вышел с чемоданчиком раскосый азиат с неподвижным лицом и в тюбетейке.

Азиат прошел из подъезда в переулок, вдоль которого, подпирая стены, в непринужденных позах стояли грузины в кепках.

— Сынок, — попросил азиат одного из них, стоявшего под козырьком подъезда, — не стой здесь, опасно...

— Иди, иди, — поморщился грузин.

— Храни тебя Аллах, — сказал азиат и повернул за угол.

Навстречу ему, под хоругвями и транспарантом «Спасай Россию!», шла толпа угрюмых мужиков.

— О, вот еще один чучмек, — сказал один.

— Эй, урюк, — сказал другой, — ну-ка, иди сюда.

В просторном кабинете с портретом Дзержинского на стене сидел усталый мужчина, стриженный под «ежик». Перед его столом стоял другой, причесанный на пробор.

— Дальше, — сказал тот, который был под «ежик».

— По делу Артюхина обстановка ухудшилась, — продолжил «пробор». — В Ростове, Самаре и Архангельске начались волнения. На Урале за два дня зафиксировано восемь нападений на райкомы и горкомы КПСС. В целом по стране разбито сто двенадцать бюстов Ленина, а также суммарно восемьдесят три Маркса—Энгельса.

— Что значит «суммарно»? — нахмурился «ежик».

— Идентификация бюстов еще не закончена, — пояснил «пробор». — Данные отдельно по Марксу и Энгельсу будут завтра.

— Дальше.

— Массовые волнения в связи с делом Артюхина начались в городе Артюхинске, селах Артюхино, Артухово и деревне Верхние Артюхи.

— А Нижние?

— Что Нижние? — не понял «пробор».

— Нижние Артюхи, — сказал «ежик».

— В Нижних пока все тихо, — ответил «пробор» и, помолчав, продолжил: — В деревне Зубопалово пытались утопить зоотехника Копытина.

«Ежик», автоматически чертивший что-то на листе, поднял усталые глаза.

— Он однофамилец следователя, который ведет дело Артюхина, — пояснил «пробор».

— Почему не утопили?

— Этим сейчас занимается местная прокуратура, — ответил «пробор».

— Дальше.

— Дальше — больше, — предупредил «пробор».

— Конкретнее, — попросил «ежик».

— В последние дни наблюдается резкая активизация мафиозных структур. В Москву чартерным рейсом прилетели грузины.

— Все? — удивился «ежик».

— Человек сорок.

— Арестовать, — коротко распорядился «ежик».

— Людей не хватает, — пожаловался «пробор». — Особый отдел второй месяц штурмует квартиру бомжа Сергеева, живущего без прописки.

— И как?

— Есть потери.

— Ясно. Все?

— Нет. Еще большие проблемы с футболом.

— Я не болельщик, — отрезал «ежик».

— Упаси вас боже, — ответил «пробор».

— То есть? — поднял глаза «ежик», продолжавший чертить.

— После очередного... — «пробор» заглянул в какие-то бумаги, — четырнадцатого тура чемпионата страны в целом по стране избито четыреста восемь болельщиков ЦСКА, из них сто семьдесят два — кадровые военные от прапорщика до генерал-майора, из них девятнадцать попросили политического убежища в Германии и болеют теперь за клуб «Бавария», Мюнхен.

— А вот это плохо, — нахмурился «ежик».

— В ответ болельщиками ЦСКА, с привлечением курсантов военно-десантной академии имени Хафизуллы

Амина, избито в целом по стране восемьсот четырнадцать болельщиков «Спартака», из них триста пятнадцать — просто прохожие, а остальные, к сожалению, болельщики «Локомотива».

— Почему «к сожалению»?

— Министерство путей сообщения объявило забастовку. Уже два дня все стоит.

«Ежик» вздохнул:

— Поставьте это дело на контроль.

Он уже сидел на подоконнике, а из окна неслись свист и улюлюканье.

— Во дают, — сказал «ежик».

— Кто?

— А черт его знает, — ответил «ежик». — О, погналы кого-то... Надо же, как быстро бежит!

— Кто? — спросил «пробор».

— Да узбек какой-то. Или туркмен, откуда не видать, — ответил «ежик», увлеченно глядя вниз. — Чурка, в общем! Давай, гони его! Дава-ай!.. — вдруг закричал он и протяжно свистнул в пальцы.

— Разрешите идти? — попросился «пробор».

— Иди-иди, — не глядя, разрешил «ежик» и снова залился протяжным свистом.

Перед зданием следственного изолятора бурлила демократическая общественность, развевались трехцветные российские флаги и суетились операторы.

— Нормалек! — кричал один из них через головы собравшихся. — Вот здесь стой!

— Доску берет? — спрашивал второй, у входа.

— Берет! — отвечал первый.

— Пожалуйста, пропьюстите, — проталкивался некто явно не советский.

— Идет, идет! — пронеслось по толпе.

Маленький духовой оркестр исполнил «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» — и в дверях появился Николай Артюхин. Вокруг него тут же закипела жизнь, и корреспондент заговорил в микрофон:

— Сегодня демократическими силами страны одержана крупная победа: до суда отпущен на свободу Николай Артюхин. Но цепляющаяся за власть партократия не отказалась от желания свести счеты с бескомпромиссным рабочим! Николай, что вы чувствуете сейчас?

Артюхин, открыв рот, стоял под вспышками блицев.

— Николай, — настаивал корреспондент, — мы понимаем ваше состояние, и все-таки: буквально несколько слов для миллионов телезрителей.

— Я, это... — сказал Артюхин. — В общем, я не хотел...

— Не хотели выходить из тюрьмы? — захлебнулся в восторге корреспондент. — Вы считали нужным продолжать борьбу в заключении?

Артюхин, тревожно моргая, смотрел на говорящего, а того уже оттесняли в сторону.

— Господин Артюхин, — с акцентом встрял несоветский, — собираетесь ли вы основывать свою партию?

Артюхин в ужасе отводил руками микрофон, а вокруг кипела толпа, и люди тянулись, мечтая пожать его руку или потрепать по плечу.

— Спасибо, спасибо вам! — кричал, прорвавшись, какой-то всклокоченный очкарик.

— За что? — интимно спросил Артюхин.

— Вы поддержали мою веру в рабочий класс! Еще Плеханов писал в письме к Засулич...

Тут на очкастого с ревом наехала группа на мотоциклах, и первый мотоциклист, весь в коже и металле, коротко сказал:

— Садись.

— Вы кто? — спросил уже насмерть перепуганный Артюхин.

— Панк-группа «Черепок», — представился кожаный. — Тусуемся, лысому бюсты бьем. Полный торчок, Колян! Забирает не хуже дихлофоса. Летс тугезер, мы фор ю пару лысых заныкали.

— А? — спросил Артюхин.

— Пипл не врубается, — констатировал кожаный. — Пьер!

Пьер с соседнего мотоцикла вынул из-за пазухи маленького — в полный рост, с традиционно протянутой ручкой — Ленина и кинул кожаному. Тот, поймав на лету, всучил статуэтку остолбеневшему Артюхину.

— Спасибо, — пересохшими губами прошептал гегемон, с ужасом глядя на виновника всех своих несчастий.

— Гаси его, козла, — сказал кожаный.

— Не надо, — попросил Артюхин.

— Гаси, — сказал кожаный.

— Чего там, все свои! — крикнул Артюхину очкарик. — Гаси!

Виновато улыбаясь, Артюхин поглядел вокруг. Ответственность ждала. Артюхин разжал руки, и раздался уже традиционный звук. Все бешено заплодировали, и звуки оркестра перекрыл торжественный рев моторов.

Гиви Сандалия открыл глаза и осторожно сел. Сидел он посреди незнакомой квартиры, в которой кто-то мычал.

— М-м-м! — несло из-за двери туалета. — М-м-м!

Гиви потряс головой. Он не помнил, как оказался здесь, и не мог понять, кто мычит.

Гиви встал, по стенке осторожно подошел к двери туалета и попросил:

— Еще что-нибудь скажи.

— М-м-м! — замычали изнутри и перешли на вторую октаву: — М-м-м!..

Гиви вспомнил.

— Сейчас открою, — сказал он, — только ты потом обратнo не просись.

— М-м-м! — завопила старуха.

Гиви щелкнул замком.

— Ку-ку, — сказал он и подмигнул.

Старуха молча вытаращила глаза.

— Вот и я, — сказал Гиви.

— М-м-м? — не поняла старуха.

— Не узнает, — констатировал Гиви и надел кепку. —

Так — узнаешь?

Старуха сказала:

— М-м-м?

— Ага, — подтвердил Гиви и поинтересовался: — Ну что, будем говорить или будем мычать?

Вахтанг сидел в машине, как Наполеон под Аустерлицем. Мимо, под равнодушными взглядами дежуривших вдоль дома грузин, пробежал одинокий спартаковский фанат, за ним протопотала толпа милиционеров.

— Пора, — сказал Вахтанг, поглядев на часы, и кивнул стоявшему возле машины брюнету.

Звонить брюнеты не стали, а с разбегу вынесли дверь в старухину квартиру. Глазам их предстало дивное зрелище. Старуха давала показания на унитазе, привязанная к водосточной трубе.

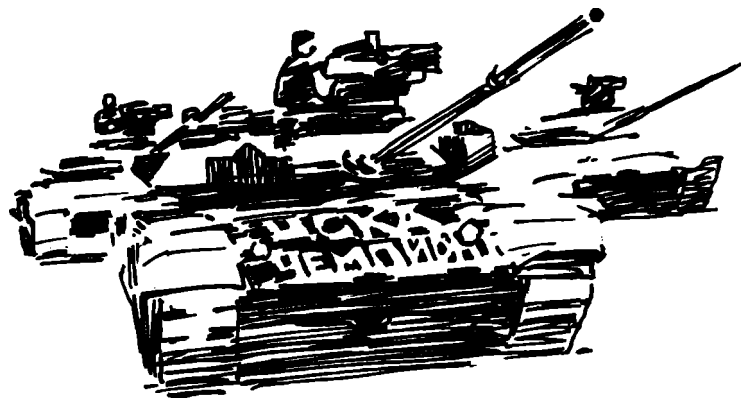
— Таксистов тоже он посылал? — спрашивал Гиви.

— Троцкистов? — тихо ахнула старуха. — Он. Кому ж еще. Такой бандит. В туалете меня запер!

— Ясно, — сказал Гиви. — Значит, одет как ветеран?

Старуха судорожно закивала.

Группа патриотов с транспарантом «Спасай Россию!» гнала Джона О'Богги по столице нашей родины. Джон утирался на бегу тубетейкой, страшно хромал и приговаривал «Fuck». Рядом с ним от патриотов бежали: пять евреев, три армянина, два калмыка и негр. Негр, оборачиваясь

и зверски сверкая белками глаз, кричал патриотам волшебные слова «Патрис Лумумба».

Они влетели в подземный переход и выскочили с другой стороны на группу дискутирующих граждан у редакции «Московских новостей».

Увидев хоругви и лица патриотов под ними, половина дискутировавших тут же дала стрелкача. Другая половина, придя в себя, бросилась за ними в погоню. У стендов, прилепившись носом к газете, остался только близорукий и глуховатый старичок. Дочитав газету, он обернулся, повертел вдоль опустевшей площади явно нерусским лицом и спросил:

— А что, все уже уехали?

Джон О'Богги, обмахиваясь тубетейкой и держа за сердце, сидел за углом в компании трех евреев. Левая щека его дергалась в тике. Вид у бывшего суперагента был, мягко говоря, не товарным.

— Азохн вей, — сказал тоскливого вида еврей средних лет. — Как мне надоели эти цоресы.

— А что ж ты не уехал? — спросил его другой.

— Я ждал, когда ты, — ответил первый.

— А я — когда ты.

— Скажите, — тяжело дыша, обратился к О'Богги третий еврей, — а что: вашу нацию тоже бьют?

— Какую? — спросил О'Богги. Щека продолжала дергаться в тике.

— Ну, вашу, — тактично повторил еврей.

— Бьют, — сказал О'Богги.

— Вас-то за что? — искренне удивился еврей.

— Не знаю, — ответил О'Богги и осторожно взглянул за угол. — Кажется, тихо...

В этот момент в воздухе что-то засвистело. Едва агент успел залечь, как посреди улицы что-то взорвалось, и с бульвара на Тверскую повернула колонна тяжелых танков. Громыхая, они поехали прямо на них, сверкая свежей надписью на броне «ЦСКА — чемпион!».

Джон О'Богги охнул и, петляя и припадая на одну ногу, побежал прочь.

Сзади лезли на стенку евреи; высовываясь из канализационных люков, стреляли по танкам из рогаток спартаковские фанаты, пританцовывали невесть откуда взявшиеся кришнаиты, но всего этого О'Богги уже не видел.

Забежав в общей суматохе за угол дома, он поставил чемоданчик на тротуар и устало привалился к стене. Немного отдышавшись, Джон вынул из брючного кармана трубочку валидола, вытряхнул на ладонь белую таблетку, положил под язык и прикрыл глаза.

Когда он открыл глаза, чемоданчика не было.

Джон закричал страшным голосом. На крик из-за угла повернул казачий конный патруль и, нахлестывая лошадей нагайками, поскакал на суперагента. О'Богги шмыгнул во двор и кошкой забрался по водосточной трубе на второй этаж.

Рядом с трубой открылось окно, и в окне появился здоровенный, весь заросший волосами мужик в майке.

— Добрый день, — сказал ему О'Богги.

Мужик тяжело вздохнул:

— Нинка, блядь, как мне надоели твои кобеля!

С этими словами он взял О'Богги пятерней за лицо и сбросил вниз.

Вечером на почту, держась за сердце, вошел грязный и полуживой, в нервном тике, азиат. Взяв чистый бланк, он написал: «НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКЕ КОНСТАНТИНУ МАКАРОВИЧУ. ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА. ВАНЯ».

Через неделю в одном из шпионских гнезд в Западной Европе прочли: «Центр, Циклопу. Прошу обеспечить переход границы в обратном направлении. Агент «Минотавр».

А патриоты все гнали по набережной Москвы-реки чернокожего гражданина, осатанело кричавшего «Патрис Лумумба» — пока не вбежали следом за ним в Университет дружбы народов.

Оттуда они выбежали, гонимые сплоченной группой негров.

Особо свирепым выражением лица выделялся тот, который только что кричал «Патрис Лумумба». Патриоты отбивались от негров хоругвями и звали на помощь православных. Им улюлюкали с проносящихся по мосту грузовиков. Над первым грузовиком красовался транспарант «Люберцы — за «Спартак».

Наконец негры отловили одного патриота и под торжественный напев сбросили его в Москву-реку, а сбросив,

начали приплясывать по набережной, раскачиваясь и ритмично хлопая в ладоши.

Вечером к зданию МИДа подъехала машина под разноцветным флагом какого-то африканского государства. Из остановившейся машины вылез тучный негр с папкой крокодиловой кожи в руке и другой, поджарый. Они начали неторопливо подниматься по лестнице.

Шофер, зевнув, достал из пачки сигарету, собираясь закурить, но закурить не успел. Дверь снова открылась, и тучного негра выкатили из МИДа на каталке вперед ногами. Рядом несли капельницу.

Следом из МИДа пинком выставили поджарого. Затем из двери вышел аккуратный мидовец в строгом сером костюме, с папкой крокодиловой кожи в руке. Разбежавшись, как вратарь, он зафигачил по папке ногой.

В вечернем свете листы африканской ноты протеста плавно оседали на ступени МИДа...

На экране телевизора в какой-то далекой стране негры, пританцовывая, рвали на куски красное знамя, переворачивали машины и били витрины «Аэрофлота». Комментируя кадры, диктор суровым голосом сообщал о взрыве антисоветизма в Верхней Бонге и Средней Бананге и высылке оттуда наших специалистов, оказывавших братскую помощь народам Бонги и Бананги в строительстве кирпичного завода.

На экране негры ломали кирпичи себе о головы и что-то пели.

Напротив телевизора, перед бутылкой, тарелкой и стаканом, сидел сильно «взявший на грудь» Вовчиков папаша, Сидор Петрович.

— Э-эх! — громко выкрикнул он в экран и грохнул лапой по столу так, что на столе задребезжало. — Флаг наш рвать, да?

И кинул в телевизор вилкой.

На звуки выглянула из кухни супруга Сидора Петровича:

— Чё, Сидор?

— Распустились! — пожаловался Вовчиков папаша, ткнув грязноватым пальцем в сторону программы «Время». — У, обезьяны! — пригрозил он.

— Кончай пить, — дежурно сказала Вовчикова мамаша. — Совсем пропьешь мозги-то.

— Иди в жопу, — привычно ответил на это Сидор Петрович и снова налил. — А ты спать давай! — крикнул он в стенку, из-за которой, как молотом по голове, стучал тяжелый рок.

— Чё спать-то? — донесся оттуда голос Вовчика.

— Ничё! — ответил отец. — Сказал: спать, значит — спать! Козел недоеный!

— Чё козел-то? — обиделся Вовчик.

— Да не ты! — так же, через стенку, проорал Сидор Петрович и снова ткнул пальцем в экран: — Этот вот, косяглазый... Острова ему отдавать... Хрена! А, гад!

И он швырнул в телевизор ложку.

— Разобьешь! — крикнула из кухни супруга.

— Разобью — новый куплю, — отрезал Сидор Петрович, выпил, опять мрачно уставился в экран и вдруг просял: — О! О-о-о, давай-давай!

На экране несоветские пожарные боролись с несоветским огнем. «Материальный ущерб, — сообщил диктор, — оценивается в пять миллионов долларов».

— Га-а-а! — радостно завопил Сидор Петрович, бия себя по коленкам.

— Тише ты, чудило боевое! — крикнула супруга.

— Иди в жопу! — весело заявило чудило. — Га-а, горят, капиталисты вонючие, горят, потушить не могут! Га-а-а!

Он снова заржал и вдруг подавился смехом, выпучил глаза и подался к экрану. Там, в окружении первых лиц,

в новом костюме, с депутатским значком на лацкане и блудливой улыбкой на лице, стоял Николай Артюхин.

— Что-о? — заревел Сидор Петрович, сверкая железными зубами.

Тем временем натуральный Артюхин (не на экране, а внизу у подъезда) с парой обломанных гвоздик и бутылкой шампанского вылезал из казенной «Волги». Новоиспеченный депутат хлопнул дверцей, молодецким свистом отпустил машину и, пошатываясь, побрел домой.

Сидор Петрович сидел с отвисшей челюстью перед экраном и смотрел на своего супостата.

— ...Принял участие лидер рабочего движения, недавно избранный депутатом от Кузбасса Николай Артюхин, — сообщил диктор.

— Кто? — прохрипел Сидор Петрович.

— Николай Артюхин, — повторил диктор.

— Сука! — крикнул Сидор Петрович. — Депутат трёпанный!

Схватив телевизор в охапку, Сидор Петрович, с мясом вырвав штепсель, кинул его в темноту раскрытого окна.

Расколовшись о голову Артюхина, телевизор с грохотом разлетелся по тротуару. Артюхин икнул и, не выпуская из объятий шампанское, тихо повалился на асфальт.

На всех углах бушевали газетчики.

— Кто стоит за покушением на Николая Артюхина? Откровения бывшего генерала КГБ! Последние новости! КГБ хотело убить рабочего! Покупайте печатный орган анархо-синдикалистов, газету «Крик души»! Один «Крик» — полтора рубля!

Посреди всего этого, напряженно вглядываясь в лица, явно не первый час ходили трое грузин. За ними, еле переставляя ноги, брела старушка.

— Кто стоит за покушением на Николая Артюхина!.. — орал детинушка у перехода.

— Эй! — позвал его Гиви.

Детинушка посмотрел на него как на прозрачного и продолжал орать.

— Эй! — вторично позвал Гиви и помахал перед носом десяткой. Детинушка тут же навел глаза на резкость.

— Ветеран не проходил? — спросил Гиви. — Тут усики, тут пиджак.

— А-а, — сказал детинушка, взяв десятку, и той же рукой указал: — Туда пошел!

— Спасибо, дорогой! — с чувством сказал Гиви и потащил старуху в указанном направлении.

Улицы были забиты возбужденным народом, поперек площади лежал лысый памятник...

Грузины молча продирались сквозь потные тела; что-то пророчили уличные астрологи; группа иностранцев с видимым интересом слушала какого-то параноика, который с грузовика кричал, что если его сейчас выберут президентом, он первым делом уничтожит Пакистан.

— Что тут у них происходит, как думаешь? — спросил высокий грузин.

— Я думаю, что-то с головой, — ответил маленький.

— Этот? — продираясь сквозь толпу и тыча пальцем во всех усачей, спрашивал Гиви. — Этот?.. Этот? — спросил Гиви, указав на остолбенелого мужика, с открытым ртом слушавшего жуткие речи с грузовика.

— Да я ж не вижу со спины! — ответила замученная старушка.

Гиви молча взял мужика за лицо и повернул к старухе.

— Вроде нет, — сказал старуха. — А может, и он. — Она с тоской посмотрела на суровые лица грузин. — Пускай будет он!

— Это — ты? — спросил мужика Гиви.

— Я, — честно ответил мужик.

— Тот был идиот? — спросил Гиви у старухи.
— Нет, — ответила старуха.
— Тогда не он, — сказал Гиви. — Пошли.
— Я хочу домой, — заявила старуха.
— Зачем?
— Мне надо, — сказала она.
— Отойди в кусты, — посоветовал Гиви.
— Я устала! — крикнула старуха.
— В морге отдохнешь, — заверил Гиви.
— Гад помидорный! — заверещала старуха. — Тебя расстреляют и я буду командовать расстрелом!
— Слушай... — подняв палец, начал было Гиви, но маленький его перебил:
— Эй! Это не он?
— Он! — тут же согласилась старуха. — Этот точно он. Вылитый!

Возле грузовика с параноиком-«президентом» стоял отбившийся от своих иностранец с усами. Поверх майки и фотокамеры на нем был только что купленный с рук за десять долларов китель с грудой звякающих железок — от Георгиевского креста до значка ГТО. Иностранец позвякивал цацками и радостно снимал картинки постперестроечной жизни.

— Точно. Он, — подтвердила старуха.

Гиви улыбнулся долгожданной улыбкой, постучал иностранца по кителю и, когда тот обернулся, сказал:

— Ку-ку.

Джон О'Богги нервно курил, сидя на детской площадке. Он ждал связника. Он не спал двое суток. Лицо его дергалось в тике. У песочницы воспитательница выгуливала детский сад.

— Чур я Горбачев! — кричал один мальчик, забравшись с ногами на скамейку, где сидел О'Богги, и прилепив себе на лоб листик.

— Нет, я! — кричал другой, прилепив листик побольше.

— Я первый сказал!

— Тогда я Ельцин. У-у-у!

«Ельцин» сделал «Горбачеву» «козу» и начал спихивать со скамейки.

— Не тро-ожь! — закричал первый. — Я Горбачев! Горбачев важнее Ельцина! От-стань!

С этими словами «Горбачев» столкнул «Ельцина» в песочницу и тут же заплясал, задрезнил:

— У-пал с мос-та! У-пал с мос-та!

— Ж-ж-ж!

Сметая с пути детей и куличики, по песочнице проехался игрушечным танком мальчик в буденовке и с игрушечным автоматом на плече. Развернувшись, он помчался к скамейке.

— Пуф! Пуф! — крикнул буденновец «Горбачеву», сам залез на скамейку и, приставив автомат к голове О'Богги, сказал: — Та-та-та-та-та!

О'Богги икнул, отпрянул — и тут в конце аллеи появился связник. Сверкая на солнце рыжими волосами, он бежал от группы брюнетов, неуклонно сокращавших расстояние.

— Экскюз ми, — пробегая мимо О'Богги, выдохнул связник. — Fuck!

И, перепрыгнув через деревянную детскую лошадку, он рванул со сквера через улицу. Брюнеты, гикая, пронеслись следом.

— Эй, урюк! — весело проорал Джону толстячок в майке с надписью «Аэробика» и притормозил, исполняя бег на месте. — Айда с нами рыжих мочить!

— Кого? — в ужасе переспросил О'Богги.

— Рыжих, — просто повторил толстячок и побежал дальше.

Сзади Джона внятно раздалось:

— Руки вверх!

Джон инстинктивно поднял руки. Правая щека у него дернулась в тике.

— Вы арестованы! Та-та-та-та-та!

Джон О'Богги сильно икнул и дернул глазом. Сзади, улыбаясь до оттопыренных ушей, стоял с автоматом юный буденновец.

— Зачем ты так, мальчик? — укоризненно произнес агент «Минотавр» и снова икнул.

На Лубянской площади под лозунгами «Позор КГБ!» и «За Артюхина ответите!» бушевал народ, а само здание КГБ уже охранял спецназ. Протиснувшись сквозь толпу, Джон О'Богги с трудом подобрался к майору, командовавшему оцеплением.

— Пропустите меня, — тихо попросил О'Богги и икнул.

— Куда? — поинтересовался майор.

— Туда, — показал О'Богги и снова икнул.

— Зачем? — спросил майор.

— Пожалуйста, — в волнении дергая глазом, смиренно попросил О'Богги. — Мне очень нужно...

— Ты мне, чурка, не подмигивай, — сурово произнес майор. — Я тебе не девка.

— Я шпион, — шепотом сказал О'Богги.

— Кто? — переспросил майор.

— Шпион я, — громче повторил О'Богги и сильно икнул. — Сдаваться пришел, — нервно пояснил он собравшемуся вокруг народу. — Ик!

— Иди домой, — посоветовал майор, брезгливо рассмотрев суперагента. — Опохмелись.

— Я шпион! — в тоске закричал О'Богги. — Позывной «Минотавр»!

Народ вокруг загудел.

— Иди по-хорошему, — сказал майор. — А то арестую.

— Вот! — обрадовался О'Богги и икнул еще сильнее. — Правильно! Арестуйте! Позывной «Минотавр» я! — поделился он с каким-то деклассированным элементом, торчащим рядом.

— Ага, — обернувшись к народу, подтвердил элемент. — Мы с ним вместе на ЦРУ работали. Га-а!

Элемент заржал. В толпе тоже захохотали.

— А ну бегом отсюда, чурка недоразвитая! — зашипел майор.

— Я шпион! — дергая глазом и размазывая слезы по щекам, кричал Джон О'Богги, но его никто не слушал. — Я! Ик! Шпион! Почему вы мне не верите? Ик!

— Погодь, погодь, — встрянул какой-то серьезный мужик с горящими глазами. — Позывной «Менатеп»? Эти тоже, что ль, шпионы?

— Ясное дело, — сказал кто-то по соседству. — Их сионисты давно купили.

— Кого?

— «Менатеп»!

— Да ну! — засомневался кто-то.

— Вот те и ну! За тридцать шекелей продали Россию.

— При чем тут «Менатеп»? Это я шпион. Я! Ик!

Но его уже никто не слушал.

Артюхин открыл глаза. Над его койкой стояла делегация в белых халатах.

— Николай Петрович, — прочувствованно произнесла женщина в очках, — коллектив нашей больницы поздравляет вас с выздоровлением и желает долгих-долгих лет жизни и крепкого-крепкого здоровья на благо всего народа.

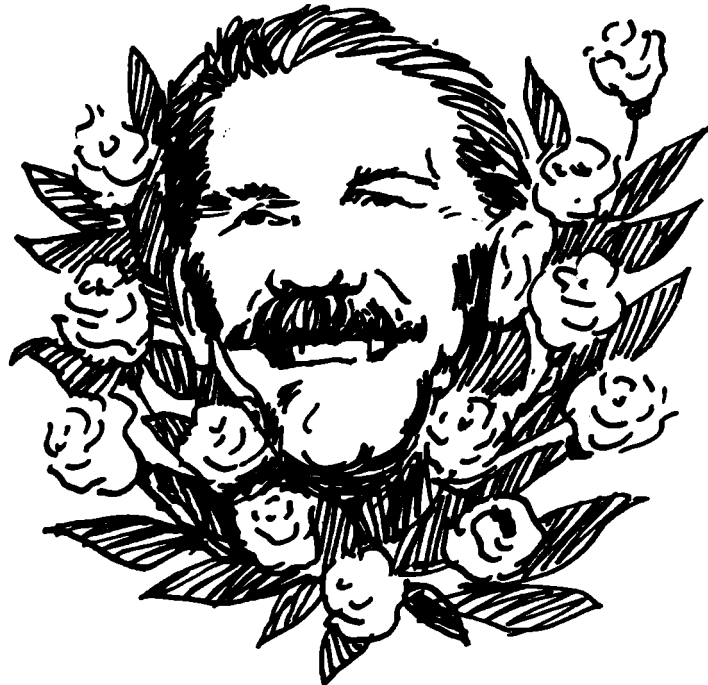
Сказавши это, женщина сделала ручкой, и к постели Артюхина гуськом потянулись медсестры с букетами государственных красных гвоздик.

Артюхин лежал, блаженно улыбаясь. Свободной от цветов рукой он поглаживал подходивших медсестричек по икрам.

В сопровождении женщины в белом под вспышки блиццев и телекамеры гегемон-депутат прошел по больничным коридорам и спустился по лестнице. В сквере его ожидала праздничная толпа с транспарантами: «Так держать, Колян!» и «Артюхина — в президенты!».

Артюхин уверенно подошел к микрофону, уже привычным жестом поднятой вверх руки поприветствовал публику и сказал:

— Сограждане!

Поезда не ходили, самолеты не летали, народ митинговал. Все били друг друга.

Двое друзей Гиви, длинный и маленький, несли по Москве позвякивающего цацками иностранца. Они несли его, как барашка, привязанным за руки за ноги к здоровенной жерди.

Впереди, счастливо улыбаясь, шел Гиви, позади семенила старушка. Иностранец кричал на ломаном русском, что он есть корреспондент Эй-би-си. Его коллеги щелкали затворами фотоаппаратов. Назавтра на Западе вышли газеты со скандальными снимками из Москвы.

Артюхин, размахивая рабочими руками, орал уже с трибуны Верховного Совета СССР. По бурлящей Москве, отстреливаясь от милиции и патриотов, носились грузинские боевики; спартаковцы били армейцев, динамовцы — и тех и других; гиды Музея Революции, хрипя в мегафоны, звали народы на экскурсию к стояку, которым Николай Артюхин впервые расколошматил бюст Ленина.

В Москве паковали вещи западные посольства, в Вашингтоне Джордж Буш прилюдно рвал в клочки договоры по разоружению; давали интервью Миттеран и Гельмут Коль; к Красной площади для окончательной разборки

сходились под национальными флагами тысячные толпы из бывших советских колоний...

В массивном здании «Интерпола» секретарша аккуратно положила на стол фотографии и листы распечатанной информации.

— Это сводка по международному терроризму за неделю, как вы просили, — сказала она и вышла из кабинета.

С фотографий на хозяина кабинета смотрели Гиви Сандалия и старуха.

В Москве стояла золотая осень. Гиви торговал на рынке помидорами.

— Почем? — спрашивали у него.

— Сорок, пятьдесят, — отвечал Гиви.

— Сколько? — переспрашивали у него.

— Ай, проходи, да? — отвечал Гиви. Вдруг лицо его просияло: он кого-то увидел. — Эй, подруга, подходи, продам за тридцать пять!

— Сталина на тебя нет, — отвечала подруга.

— Нэт, — разводя руками, соглашался Гиви. — Уже нэт!

Артюхин говорил.

В зале с вытянутыми лицами сидели президенты и премьер-министры; за мощной спиной гегемона развевалось голубое знамя Организации Объединенных Наций...

— М-да... — сказал пожилой благообразный господин. Он сидел в своем шпионском гнезде, глядя на экран телевизора, где размахивал руками Николай Артюхин. — Кажется, задачу, поставленную «Минотавру», можно считать выполненной. Союз развален окончательно.

— Окончательней некуда, — согласился его одноглазый коллега, сидевший в соседнем кресле с сигарой в худощавой руке.

— Но как он организовал карьеру этому придурку? — кивнув на экран, спросил благообразный.

— Подробности неизвестны, — ответил одноглазый. — Но это безусловно дело рук «Минотавра». Это его стиль!

— Агент «Минотавр» — гордость нашей организации, — сказал благообразный. — Я хотел бы с ним познакомиться лично...

— Увы... — вздохнул Одноглазый

Благообразный нахмурился.

Одноглазый вынул из кармана платок и печально высморгался.

— Мы не имеем достоверных данных, но, судя по всему, при выполнении последнего задания агент «Минотавр» был провален и погиб в застенках КГБ.

Благообразный траурно покачал головой:

— Теряем лучших людей...

Утро застало Джона О'Богги на Казанском вокзале. Он спал на полу у помойки, завернувшись в халат и накрыв лицо тубетейкой. Возле лица шваркала тряпкой уборщица.

— Эй! — потряс его за плечо мужичок. — Эй!

— А?

О'Богги сел, глядя на мужичка диковатым взором. Джон был небрит, лицо его намертво искривила нервная судорога, глаз дергался, руки дрожали.

— Что?

— Ташкентский уходит, — сказал мужичок. — Опоздаешь.

— Спасибо, — прижимая к груди тюбетейку и кланяясь, прошамкал Джон. Несколько зубов у него не было. — Большое вам всем спасибо...

Сказавши это, он сел и жадно высосал последние капли из пустой бутылки, стоявшей рядом. Потом «Минотавр» тяжело поднялся и, припадая на больную ногу, захромал на перрон.

— Христос с тобой, сынок, — перекрестила проходящего мимо суперагента сердобольная старуха.

— Аллах акбар, — ответил суперагент.

Над Москвой поднималось солнце.

Июль—октябрь 1991

**Несколько
фотографий**

На память...

May

Los Angeles
el tobacco y

Непроявленные фотографии

Киносценарий, в ту пору претенциозно называвшийся «Бон шанс», мы сочиняли в 1992 году. Мы — это я и мой приятель Мишка Чумаченко, впоследствии Чумаченко Михаил Николаевич, декан режиссерского факультета Российской академии театрального искусства.

Мишка был, можно сказать, вывезен мной из Читы, где я отдавал родине свой священный (мать его) долг, а Мишка просто жил. Под самый дембель, весной 82-го, я брел в районе кинотеатра «Удокан» с законной увольнительной в кармане. И вдруг увидел на заборе объявление о спектакле какого-то самодеятельного театра по песням Высоцкого.

Ну, я и пошел. Надо было куда-то деть вечер.

Надменный ветеран первой табачковской студии, я был убежден, что все это будет дрянь. Но это была не дрянь. Временами это было просто хорошо! Спектакль придумала ясная голова и скотили крепкие руки.

Я зашел за кулисы, спросил, кто это сделал, и ко мне вывели человека, похожего на крупного мультипликационного Гурвинека. Преподаватель Читинского пединститута, он успел всерьез заболеть театром и собирался в Москву, поступать в ГИТИС.

Через несколько дней я демобилизовался, а летом Чумаченко уже жил в нашей московской квартире (на балконе). Моя мама была счастлива. Она наконец нашла человека, которого не надо было уговаривать доедать то, что лежит на тарелке.

Мишка поступил на режиссерский к Марии Осиповне Кнебель.

А спустя десять лет — уже в другой стране, через цепь шапочных приятелей — на меня вышли какие-то Новоси-

бирские братки, занимавшиеся глиноземом, а может, красной ртутью. В общем, что-то у них эшелонами шло куда-то в обмен на гуманитарку, которая, в свою очередь, на что-то обменивалась... Короче, эти братаны, измученные внезапно появившейся наличностью, решили построить под Новосибирском Голливуд и выражали готовность со страшной силой вкладываться в кино. (Это в те годы была главная отмывка денег.)

А мы с Мишкой как раз в это время пробалтывали, без ясных целей, симпатичный сюжет для кино — и поняли, что это судьба!

Через какое-то время я был приглашен зайти в офис к браткам, поговорить.

Офис оказался номером в гостинице «Севастополь», насквозь прокуренным, с бутылками из-под хорошего вискаря у дешевых вдавленных кресел. Я начал что-то рассказывать про сценарий, но инвесторы в тренировочных костюмах только замахали руками: давай, давай, пиши!

Так и не понял, зачем звали.

Через какое-то время я получил аванс, оказавшийся впоследствии окончательным расчетом. Суммы не помню (время было девальвационное, счет шел на миллионы).

Хорошо помню, однако, способ оплаты: посланец инвесторов занес деньги мне на дом в полиэтиленовом пакете с надписью «Мальборо». Это был человек в майке, под которой угадывалась мощная и хорошо наработанная мускулатура. Он выгрузил дензнаки на кухонный стол и предложил их пересчитать. Будучи в предынфарктном состоянии от присутствия этого типа на своей жилплощади, я, помню, только спросил, где расписаться за получение.

Браток посмотрел на меня как на тяжелобольного.

Когда он покинул квартиру, я запер дверь на все полтора замка, причем отчетливо помню, что хотелось еще и привалить ее чем-нибудь для надежности.

Когда я дописал сценарий, на Киностудии имени Горького начался подготовительный период: пробы, поиски натур, составление сметы...

Директора будущей картины звали Иосиф Сосланд. Сценарий он читал с калькулятором в руках, побрякивая от моих фантазий. После сцены, где камера облетает пансионат, в котором разворачивается действие фильма, Сосланд прямо попросил меня не изображать из себя Микеланджело Антониони, а обойтись простыми планами.

Снимать кино должен был молодой в ту пору Илья Демин (ныне — обладатель всевозможных операторских премий). Роль Девятьярова писалась на малоизвестного актера Домогарова, и огромный портрет его персонажа (актера по профессии) у кинотеатра «Россия», в последних строчках нашего сценария, я прошу считать предвидением домогаровской кинокарьеры...

Маленькую роль Евы Сергеевны мы осмелились предложить Марине Нееловой, но получили отказ — впрочем, вполне доброжелательный. Марина Мстиславовна сказала, что, будь она мужчиной, согласилась бы на любую из двух главных мужских ролей: они ей понравились.

Помимо этих двух главных персонажей в сценарии обитало восемь юных фотомоделей. Пробы шли полным ходом, и к концу 92-го мы с Мишкой могли открывать модельное агентство... Увы, к тому времени это было уже единственным применением накопленного материала — когда подготовительный период закончился, выяснилось, что денег больше нет.

Потом выяснилось, что нет и инвесторов. Ни один телефон не отвечал, а в их офисе обитали другие энтузиасты первоначального накопления капитала.

Братков смыло, как и принесло, мутной волной начала девяностых, и я удивлюсь, если вдруг окажется, что они пережили эти годы. Там, где шли эшелоны с глиноземом и загадочной красной ртутью, убивали в те годы чаще, чем мыли руки.

А тут мы, два лоха со своим кино про любовь.

Удивительно (хотя, если вдуматься, как раз ничего удивительного): в самом сценарии, как в воде, отразились лица очень похожих лохов на фоне очень похожего социального фона. И как конкурс фотомоделей — героям фильма, наше кино нам с Мишкой будто привиделось...

Остался сценарий. Да еще в шкафу, среди прочего хлама на память о прожитой жизни, лежит унесенная с Киностудии имени Горького дверная табличка: «Бон шанс», режиссер М. Чумаченко».

НЕСКОЛЬКО ФОТОГРАФИЙ
НА ПАМЯТЬ

Мелодрама

В буфете Дома Актера молодой человек у стойки выскребал из кошелька последнюю медь.

— Тридцать пять, тридцать восемь!

Буфетчица, не считая, сбросила мелочь с блюдечка и обратилась к следующему:

— Вам?

— Светонька, — сказал барского вида гражданин, — мне, рыбонька, два с колбаской...

А молодой человек взял свою чашку кофе и отправился вглубь буфета. Там, ласково поглаживая по ладошке стоявшую рядом девушку, его ждал за столиком обаятельного вида блондин.

— Ну Андрюш... — говорила девушка.

— В Пензу — не поеду, — говорил блондин и еще нежнее гладил ладошку.

— Привет, Ириш, — поздоровался Шленский и присел за столик.

— Ну выручи, ну пожалуйста, — просила девушка. — Леня, скажи ему, чтобы он поехал на семинар. Они меня затрахали.

— Поезжай в Пензу, Деветьяров, — сказал Шленский. — Там пензячки.

— Не люблю пензячек, — вздохнул блондин. — Люблю москвичек.

— Ты мой котик, — деловито сказала девушка. — Так я беру тебе билет.

— Два, — томно сказал блондин.

— Не смотри на меня так, Деветьяров, — предупредила она. — Я девушка чувствительная.

За соседним столиком раздался взрыв хохота.

— Борис, ты не прав! — сказал кто-то, и хохот рванул снова.

— Так ты едешь?

— Не-а. — Деветьяров сделал честные глаза. — В театре вилы. Не могу, правда.

— Ты предатель, — сморщила нос девушка. — Ты Брут и Троицкий.

— Он Павлик Морозов, — сообщил Шленский, откусывая от бутерброда. — Убей его!

— Не убивай, — попросил Деветьяров. — Я тебе еще пригожусь.

— Нахал, — засмеялась Ириша. — Ладно, живи. — И, поцеловав Деветьярова в макушку, отошла от столика.

— Опять девушку обманул. И за что вас, блондинов, любят? — поинтересовался Шленский.

— Нас видней на темном фоне жизни, — прихлебывая кофе, ответил Деветьяров. — Ну, пошто звал, Мейерхольд?

— Будешь хамить — сниму с ролей.

Деветьяров изобразил лицом испуг.

— Вольно! — скомандовал Шленский. — Объясняю. Захожу я тут к Екатерине, а она мне и говорит: «Леонид Михайлович, зная вас как выдающегося режиссера современности, основоположника школы переживания...»

— Короче, Станиславский, — попросил Деветьяров.

— Первый в Союзе конкурс фотомоделей, — сухо произнес Шленский. — Финал здесь, в Доме актера, в мае. Телевидение, спонсоры, призы, фигли-мигли. Я всего этого режиссер, а ты — постановщик пластики и ведущий. Месяц живем в цэковском пансионате на полной халыве! Вопросы?

— Сколько? — спросил Деветьяров.

— Это как будешь себя вести, — ответил Шленский. — Обещают по тыще на брата.

Деветьяров меланхолично посмотрел на друга и уточнил вопрос:

— Девушек — сколько?

Девушек было восемь. Их портреты украшали фойе Дома художника, куда наутро пришел Шленский.

— Сюда нельзя, — сурово остановила тетка, караулившая вход.

— Я в оргкомитет, на конкурс, — объяснил Леня. — Я режиссер.

— Вы? — Тетка с сомнением посмотрела на заляпанные грязью ботинки и куртку от «Красной швей».

— Я, — подтвердил Шленский.

— Как фамилия?

— Зачем вам фамилия? — с поборота завелся Шленский.

— А что, я буду пускать кого ни попадя? — не особо стесняясь, объяснила тетка. — Спрашиваю — значит, надо!

— Моя фамилия вам ничего не скажет.

— А все-таки?

— Ну, Таиров, — сказал Шленский.

— В первый раз слышу, — удовлетворенно сказала тетка. — Не пущу!

На звуки перепалки откуда-то вышел молодой человек в строгом костюме:

— Слушаю вас.

— Я на конкурс, — сказал Шленский. — Меня приглашали...

— Фамилия.

— Шленский.

— А говорил другую! — наябедничала тетка.

— Шленский, Шленский... Есть Шленский, — глянув список, сказал молодой человек. — Паспорт?

— С собой нет.

Молодой человек секундным пристальным взглядом оценил его.

— Хорошо. Проходите на второй этаж, в двести пятнадцатую.

Огромные пустые залы были увешаны фотографиями будущих участниц финала. В откровенных платьях, в костюмах а-ля модерн и вообще безо всего, неприступные, кокетливые, задумчивые, строгие и соблазнительные, они со всех сторон глядели на Шленского, и он, оторопелый, глядел на них. Потом, отойдя к колонне, присел у столика, на котором стопками были сложены буклеты и фотоальбомы, и начал неторопливо листать их.

— Что, интересно?

Он задрал голову. Наверху, опершись на перила балюстрады, стоял человек в кожаной куртке.

— Да, очень, — сказал Шленский.

— Немедленно положите все на место! — вдруг заорал человек. — Кто разрешил трогать альбомы? Кто вас сюда пустил? Аслан!

Молодой человек, стоявший на входе, уже был тут.

— Он в списке, Евгений Иванович.

— Значит, в двести пятнадцатую его, а альбомы — убрать! Устроили проходной двор!

Наоравшись, человек исчез. Аслан внимательно посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на Шленского:

— Я говорил вам: на второй этаж...

— О господи! — Шленский наконец обрел дар речи. — Здесь у вас что, Байконур?

— Здесь гораздо серьезнее, — усмехнулся Аслан.

В двести пятнадцатой на появление Шленского почти не среагировали. Тут пили кофе, курили, подписывали какие-то бумаги...

— Здравствуйте, — сказал Шленский. — Здесь оргкомитет конкурса?

— Здесь, здесь, — пронося мимо поднос с чашечками, подтвердила какая-то девица.

— А вы, простите... — поинтересовалась расположившаяся в кресле дама с фиолетовыми губами и ногтями.

— Я режиссер, — коротко отрекомендовался Шленский.

— А-а, — радостно пропела фиолетовая, — проходите, проходите, Катя мне говорила... Господа, — обратилась она к присутствующим, — позвольте представить: режиссер нашего конкурса, Леонид... как вас по батюшке?

— Михайлович.

Все на секунду оторвались от кофе и бумаг.

— Леонид Михайлович Томский, — закончила фиолетовая.

— Шленский, — поправил Шленский.

— Да-да, — ничуть не смутившись, согласилась дама. — И скоро эту фамилию узнает весь мир!

Шленского перекосило нервной гримасой, но он промолчал.

— Прошу к нам, — обратился к нему дородный мужчина, сидевший рядом с дамой. И, как на пустое, указал на кресло рядом со своим. Сидевший там молодой человек тут же без звука испарился вместе с чашкой и куском торта.

Шленский сел.

— Роман Юрьевич, — представился дородный. — Председатель оргкомитета. Ева Сергеевна. — Фиолетовая улыбнулась, показав зубы. — Добрая фея наших девочек...

— Вам кофе покрепче? — спросила Ева Сергеевна.

— Да, если можно, — ответил Шленский.

— Для вас... — улыбнулась фиолетовая и исчезла.

— Ну-с, — произнес Роман Юрьевич, — к делу...

Деветьяров бесшумно вошел за кулисы. Шел утренник, по сцене прыгали гномы. Дождавшись, когда они утанцуют со сцены, Деветьяров безошибочно выхватил одного из цепочки и сказал:

— Михалыч! Сыграешь за меня в апреле «Сани»?

Михалыч, с деревянным кайлом, в бороде и с наклеенным носом, сказал:

— Чего?

— Островского! — втолковывал Деветьяров. — В апреле за меня — сыграешь?

— Не знаю, — ответил Михалыч. — Надо репертуарку посмотреть. А что?

— Халтура хорошая, — скривил лицо Деветьяров.

— Кино?

— Нет! Я тебе потом расскажу.

— Темнишь, жучила! — засмеялся Михалыч.

— Иди, кайлом маши, — ответил Деветьяров. — Шахтер!

— Ерофеев! — диким шепотом крикнула помреж. — На сцену!

— Спокуха, — ответил Михалыч. — Я в курсе. Дождись антракта, — бросил он Деветьярову и, нечеловеческим голосом завопив: — Белосне-ежка-а! Иду-у! — рванул на сцену.

— Андрюшенька, солнышко мое, — попросила помреж, — сгинь из-за кулис к такой-то матери, ты мне спектакль сорвешь!

— Светка! — успокоил Деветьяров. — Дети — наше будущее, но они ни черта не замечают...

— Какие дети? — возмутилась Светка. — Сегодня Истомин смотрит!

— Истомин?

С занавесом лавина детей, сметая все на пути, понеслась в буфет. Главреж Истомин, немолодой усталый человек, ос-

тался сидеть в задних рядах, наговаривая замечания на диктофон. Девятьяров осторожно присел рядом.

— Владислав Николаевич!

Истомин ласково посмотрел на Девятьярова:

— Здравствуйте, Андрей.

— Добрый день.

— Пришел отпрашиваться, — констатировал Истомин и поглядел еще ласковей.

— Так точно. — Девятьяров улыбнулся виноватой улыбкой любимчика.

— Не отпущу, — предупредил Истомин и улыбнулся, уже с нескрываемой симпатией...

Поймав жест Шленского, Роман Юрьевич протянул ему пачку «Мальборо».

— У меня свои... — начал было Шленский.

— Леонид, — мягко пошутил Р.Ю., — здесь кондишн очень капризный, кубинские не вытягивает...

Шленский, улыбнувшись, сдался и взял сигарету.

— Берите еще, — предложил Р.Ю.

— Спасибо, — ответил Шленский. — Не надо.

— Так вот, — продолжил Р.Ю., — я и говорю: в жюри — элита, ну и в зале, сами понимаете, не Казанский вокзал... Пресса, телевидение — это само собой.

Ева Сергеевна долила кофе в чашечку, стоявшую перед Шленским.

— Насчет вашей оплаты — вопрос еще согласовывается, но в обиде на нас не останетесь.

— Надеюсь, — улыбнулся Шленский.

Он отглотнул кофе, затянулся и откинулся на мягкую спинку кресла. Он чувствовал себя человеком.

— Да! Мне нужен постановщик пластики и ведущий. У меня есть классный вариант... Это будет хорошо, поверьте.

Р. Ю. щелкнул паркером:

— Кто?

— Его фамилия Деветьяров.

— Какие числа? — спросил Истомин.

Деветьяров озабоченно почесал в затылке.

— Ну, апрель...

— Весь? — холодно осведомился Истомин.

— Что вы! — замахал руками Деветьяров. — Там... ну, где-то две недели... в апреле... а потом еще немного в мае...

— Вы пока работаете в театре, — напомнил Истомин.

— Все гонят, — посетовал Деветьяров, траурно покачав головой.

— Никто вас не гонит, Андрей, — удивился Истомин.

— ...Все клянут, — продолжил Деветьяров и возвысил голос: — ...мучителей толпа, в любви предателей, в вражде неутомимых, Рассказчиков неукротимых, Нескладных умников, лукавых простаков, Старух зловещих, стариков...

Несколько пионеров, открыв рты, слушали монолог Чацкого.

— Вон из Москвы, — вздохнул Деветьяров и всхлипнул.

Истомин махнул рукой и закрыл лицо, всхрюкивая от смеха.

Из двести пятнадцатой Шленский вышел со сценарием в руках, распираемый самоуважением. Играя на губах что-то классическое, он легко сбежал вниз и пошел к выходу, в одиночку заполняя вакуумное пространство залов.

Из-за поворота раздавались голоса рабочих, продолжавших развешивать фотографии, и Шленский зашел туда.

— И вот эту; да нет, вон эту, голую, левее! — кричал один другому, стоящему на стремянке. — Хорош!

Рабочий отошел наконец со своей стремянкой. Теперь на Шленского не отрываясь смотрела с черно-белой фотографии обнаженная девушка.

— Ф-фу! — выдохнул Шленский и двинулся дальше вдоль вереницы портретов, но тут же оглянулся на обнаженную.

— Забирает? — окликнул его рабочий. Он сидел сзади на стремянке с бутылкой кефира. — У меня тоже третий день от них стоит, — поделился он. — Невозможно работать. За стремянку цепляет.

Шленский покраснел и, стараясь не оборачиваться, быстро пошел к выходу. Там, у дверей, его караулила давешняя тетка со списком в руках.

— Как, вы сказали, ваша фамилия? — бдительно прищурившись, спросила она.

— Станиславский, — ответил Шленский.

На улице он обнаружил, что до сих пор держит в руках сценарий, автоматически раскрыл его на первом попавшемся месте — и углубился в чтение. По лицу тут же проскочила гримаса; запахнув сценарий в сумку, Шленский двинулся к автобусной остановке.

В дверь с табличкой «Репертуарная часть» Деветьяров вошел с коробкой конфет. Через секунду оттуда раздался женский смех, через две выпорхнула с чайником миниатюрная девица. Еще через несколько — снова раздался смех. Потом вышел Деветьяров, без конфет, но со следами помады на лице.

— Только с Маштаковым договорись! — крикнула вслед девушка.

— У себя? — спросил Деветьяров пожилую костюмершу, гладившую гору костюмов.

— Там, Андрюша, там.

— Николай Семеныч? — просунул голову Деветьяров.

— А, Андрюшечка! — раздался из-за двери густой бас. — Заходи, заходи!..

Деветьяров вошел; в сумке, ударившейся об косяк, что-то звякнуло. Через минуту изнутри высунулось усатое, с неснятым гномьим гримом лицо Маштакова.

— Люда-а! — крикнул Маштаков. — Стака-ан! — И скрылся внутри.

Пожилая костюмерша успела отгладить гору костюмов, когда Деветьяров и Маштаков появились в коридоре, в самом чудесном настроении.

— Знаешь, кто я? — спрашивал Маштаков.

— Ты — Коля, — отвечал Деветьяров.

— Не угадал, — говорил Маштаков. — Вторая попытка. Кто я?

— Ты — заслуженный артист рэсэфэсэрэ Коля Маштаков!

— Нет, Андрюшечка, — грустно уронил Маштаков. — Опять ты не угадал. Сдаешься?

Деветьяров поднял руки.

— Я — Мочалов, — сообщил Маштаков. — Не веришь?

— Чё ж не верить? — обиделся Деветьяров. — Ежу понятно.

— Вот люблю тебя, — сказал Маштаков и поцеловал Деветьярова в лицо.

— Так я поеду? — спросил Деветьяров.

— Поезжай, Андрюшечка, поезжай. Я сам все сыграю. Один! — И Маштаков погрозил кому-то пальцем.

Утром в коридоре долго звонил телефон. Наконец на него с разбегу упал полуголый и толком не проснувшийся Шленский.

— Алло!

— Бананов кило! — ответили на том конце провода.

— Алло, кто говорит? — сердито крикнул Шленский.

— Вы совсем мозги заспали, Леонид Михайлович! Это Деветьяров, слышали такую фамилию?

— А, Андрей. Привет.
— Ты что, правда еще спишь?
— Который час?
— «Не спи, не спи, художник!»! Начало десятого!
— Ну. И чего звонишь в такую рань? Свинья ты после этого!
— Когда к девкам едем, Мейерхольд? — ничуть не обидевшись на «свинью», весело крикнул Деветьяров. — Я вся горю.
— Никуда мы не едем, Андрюша.
— Не понял.
— Никуда не едем!
В ответ в трубке раздались гудки.
Пожав плечами, Шленский положил ее и снова завалился спать.
Но доспать ему не удалось: через полчаса Деветьяров позвонил уже в дверь.
— Гротовский, — сказал он, стоя на пороге. — Что за номера?
— Я прочел сценарий, — хмуро сообщил Шленский. Он стоял на пороге в тапках, майке и трусах. — Это полная порнография.
— Я войду? — кратко осведомился Деветьяров.
— Входи.
— Так, — резюмировал Деветьяров, усевшись в кресло на кухне. — Значит, порнография. И что?
— «Что, что»... Хочешь, чтобы на тебя пальцами показывали?
— Я об этом мечтаю! — ответил Деветьяров.
— А я нет! — отрезал Шленский.
— Слушай, налей кофе, Стреллер, — поморщился Андрей. — А то мне от твоего вида удавиться охота.
— Ага.
Шленский поставил чайник и поплелся в ванную, откуда тут же раздались шум воды, фыркание и уханье.

— От тебя, Ленчик, сдохнуть можно, — выйдя в коридор, прокричал через дверь Деветьяров. — Я целый день по театру бобиком бегаю, всех на уши ставлю. Я им репертуар на месяц поменял — а он сценарием недоволен! Феллини хренов! Не нравится — сам напиши!

— Чукча не писатель, — проорал из ванной Шленский. — Чукча режиссер!

— Чукча импотент! — крикнул Деветьяров. — Там девки дюжинами, а он сценарии читает! Работать надо, день и ночь!

— Пошляк! — проорал Шленский.

— Леонид Михалыч! — весело пропел Деветьяров. — Ты что, каждый день в цэковских санаториях сачка давишь? Да придумаем мы это шоу! На хрен тебе сценарий с твоей башкой?

— Грубая лесть, — с удовольствием разглядывая свое лицо в зеркале, ответил Шленский.

— Ге-ний! Это все знают! — заявил Деветьяров.

Дверь открылась. За ней, вытирая шею полотенцем, стоял Шленский.

— Кто я?

— Ну не гений, — сказал Деветьяров, — но зато какой талант!

И немедленно получил полотенцем по голове.

На кухне свистел чайник.

Кофе был допит. Шленский поставил чашки в раковину и сказал:

— Ладно, черт с тобой. Попробуем!

— Спасибо, кормилец! — жуя пряник, поблагодарил Деветьяров. — Век не забуду.

— Да, сегодня у них там эта... — сказал Шленский. — Тьфу, слово забыл! Сейчас. — И он ушел в комнату. — А! Вот, — раздалось оттуда, — презентация!

— Кто? — не понял Деветьяров.

— Презентация. Ну, открытие конкурса этого долбаного. Тусовка с выпивкой. В общем, на пригласительный.

— Ого! — Деветьяров рассмотрел соблазнительное ню на обложке билета. — А ты?

— В гробу я их всех видал, — поеживаясь, ответил Шленский.

— Хорошо у тебя в гробу, — отреагировал Деветьяров, пряча пригласительный. — Поеду. Не пропадать же халяве. Еще пряники есть?

— Хватит с тебя, халявщик! Иди, опоздаешь. Пряников ему.

— Ну, тогда чао-какао! — Деветьяров направился к двери.

— И чтоб в костюме был и при галстукке! — крикнул вслед Шленский. — Знаю я тебя... Шпана!

— Учи ученого! — донеслось с лестницы.

Шленский — в трусах, майке и тапочках — вернулся в комнату. Секунду постоял, решая, ложиться снова или нет. Потом тоскливо, с долгим дверным скрипом потянулся и, подойдя к окну, торжественным рывком распахнул занавески.

За стеклом, в ремонтной люльке, прямо напротив него стояла девушка с малярной кистью — и с интересом смотрела на открывшееся зрелище.

Из театральной библиотеки Шленский вышел, груженный книгами и фотоальбомами. Мартовское солнце сверкало в лужах и мелькало в окнах троллейбусов. Шленский остановился, поставил сумку на лестницу у входа и, стащив с себя куртку, перекинул через свободное плечо. Он двинулся наверх, к метро — и уличный фотограф, поймав в объектив его улыбающуюся физиономию, на ходу вручил талончик.

У редакции «Московских новостей» Шленский через спины и головы изучил газету на стенде. Едва отойдя от него, нос к носу столкнулся с приятелем — судя по виду, такой же богемой, как и он. Они чесали языками, салютуя проходящим мимо общим знакомым...

Потом троллейбус повез его вдоль Тверского бульвара — и через девять минут Шленский просовывал голову в окошечко кассы в одном из арбатских переулков. Получив свои аспирантские рубли, Шленский изловил такси и как белый человек поехал домой.

Вечер застал его в развале книг и альбомов, за долитым по третьему разу чаем. Ожесточенно скребя ногтями немытую шевелюру, Шленский кропал сценарий...

В программе «Время», с выключенным звуком, мелькавшей в телевизоре, рядом с Нинель Шаховой появился Роман Юрьевич. Его лицо сменилось панорамой выставочного зала. Там, среди роскошных девушек и сытых мужчин, с бокалом в руках, блаженно улыбаясь, в богемном шарфике через шею, стоял Девятьяров.

Первое, что увидел Шленский, выскочивший утром из подъезда, была стоящая посреди грязного двора огромная «вольво».

— Здравствуйте, Леня, — сказала со скамейки соседка.

— Доброе утро, — на ходу ответил Шленский.

— Вас ждут, — сообщила другая, дежурившая рядом.

— Да-да, спасибо.

— Не за что, — сказала соседка, поедая глазами «вольво».

Задняя дверца открылась. Шленский поставил внутрь сумку и сел.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответил Аслан, сидевший за рулем. — Поехали?

— Поехали, — ответил Шленский. — Только надо захватить еще за одним. Это недалеко, я покажу...

Аслан затрясся от смеха.

— Зае-ехать... — раздался с переднего сиденья голос Деветьярова, и из-за высокой спинки показалась его довольная физиономия. — К окулисту заезжай, Товстоногов!

Из тронувшейся машины раздался дикий хохот. Старуха у подъезда плюнула вслед.

Пробравшись сквозь грязь и нищету бескудниковских пятиэтажек, покружив на московских улочках, «вольво» наконец разогналась на шоссе и, оставив позади дымящиеся заводские окраины, въехала в Подмосковье.

Еще через полчаса, проехав вдоль глухого зеленого забора, машина притормозила у высоких металлических ворот. Дежурный, выйдя из стеклянного КПП, заглянул в предъявленный Асланом документ. Ворота открылись, и через минуту «вольво» плавно остановилась у главного корпуса.

Шленский и Деветьяров вышли из машины и переглянулись. Вокруг, сколько хватало взгляда, не было ни души, но были простор, пение птиц, запах трав... Выметенные,

без единой выбоины асфальтовые дорожки вели к пустым теннисным кортам, к бассейну, в пронизанную весенним светом рощицу.

— Ну? — спросил Шленский.

— Аск, — ответил Деветьяров.

— Ребята, — окликнул Аслан. — Пошли, на обед опоздаем.

В холле росли пальмы, журчал фонтанчик.

— Так, — сказал Деветьяров, осматриваясь, пока Аслан брал у горничной ключи. — А из фонтана бьет шампанское... Ленчик!

— А!

— Ленчик, ты, случайно, не член ЦК КПСС?

— Нет, — ответил Шленский, разглядывая на столиках у пальм огромные, в полметра, шахматные фигуры.

— Ну и зря, — сказал Деветьяров.

После двух перемен закусок и рассольника подали антрекот, и он был немедленно съеден.

— Мальчики, — сказала подавальщица, провозя мимо тележку, — еще второго хотите?

— Мы? — спросил Шленский.

— Вы, вы, — улыбнулась подавальщица.

— Хотим, — сказал Деветьяров.

Женщина, убрав грязную посуду, сняла с тележки две полные тарелки и поставила их перед друзьями, ловко сменила приборы.

— Захотите еще — скажите, — попросила она и покатила тележку дальше.

Шленский огляделся. В огромном зале за накрытыми по высшему разряду столами сидели, кроме них, всего несколько человек.

— Сумасшедший дом, — сказал Шленский.

— А мне нравится, — заметил Деветьяров, поедая второй антрекот. — Я всегда говорил, что народ и партия едины. Интересно, что здесь на десерт?

— И сколько порций? — закончил Шленский.

Они переглянулись и прыснули.

— У-лю-лю! — пропел Деветьяров. — Слава КПСС!

— Тише ты, — давась смехом, прошипел Шленский, глядя ему за спину.

По проходу шла Ева Сергеевна.

— Что, еще по антрекоту несут? — спросил Деветьяров.

— Приятного аппетита, — подойдя, сладко произнесла Ева Сергеевна. — Все в порядке? Устроились?

— Все замечательно! — ответил Шленский. — Познакомьтесь. Это Андрей Деветьяров...

— Да-да. Ведь мы уже знакомы, не так ли?

И Ева Сергеевна положила ладонь на плечо Деветьярова.

— О, конечно, — светло улыбнулся тот и изысканно чмокнул ручку с фиолетовыми ногтями.

— Сегодня отдыхайте, — вернув ладонь на деветьяровское плечо, сказала Ева Сергеевна, — а завтра начнете работать.

— Начнем сегодня, — ответил Шленский.

— О-о, — засмеялась Ева Сергеевна, — я вижу, вам не терпится... Хорошо. Тогда в четыре часа, в кинозале. Я предупрежу девочек. Я живу в триста седьмом, — сообщила она (не ясно, кому именно), — после обеда позвоните, я все уточню у Романа Юрьевича. Ну, не буду мешать.

И, озарив обоих улыбкой, Ева Сергеевна пошла обратно по проходу.

— Кто это? — глядя ей вслед, спросил Деветьяров.

Стоя посреди своего просторного двухкомнатного номера, Шленский пытался что-то сделать с торчащими в разные стороны вихрами. Глянул на часы, бросил расческу на подзеркальник, схватил ключ, пошел к двери, вернулся к

зеркалу, поправил пуловер. Наконец-то выйдя из номера, хлопнул дверью. И обнаружил, что все-таки оставил ключи внутри.

— А, черт возьми!

В досаде мотнув головой, Шленский, озираясь, пошел по коридорам. Никого из obsługi не было. В холле, сидя у телефона, набирала номер девчонка в стиранных джинсиках и свитерке.

— Простите, — обратился к ней режиссер будущего шоу, — вы не знаете, где тут комната горничной?

Глянув на него как на неодоушевленный предмет, девчонка опустила голову и продолжила набор номера. Ошарашенный Шленский так и остался стоять, где был, а девчонка тем временем дозвонилась.

— Алло! Алло, маман, это я. Не. Не, ну все классно. Михал Николаич звонил?

Шленский вышел из столбняка и двинулся искать горничную, а в коридоре появился Деветьяров. Он захлопнул дверь своего номера, толкнулся к Шленскому и пошел к лифту. Он был в малиновой «олимпийке» с надписью «СССР», кроссовках и шинели, наброшенной на плечи. Волосы на затылке собраны в хвост, в руке магнитола.

— Все хай класс, маман! — кричала девчонка в трубку. — Да, ну точно — финал семнадцатого мая!

— Ма шер, — остановившись, обратился к ней постановщик пластики, — где тут у нас кинозал?

Девчонка подняла глаза и увидела Деветьярова.

— Маман, — сказала она. — Прости, мне пора!

— Добрый день, — сказал Шленский. Девушки тремя островками сидели в кинозале. — Будем знакомиться. Прощу на сцену. Стоп! — заорал он вдруг. — А теперь то же самое, но без грохота.

Девушки хихикнули и попробовали без грохота.

— Стоп!

Девушки замерли в испуге.
— А если совсем без звуков? — мягко предложил Шленский.

Восемь пар глаз смотрели на него со сцены. Он помнил обладательниц этих глаз, загадочных и неотразимых на фотопортретах — сейчас это были просто восемь девчонок, с интересом разглядывавших его и сидевшего сзади Девьярова.

— Давайте знакомиться, — предложил Шленский. — Имя, фамилия, откуда приехали... Ну, давайте с вас.

— Наташа Веснина, — сказала стоявшая первой слева совсем молоденькая девчонка.

— И откуда приехали, — напомнил Шленский.

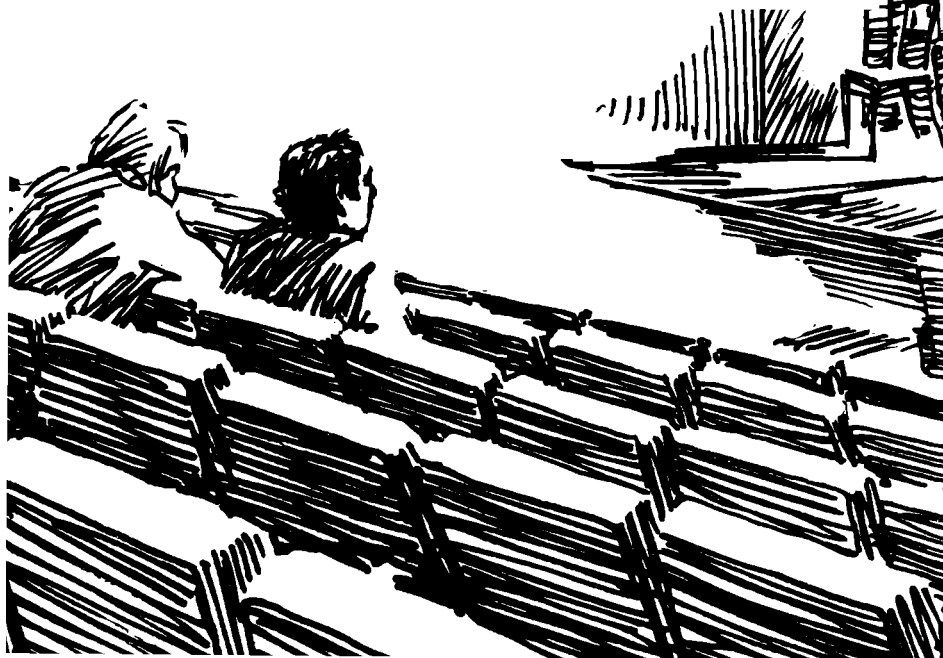
— Барнаул, — сказала Веснина и почему-то покраснела.

— Ирина Черышева, Саратов! — с вызовом произнесла видная брюнетка с бюстом.

— Лена Кузнецова, Нижнеудинск, — еле слышно прошептала третья.

— Громче, — попросил Шленский.

Девушка опять пролепетала что-то.

— Кранты, Мейерхольд, — шепнул Деветьяров. — Сливай воду.

— Ну! — прикрикнул Шленский.

— Я не могу громче, — сказала девушка.

— Что? — Шленский безжалостно приложил ладонь к уху.

— Не могу громче! — крикнула Лена Кузнецова.

Длинная рыжая девица, стоявшая в конце шеренги, заржала. Все, кроме Кузнецовой, рассмеялись.

— Оказывается, есть голос, — удивился Шленский. И обернулся к рыжей: — А вы, простите...

— Стеценко Екатерина! — протрубила рыжая.

— А вот это тебе, Андрюша, — не поворачивая головы, сообщил Деветьярову Шленский. — Дарю. Откуда?

— Советский Союз! — отчеканила Стеценко.

— Это видно, что Советский Союз, — парировал Шленский. — Дальше.

— Даля Кричулите, Каунас.

— Ольга Шефер, Павлодар. — Блондинка, похожая на худенькую Мэрилин Монро, сделала шуточный книксен.

— Андрюша, — бросил через губу Шленский, — держись.

— Держусь. Из последних сил, — ответил Деветьяров.

— Александра Жукова, Москва, — бесстрастно произнесла та, что в упор не увидела Шленского.

— Очень приятно, — сказал он.

— Мне тоже, — ответила Жукова.

— Анна Лаврушина, — завершила церемонию знакомства по виду самая старшая из девушек. — Петербург.

— Ну что же. Леонид Михайлович Шленский. — Леня раскланялся, Веснина из Барнаула заплодировала и сама же прыснула со смеху. — Андрей Николаевич Деветьяров. Тоже Советский Союз. Будем ставить с вами финальное шоу. Андрей Николаевич, вы готовы?

— Всегда готов! — ответил Деветьяров.

Шленский сидел в номере, закрыв лицо руками.

— Я — Ирина Черышева, — говорил женский голос. — Я приехала из Саратова. Учусь в текстильном институте на вечернем отделении. Очень люблю Виктора Цоя и группу «Кино», сама тоже сочиняю песни и пою их.

Шленский открыл глаза и с ненавистью посмотрел на экран монитора.

— Снимаюсь уже два года, — кокетливо сообщила оттуда Черышева. — Я считаю, что женская красота...

Шленский нажал на паузу, лицо говорившей застыло в неестественной улыбке. Шленский включил обратную перемотку и, убрав звук, запустил пленку с начала. Черышева, сидя на фоне собственных фотопортретов, что-то говорила. В отдельности от текста она уже не казалась безнадёжно глупой. Поймав живой момент, Шленский снова остановил пленку и принялся изучать лицо на экране.

— Ну, начали, — сказал Деветьяров и пальцем босой ноги включил магнитола.

Он стоял напротив восьмерки девушек посреди спортзала.

— Поехали, вместе со мной.

Деветьяров начал разминку.

— Меня зовут Даля Кричулите, я из Каунаса. Мне двадцать лет, работаю продавцом в художественном салоне, люблю живопись, особенно импрессионистов. В детстве занималась танцами...

Шленский курил, слушая и одновременно рассматривая фотопортреты литовки, разложенные на диване.

— В работе фотомодели привлекает возможность выразить себя.

Шленский перемотал пленку и пустил ее снова.

— Меня зовут Даля Кричулите...

— Даля! Спинку держать! — Положив руки на грудь и лопатки, Деветьяров нежно поправил девушке осанку.

— Ножку выше! Потерпи, потерпи... — поглаживая бедро Лаврухиной, уговаривал он.

— Прогиб больше! — требовал он, приобняв Кузнецову.

— Андрей Николаевич! — позвала Жукова. — Подстрахуйте и меня!

— Непременно, — пообещал Деветьяров.

— Ольга Шефер, город Павлодар. Мне девятнадцать лет, учусь в техникуме. Люблю кино, особенно американское, с Чаком Норрисом. Мечтаю стать кинозвездой!

И любительница Чака Норриса сделала глазки.

Шленский хохотнул и быстро перемотал на фразу назад.

— Мечтаю стать кинозвездой! — повторила свой номер Шефер.

— Ой, — сказал Шленский и перемотал снова.

Ольга Шефер сидела на полу спортзала и вместе с другими, открыв рот, смотрела на Деветьярова, выделявавшего коленца уже чистым соло. Он танцевал, кувыркался и стоял на ушах под визги и аплодисменты восторженных девушек.

— Ну, как? — спросил Шленский.

— Замечательно!

Деветьяров сидел в его номере, вытянув ноги.

— То есть? — не понял Шленский.

— Малинник, — пояснил Деветьяров.

— А по делу? — раздраженно уточнил Шленский.

Деветьяров вздохнул:

— До дела еще не дошло.

— Кончай ты ваньку валять! — прикрикнул Шленский.

— Ты что, сам не видишь? — спокойно поинтересовался Деветьяров.

— Не слепой, — ответил Шленский. Он лежал на диванчике, обложенный грудой книг и бумаг. — Не Бродвей.

Деветьяров развязал узелок на шнуре, стягивавшем волосы, и конкретизировал:

— Клуб «Красная макаронина»!..

— Сочувствую. — Шленский быстро дописал что-то в тетрадку и сел. — Слушай, я все придумал! Это история Золушки! Понимаешь? Они все — Золушки! А принц — один!

— Опять я? — печально догадался Деветьяров.

— Ну конечно! — подтвердил Шленский. — Конкурс — это бал во дворце! Наутро одна уйдет с бала принцессой, а остальные... Понимаешь? — Шленский был на подъеме. — Нужно будет сделать с ними пять-шесть пластических номеров о любви, раскрутить на рассказы о себе...

— Еще раз, — попросил Деветьяров.

— Что «еще раз»? — не понял Шленский.

— Ну, вот это: «Нужно будет...» — что?

— Сделать пять-шесть пластических номеров, — медленно повторил Шленский.

— С кем? — спросил Деветьяров.

— С ними.

— А чего так мало? — спросил Деветьяров. — Давай шестнадцать.

— Хватит шести, — мрачней, сказал Шленский.

— Слушай, Гайдай, ты что, серьезно? — осведомился Деветьяров.

— Ну, — сказал Шленский. — Ну говори, говори...

— Ленчик, — Деветьяров стал серьезен, — я тебя умоляю. Я сам все станцую.

— На фиг ты мне сдался! — взвился Шленский. — Мне они нужны! Они!

— Ленечка... — Деветьяров заговорил мягко, как с больным. — Давай по порядку. Жукова: реакции нет. Рыжая, халда, руками до полу не достает. Беленькая — ну сексапильная такая... — из нее в детстве мозжечок выпал, она в пространстве не ориентируется. Кузнецова заторможенная. В музыку из всех попадает одна литовка. Но только в медленную. Кто там еще, на твоём Бродвее? С грудью? Это, Ленечка, девушка твоей мечты, но ты извини: она в полном зажиме. И еще маленькая, шпана, и эта... ленинградка без темперамента. Все, Дягилев. Они ходить не умеют, а ты — «шоу»!..

— Научи, — сказал Шленский. — Ты для того и зван.

Деветьяров взвился:

— Из общества инвалидов позови!

— Знаешь что? — тоже взвился Шленский. — Кто меня уговаривал сюда ехать? Горбачев? Приехал — работай!

— Ага! — закричал Деветьяров. — Сейчас! Сейчас папа бросит все дела и пойдет чинить самолетики!

Он встал и вышел из номера, с размаху хлопнув дверью. Шленский, уже набравший полную грудь воздуха для ответа, пыхтя от возмущения, забегал по номеру.

Выпустив пар, он забрался на диван и попробовал продолжить работу, но за окном начался методичный стук теннисного мяча о стенку. Шленский обхватил голову руками, потом соскочил с дивана и, нашарив ногами тапки, вышел на лоджию.

Мячом о стенку на площадке под окнами колотил Деветьяров.

Шленский вернулся в комнату и стоически вернулся к работе, но характер звуков сменился, и он снова вышел на лоджию. Деветьяров гонял мяч уже не один, а в паре с Асланом. При этом у него появилась болельщица — маленькая Шефер.

— Убивать надо! Всех, — убежденно сказал сам себе Шленский и вернулся в номер. Но когда к звукам теннисного поединка прибавилось женское хоровое скандирование: «Андрю-ша! Андрю-ша!» — Шленский не выдержал. Запустив кассетой в кресло, где раньше сидел Деветьяров, он схватил ключ и пулей вылетел из номера.

И столкнулся с Евой Сергеевной, ожидавшей лифта. Она многозначительно улыбнулась:

— О! Как кстати. Есть разговор...

На столе стояли стаканы с коньяком, полупустая бутылка и раскромсанный кусок халвы на блюдечке.

— Чем вы расстроены? — поинтересовалась Ева Сергеевна.

— Девочками, — ответил Шленский. — Они, конечно...

— Да-да, — понимающе кивнула Е.С. — Но все-таки есть две-три довольно перспективных, правда?

— Кто? — поднял голову Шленский.

— Жукова, — мгновенно ответила Ева Сергеевна и, как если бы Шленский недослышал, повторила: — Жукова.

Не зная, что ответить, Шленский молчал.

— Вам же надо будет на ком-то строить шоу, не говоря уже о церемонии награждения... — продолжила Е.С. свою мысль.

— А что, уже известно...

— Ленечка, — ответила Ева Сергеевна, — ничего не известно. Просто я очень вам симпатизирую и иногда могу, скажем так, проговариваться. А ваше профессиональное мнение может помочь членам жюри сориентироваться...

— Ясно, — сказал Шленский, которому ничего ясно не было.

— Это очень хорошо, если ясно, — заметила Ева Сергеевна. — И еще. Ведь у нас с вами могут быть свои маленькие секреты?

— Могут, — неуверенно согласился Шленский.
— Роман Юрьевич — он славный, но очень мнительный...
— Понимаю.
— Вы профессионал и взрослый человек, и я могу быть с вами совершенно откровенна: мужские привязанности очень понятны, я вовсе не ханжа, но это иногда мешает объективному восприятию. У Романа Юрьевича есть свои симпатии среди девочек. Кто же против, но это не должно вредить делу, не так ли? — Она уже не улыбалась.
— Не должно, — согласился Шленский.
В дверь постучали.
— Да! — резко крикнула Ева Сергеевна.
В проеме дверей появилась голова Кузнецовой.
— Ева Сергеевна, я позвонить.
— Сейчас нельзя, — ответила та.
— Но вы сказали — в семь часов.
— Сейчас — нельзя, — раздельно повторила Ева Сергеевна.
— Но там уже ночь... — умоляюще произнесла девушка.
— Закройте дверь! — вдруг заорала Ева Сергеевна.
— Как я устала от них от всех, — поделилась она со Шленским, когда дверь закрылась. — Давайте еще выпьем.
Не дожидаясь согласия, Ева Сергеевна сама налила в стаканы.
— Ну, за нашу долгую дружбу, Ленечка! Ведь этот конкурс — не последний, у нас с вами большое будущее...
Ева Сергеевна отпила из стакана, Шленский пригубил.
— А вы, я вижу, почти не пьете, — заметила она.
— Почти, — улыбнулся Шленский.
— Молодой, талантливый, непьющий... — Ева Сергеевна внимательно рассматривала его. — Просто клад!
— Поэтому так глубоко и закопали, — отшутился Шленский. Он отставил стакан и пояснил: — Да нет, просто мне сегодня еще работать.
— А вы не напрягайтесь, — посоветовала Ева Сергеевна. — Вы же молодой мужчина и имеете право на отдых; здесь для

этого все условия... Кстати, у девушек режим, и я строго за этим слежу. Но боюсь, на вас моего внимания может не хватить...

Шленский закаменел. Ева Сергеевна рассмеялась и коснулась его руки фиолетовым коготком:

— Ну что вы? Мы же с вами друзья...

Дверь распахнулась, и в номер оргкомитета стремительно вошел Роман Юрьевич, а за ним телохранитель Степан и еще какой-то одутловатый человек.

— А, совращаешь молодежь? — весело поинтересовался Роман Юрьевич у Евы Сергеевны. В глазах у него блестели злобные огоньки. — Дело!

— Уже совратила, — светло улыбнулась Ева Сергеевна и поприветствовала одутловатого: — Привет, Олежек!

— Он не Олежек! — закричал Роман Юрьевич. — Секунду! — бросил он Шленскому и, развернув кресло на колесиках, уселся напротив одутловатого, оставшегося стоять у входа в комнату. — Он не Олежек! — повторил Роман Юрьевич, наставив палец. — Он никто и звать его никак!

— Рома... — начал было одутловатый, но Роман Юрьевич поднятием пальца остановил его речь.

— Не надо мне ничего объяснять, — тихо попросил он. — Я не мент. — Он повернулся к Еве Сергеевне: — Весь город оклеен календарями с Черышевой. Пленки на комбинат отдал ты. Нет?

— Не надо так, Рома... — ответил Олег.

— Пошел вон, — сказал Роман Юрьевич.

— Роман, — заговорил снова одутловатый, — я хотел с тобой согласовать...

— Вон пошел, — повторил Роман Юрьевич и развернул кресло к Шленскому: — Извините, Леня. Слушаю вас.

— Меня? — удивился Шленский.

За спиной Романа Юрьевича телохранитель Степан в буквальном смысле выставил за дверь Олега.

— Какие проблемы?

— Да, в общем, никаких, — ответил Шленский.
— А чё пришел? — весело спросил Роман Юрьевич. — Шутка, — сказал он, не переставая улыбаться.
Шленский машинально посмотрел на Еву Сергеевну.
— А-а, — понимающе протянул Роман Юрьевич. — Ну-ну. Как девочки? — как ни в чем не бывало продолжил он разговор.
— С девочками, конечно, сложно... — завел свою волынку Шленский.
— Получишь премию, — оборвал его Роман Юрьевич. — Еще вопросы?
— Сценарий...
— Со сценарием решай сам, делай с этой хератенью что хочешь, я в тебя верю!

И, завершая аудиенцию, Роман Юрьевич ошутимо хлопнул Шленского по плечу:

— Давай гуляй. На ужин пора.

— До свиданья, — сказал Шленский.

Он только закрывал дверь с табличкой «Оргкомитет», а там уже началось.

— Ты, сука, у меня доиграешься! Я тебе, блядь, покажу сепаратные переговоры! Тебя тут завтра не будет!

Шленский отошел в сторону и закурил. Из темного холла за его спиной раздался всхлип. Шленский обернулся. В холле, забившись за кадку с пальмой, беззвучно плакала Кузнецова. Шленский помедлил — и все-таки подошел к ней:

— Лена!

Услышав за спиной голос, Кузнецова еще больше сжалась и, как ребенок, отвернулась носом к стене.

— Лена, вы что? — Шленский осторожно дотронулся до ее плеча. — Не надо плакать.

Кузнецова еще раз шмыгнула носом.

— Господи! — ужаснулся Шленский. — Да что ж такое! Ну к черту! — с нарочитой веселостью заявил он. — Сейчас организуем вам звонок! Пять минут дел! Вам в какой город?

— В Нижнеудинск, — не оборачиваясь, сказала Кузнецова.

— Ну да, — сказал Шленский. — Конечно, Нижнеудинск. Никогда не был, — пожаловался он.

— И не надо, — обернувшись, сказала Кузнецова.

— Теперь не надо, — улыбнулся Шленский. — Ну, идем звонить. Только приведите себя в порядок.

Они вызвали лифт.

— Спасибо вам, — сказала Кузнецова.

Дверь лифта открылась, обнаружив внутри Черышеву, Жукову и Стеценко, возвращавшихся с тенниса.

— Здравствуйте, — войдя в лифт вслед за Кузнецовой, сказал Шленский.

— Здравствуйте-здравствуйте, — ответила Жукова.

— Вы на какой? — спросил Шленский.

— Мы? Мы на седьмой, — ответила Жукова.

Девушки с нескрываемым интересом разглядывали зареванное лицо Кузнецовой и красное от смущения — Шленского.

— Ага, — сказал он и нажал кнопку. — До свиданья, — сказал Шленский, выходя на шестом вслед за Леной.

— Всего доброго, — ответствовала рыжая Стеценко.

Двери закрылись, и из поехавшего вверх лифта раздалось многозначительное «о-о...».

— Подождите, я сейчас, — попросила Кузнецова, отпирая дверь.

Шленский покорно присел на диванчик напротив телевизора в холле. Потом поглядел на часы, покачал головой. Потом подошел к двери, намереваясь постучать, но из соседнего номера вышла косметолог Катя, и Шленский отпрянул от двери.

— На ужин не идете? — поинтересовалась Катя.

— Да я тут вот... — неопределенно ответил Шленский.

— Ну-ну, смотрите не опоздайте, — весело предупредила Катя.

Лена вышла из номера через двадцать минут — в вечернем платье, с макияжем. Вышла — и остановилась в дверях, глядя на Шленского.

— Так гораздо лучше, — сказал Шленский. — Но мы остались без ужина.

— Алло! — кричала в трубку Кузнецова.

Портье — женщина в белом халате — морщилась и затыкала уши.

— Алло! Мама! Это я, мамочка! Не волнуйся! У меня все хорошо!

Шленский, уходящий к лифту, обернулся, и она благодарно помахала ему рукой.

Шленский вошел в свой номер и зашарил рукой, ища выключатель.

— Не зажигайте свет, Штирлиц, — раздался из темноты голос Деветьярова. — Я выкрутил пробки. И продал.

— Так зайкой оставить можно, — сказал Шленский и включил свет.

Деветьяров сидел в кресле. На сервированном столе стояли многочисленные тарелки, накрытые другими — чтобы не остывало.

— Ужин, сэ-эр...

Шленский молча сел за стол и начал быстро есть. Расправившись с салатом, молча взялся за горячее.

— Реже мечи, — посоветовал Деветьяров. — Дурачком станешь.

Шленский положил в рот огромный кусок мяса и принялся жевать.

— М-м, — мрачно с набитым ртом проговорил он наконец. — А как ты сюда попал?

— «Меня перенесла сюда любовь, — сообщил Деветьяров, — ее не останавливают стены...» Балкон закрывать надо, Станиславский! Ты когда-нибудь кончишь жрать?

— Ну, допустим. — Шленский отставил тарелку.

Деветьяров легко вскочил и, движением конферансье подняв руку вверх, заявил:

— Итак, к вопросу о Бродвее!..

— Ну-ну, — стараясь казаться недовольным, сказал Шленский. — Полегче.

— Обидеть художника может каждый... Рассказываю.

Пансионат «Роща» жил вечерней жизнью. Пройдя мимо углового номера, где Деветьяров показывал Шленскому свой «Бродвей», по лестнице на шестой этаж поднимался охранник Романа Юрьевича — Степан.

Поднявшись вслед за ним и обогнув угол здания, мы бы увидели сквозь оконное стекло Кузнецову. Сидя на подоконнике, она молча глядела в сумерки за окном. В открывшихся дверях позади нее показался Степан, и Кузнецова, кивнув, вышла за ним из номера.

В соседнем номере готовились к вечернему выходу Жукова и Стеценко: Жукова, в полной боевой раскраске, клала на лицо последние штрихи маленьким мизинчиком, а рыжая Стеценко еще стояла перед кроватью, оценивая глядя то на одно, то на другое платье...

...а камера тем временем заглядывала в следующее окно, за которым Оленька Шефер внимательно разглядывала то себя в зеркале, то вырванный из журнала портрет Мэрилин Монро. Определив наконец основное разли-

чие между изображениями, Оля пальчиками оттопырила платье на груди, увеличив ее размера на три, и горестно вздохнула.

В просторном холле со сплошной зеркальной стеной тоненькая Даля мелом начертила по паркету длинную продольную линию и, встав у ее начала, пошла по ней — таз вперед, шаг по диагонали, — но подвернула ногу и присела, ойкнув. Помассировав сухожилие, литовка выпрямилась и снова пошла к началу меловой линии.

Обогнув холл и миновав темный номер, мы бы заглянули в комнату Черышевой. Хозяйки в номере не было, но свет горел, выставляя напоказ распотрошенный чемодан и разбросанные по комнате детали туалета. Единственным более или менее живым существом в этом натюрморте был говорящий с экрана диктор Кириллов. Шла программа «Время».

Через стенку от Кириллова на кровати с книжкой в руках лежала Лаврушина, но она не читала. Маленькая Веснина тиранила ее фотографиями своего молодого человека в армейской форме. Наконец Веснина спрятала фотографии в конверт, и Лаврушина подняла было книжку с одеяла. Почитать ей опять не удалось. Веснина достала из сумочки новый конверт с фотками, и Лаврушина обреченно закрыла книжку.

В баре, за угловым столиком, Роман Юрьевич, отечески улыбаясь, что-то объяснял Кузнецовой, которую привел Степан. Сам Степан у входа колотил по клавишам игрового автомата. Мимо него, выйдя из лифта, прошли Жукова и Стеценко.

Они миновали бар и вошли в бильярдную, где Девятьяров и Аслан учили играть Черышеву. Помогая девушке достать шар, Аслан прилег рядом. Девятьяров не отказал себе в удовольствии понаблюдать за этим сеансом сзади.

Степан, оторвавшись от игрового автомата, вразвалочку пошел следом за Жуковой и Стеценко.

Если бы, обогнув пустой тренажерный зал в торце здания, мы снова заглянули в бильярдную, то обнаружили бы там некоторые изменения. На одном бильярде играли Черышева с Асланом, на другом — охранник Степан и рыжая Стеценко.

Деветьяров и Жукова сидели в креслах поодаль. Ее рука уже была накрыта его ладонью.

В баре за угловым столиком, теперь одна, сидела Кузнецова. Рассчитавшись с барменом, от стойки отошла и прошла мимо нее с тарелкой пирожных косметолог Катя и, выйдя из бара, вызвала лифт.

Ева Сергеевна лежала на кровати с маской на лице. Дверь открылась, и косметолог, поставив на столик тарелку, присела к Еве Сергеевне и начала снимать маску.

Дверь следующего номера открылась, обнаружив в проеме силуэты Аслана и Черышевой.

Холл пятого этажа был пуст, лишь видна была площадка перед лифтом, на которой телохранитель Степан, держа дверь, что-то говорил стоящей в кабине Стеценко. Но двери лифта закрылись, и Степан, в досаде ударив по ним, исчез, и камера, обогнув угол здания, заглянула напоследок в открытое окно, перед которым стоял Деветьяров.

— Андрей! — раздался сзади голос Жуковой. Она стояла в одном полотенце, улыбаясь.

Деветьяров задернул шторы.

— Раз и! Два и! Три и! Четыре и! — командовал Деветьяров. — И пошли круги! Голова! Плечи! Грудь! Таз! Колени! Стопа! И побежали! Ножки выше! И поскакали обезьянками! Наташа, это не обезьянка, это дохлый бегемотик!

Дверь открылась. На пороге спортзала стояла Жукова.

— Андрей Николаевич! — не слишком пряча улыбку, сказала она. — Можно?

Деветьяров встал с четверенек.

— Можно — что? — спросил он.

— Войти, — сказала Жукова.

Деветьяров подошел к магнитоле и выключил музыку.

— Ну, попробуй, — сказал он.

Жукова вошла и закрыла дверь.

— Ну, вошла, — сказал Деветьяров. — И что?

Семеро девушек, прекратив работу, смотрели во все глаза.

— Я проспала, — улыбнулась Жукова.

— Много спать вредно, — холодно произнес Деветьяров. — От этого пухнут мозги и рождаются дети-дебилы.

Он включил магнитолау и, отвернувшись от Жуковой, обратился к семерке занимающихся:

— Поехали. Волна! И раз! И два!

— Сто-оп!

Шленский откусил от яблока и тихо сказал:

— Еще раз.

Все разошлись по кулисам, и снова по замысловатой траектории вышли к своим точкам, и снова остановились одновременно.

— Еще раз! — потребовал Шленский.

После третьего раза Стеценко осталась стоять посреди сцены.

— Не понял, — сказал Шленский.

— Сколько можно ходить-то? — спросила Стеценко.

— Пока не научитесь, — ответил Шленский и снова откусил от яблока. — А что?

— Я больше не пойду, — заявила Стеценко. — Я не заводная.

— А я заводной! — заорал Шленский. — Я заводной и буду лечить ваш санаторий, пока не сдохну! Уйди с глаз, рыжая, пока я не убил тебя этим огрызком! Умения — как у морской свинки, а гонору — на Голливуд!

Стеценко фыркнула, но все-таки убралась за кулисы, из-за которых тут же высунулась Веснина.

— Леонид Михалыч, а что, опять с самого начала?

Шленский запустил в кулису огрызком.
— Псих, — заметила Лаврушина. — Но симпатичный.

— Начали!

— А-а-а! — заорал Деветьяров и, схватившись за голову, картинно рухнул на колени перед Весниной. — Наташенька! — взмолился Деветьяров. — Ну, давай еще раз. Последний китайский раз.

— Та-та-та, ту! Ту-ту, та, та! — прохлопал он ритм.

Веснина попробовала повторить — и снова мимо ритма. Деветьярова скривило, как от зубной боли.

— Я научусь, честное слово, — пообещала Веснина.

— Научишься — женюсь, — пообещал Деветьяров.

— А мне и не надо, — сказала Веснина, и взрыв женского хохота потряс зал.

— Ну, давай от печки, — сказал Шленский.

— Меня зовут Лена Кузнецова, — сказала Кузнецова. — Я из Нижнеудинска, работаю медсестрой...

— А легче? — попросил Шленский. — Ну, как будто кругом не враги.

— Меня зовут Лена Кузнецова...

— Как тебя зовут?

— Да что же это у него с памятью? — громким шепотом сказала Стеценко. Малютка Шефер в зале прыснула.

— Убью! — не оборачиваясь, крикнул Шленский. — Давай, давай...

— Меня зовут Лена Кузнецова, — сказала Кузнецова.

— Зоя Космодемьянская.

— Нет, Кузнецова. — Лена улыбнулась.

— Замри! — заорал Шленский. — Во-от, ты же улыбаться умеешь! А чего скрывала? Ну, раз ты не Зоя Космодемьянская, а Лена Кузнецова, да еще такая симпатичная, — давай еще раз...

...В одиннадцатом часу вечера Деветьяров и Веснина сидели на полу спортзала друг напротив друга и, как туземцы в барабан, стучали по полу. Веснина все пыталась поймать свой хлопок.

— Та-та-та, ту! Ту-ту, та, та!

— Ой, — сказала Веснина. — Ой, получилось.

— Еще разок — давай? — не поверил ушам Деветьяров. Веснина дала еще разок.

— Получилось! — Она завизжала от восторга, повисла на шее у Деветьярова и звучно поцеловала его в щеку.

В приоткрытую дверь спортзала за всем этим наблюдали Жукова и Стеценко.

— Теперь точно женится, — сказала Стеценко.

— Это мне, — сказал Деветьяров, забирая со стола у Лаврушиной и Черышевой пирожные с кремом.

— Ну Андрей Николаевич! — возмущенно крикнула Лаврушина.

— Козленочком станешь, — сказал неумолимый Деветьяров и откусил от пирожного.

Смешливая Шефер опять прыснула.

— А ты ешь, Мэрилин павлодарская, а то тебя в профиль не видно... Девочки, — обратился он к лишенным сладкого, — с завтрашнего дня ваши полдники идут на поправку Шефер!

Закончив свое антре, Деветьяров присел за столик, где полдничал Шленский, и положил перед ним надкусанное пирожное.

— Это тебе, Эфрос. От конкурсанток.

— Спасибо, — не моргнув глазом сказал Шленский и положил пирожное в рот.

— Приятного аппетита, Леонид Михайлович, — остановившись, сказала проходившая к своему столику Кузнецова.

— Пользуешься успехом, — поднял брови Деветьяров.

— Я им — не пользуюсь, — ответил Шленский.

Один эскиз сменялся другим.

— Это пролог, — комментировал художник, шупловатый парень с бородкой а-ля Арамис. — Значит, здесь вот — как договаривались, металлическая лента, а стробоскоп либо здесь, либо здесь.

— Может быть, сюда какое-нибудь цветное пятно? — спросил Шленский.

— А будет! — сказал художник. — Там же фотография цветная, в цвете сомо...

— В каком?..

— Сомо. Ну это такой... желто-розовый.

— А кто это сказал? — поинтересовался Шленский. — Насчет фотографии?

— Ева, — сказал художник. — Она говорит, вы в курсе.

— Ясно. И кто там будет... в цвете сомо?..

— Да я откуда знаю... — ответил художник и, почему-то опустив глаза, занялся поиском следующего эскиза.

— Ну, вот и не больно. Ну, вот и совсем не больно...

Посреди спортзала лежала Лаврушина. Остальные сидели и стояли вокруг, глядя, как Деветьяров медленно покручивал туда-сюда ее подвернутую стопу. Лаврушина морщилась с неподдельным испугом в глазах.

— И ничего там связки не порваны, — сказал наконец Деветьяров, — не дурите мне голову! Это вывих, — сказал он, поглаживая Лаврушину по ноге.

Жукова, Черышева и Веснина внимательно следили за этим братским поглаживанием.

— А по-моему, и вывиха нет, — сказала Черышева.

— Сто-о-оп! — заорал Шленский.

— Боже мой, — поморщилась Даля. — Зачем же кричать?

— Раз и! Два и! — Деветьяров под музыку гонял девушек по спортзалу, но в этом уже явственно просматривались черты какого-то номера.

Шленский, под ту же музыку сидя в своем номере над листами писчей бумаги, изрисовывал их сценарием будущего шоу.

— Три и! Четыре и! — на весь спортзал хлопал в ладоши Деветьяров. — Стоп! Наташа, Саша, Лена, — еще раз свой проход!

— Стоп! — стоя в проходе кинозала, кричал Шленский. — Шефер, собери мозги в кучку. Еще раз!

— И раз! И два! — кричал Деветьяров в спортзале.

— Убью всех! — орал Шленский в кинозале. — На каком такте начинаем идти?

— На пятом! — стонал в спортзале Деветьяров. — На пятом акте идем!

— У нас сейчас обед, — робко заметила Шефер.

— У вас сейчас я, — безжалостно отрезал Деветьяров.

— Еще раз, — командовал Шленский.

— Еще раз, — говорил Деветьяров.

— Я сейчас умру, — задыхаясь, обещала Веснина.

— Умрешь — похороним, — успокаивал Деветьяров. — Поехали! Получится — отпущу спать.

— Ага, спать... как же... — вдруг сказала рыжая Стеценко, и стоявшая рядом Жукова внимательно на нее посмотрела.

— Начали! — крикнул Шленский.

— Отлич-но! — кричал Деветьяров. — И рука! И нога! И пошли!

— Хорошо! Умницы! — кричал Шленский. — И на финал! На финаль-чик! И-и-и хоп-ля!

Шленский выключил музыку.

Деветьяров стоял на пороге спортзала. Семеро девушек, не переодетые к занятиям, рядом сидели на скамеечке.

— В чем дело? — внимательно рассмотрев этот пейзаж, спросил Деветьяров.

— Мы сегодня не можем заниматься, — ответила за всех Стеценко.

— Почему? — глупо спросил Деветьяров.

— У нас женские дни, — улыбнувшись, мягко объяснила Черышева.

— У всех? — спросил Деветьяров.

— Почему у всех? — Ирыжая Стеценко, поведя головой, указала на Лаврушину, молча разминавшуюся в стороне.

— А у нее почему не дни? — поинтересовался Деветьяров.

— А у нее климакс, — сказала Стеценко.

— Они просто устали, — сказал Шленский. Он лежал на верхней полке в сауне. — Их надо расслабить.

— Их не расслаблять, — ответил Деветьяров, попивая пиво из банки. Он сидел на средней полке на полотенце. — Их убивать надо.

— Ты чего такой кровожадный? — не открывая глаз, осведомился Шленский. — Отелло... «Убива-ать...» Подбавь парку.

— Убивать! — подтвердил Деветьяров и, встав, плеснул на раскаленные камни из пивной банки.

— Ох. Кайф... — слабо простонал разморенный Шленский.

— Убивать, Ленчик! И сегодня же, — продолжил Деветьяров. — А то они нам на голову сядут.

— Сядут, сядут, — подтвердил Шленский. — Спать надо меньше, тогда не сядут.

— Чего? — переспросил Деветьяров.

— Того самого, — ответил Шленский и повернулся на спину. — Чего слышал.

— Это мои проблемы, Станиславский, — сказал Деветьяров.

— Не только твои.

— Да что мне, монашествовать тут, что ли? — вскипел Деветьяров. — У меня крыша поедет!

— Не знаю, Андрюша, — ответил Шленский. — У меня не едет.

— Ты уверен? — спросил Деветьяров.

Шленский не ответил. Минута прошла в молчании: Деветьяров пил пиво, Шленский лежал с закрытыми глазами. Потом вдруг сел.

— Может, ты и прав, — сказал он. — Черт его знает. Пойдем поплаваем.

Они стояли у края бассейна. Голубое поле лежало перед ними совершенно нетронутым.

— Нет, ты подумай, — сказал Деветьяров. — Вот это все — нам одним. И почему я не взял сюда жену?

— Да, почему? — поинтересовался Шленский, снимая тапки.

— Забыл! — воскликнул Деветьяров. — Склероз, что ты поделаешь! И-ех! — И он рыбкой сиганул в воду.

— А девиц поведем в театр! — вынырнув, вдруг сообщил Деветьяров. — На «Вишневый», ага? Пускай расслабятся напоследок, черт с ними. Что с Маштаком будет-ет...

И, перевернувшись, поплыл.

— Это все с вами? — спросила билетерша.

— Со мной, — не без гордости ответил Шленский, отдавая билеты.

— Раз, два, три... — считала билетерша. — Восемь! Ох, Леонид Михайлович, смотрите! — И она шутливо погрозила ему пальцем.

— Хоть бы по одной водил, — поджала губы гардеробщица.

Деветьяров заглянул в грим-уборную к заслуженному артисту рэсэфэсэрэ Маштакову:

— Николай Семеныч! Погодите гримироваться, идемте, чего покажу!

Они украдкой выглянули из служебной двери в зрительское фойе. Деветьяров индейцем прокрался за колонну, Маштаков с неожиданным изяществом перетек за ним.

— Глядите!

Проследив за взглядом Деветьярова, Маштаков нервно сглотнул: посреди фойе, что-то вдохновенно рассказывая, стоял Шленский, а вокруг него — восемь эффектных девиц. Зрители, бродившие вокруг, с уважением поглядывали на этот гаремный выезд.

— Ну, режиссура... — только и сказал Маштаков. — Ты подумай, а? Вроде тихий. Откуда он их взял-то?

— А он эротическую студию ведет во Дворце железнодорожников, — объяснил Деветьяров. — Ты что, не знал?

— Нет, — сказал Маштаков, безуспешно пытаясь примагнитить взглядом Черышеву. — Ему консультант не нужен?

— Спрошу, — ответил Деветьяров.

В это время Оленька Шефер обнаружила среди портретов знакомое лицо и на все фойе закричала:

— Ой! Смотрите — Андрюша! Андрей Николаи-ич!

Через секунду восемь девушек весело щебетали возле деветьяровского портрета.

Маштаков выразительно посмотрел на коллегу:

— Значит, говоришь, Дворец железнодорожников...

— Давай скорее, Поволжье! — поторопил Шленский Шефер, жадно кусавшую от бутерброда с рыбой.

— Ыну, — ответила та, что должно было означать «иду».

Уже прозвенел третий звонок, и девушки, торопливо допивая водичку, поспешили в зал. Пользуясь отсутствием режиссуры, Лаврушина и Черышева на ходу засовывали в рот по второму эклеру.

— А вы будете смотреть? — спросила Кузнецова. Она тенью стояла за плечом Шленского.

— Я, Леночка, видел это раз двадцать, — улыбнулся Шленский.

— Значит, не пойдете? — спросила она.

Шленский покачал головой.

— Леонид Михайлович, — попросила Кузнецова. — Можно, я останусь с вами?

Шефер наконец допила сок и, бросив на них быстрый взгляд, выскочила из буфета.

— Не надо, что вы... — Шленский испугался и тут же устыдился своего испуга. — Зачем, Леночка? — попробовал отшутиться он. — Вы на меня еще наглядитесь...

Кузнецова покачала головой:

— Не нагляджусь.

Шленский медленно погладил ее по щеке, и Лена, закрыв глаза, поворотом головы прижала его руку к своему плечу. Буфетчица, лежа всей грудью на стойке, наблюдала эту пастораль.

— Лена, — сказал Шленский, — вам пора на спектакль.

— Угу, — не открывая глаз, сказала она.

— Двадцать два несчастья! — сказал Яша—Деветьяров. — Глупый человек, между нами говоря...

В зале раздался дружный девичий смех, и партнерша по сцене из-под руки послала Деветьярову взгляд, полный

возмущения. Тот, не выходя из образа, невинно развел руками: что я могу сделать, если так нравлюсь девушкам?

Шленский курил, сидя в темном фойе.

— Леня, — подойдя, попросила билетерша, — не кури здесь. Нас ругать будут.

— Извините... — Он затушил сигарету о подошву и вдруг, скривившись, мотнул головой и замычал, как от боли.

«Икарус» вез их назад сквозь вечернюю Москву. Шленский сидел закрыв глаза. В просвете между креслами, повернув откинутую на спинку сиденья голову, на него не отрываясь смотрела Кузнецова.

— Леночка, — сахарно заметила сидевшая через проход Стеценко, — осторожнее, миленькая, шейка затечет...

Кузнецова даже не посмотрела на говорившую, но Шленский вздрогнул. Потом повернулся, нашел ее глаза и улыбнулся.

Автобус ехал сквозь вечерние окраины, и они не отрываясь смотрели друг на друга.

— погоди! Не рассказывай, я сейчас! — Аслан, умоляюще посмотрев на Деветьярова, мигом слетал к стойке бара и вернулся к столу с двумя стаканами и тарелкой бутербродов.

— Ну!

— Ну вот, — продолжил Деветьяров. — Врач и говорит ему: раздевайтесь. Ну, он штаны спускает, а там вот такое... — Размеры Андрей показал руками. — Врач говорит: ну ничего странного, вылечим. А мужик говорит: что вы, доктор, это я вам здоровое показал...

Аслан, взмахнув руками, бесшумно сложился пополам и пополз от смеха.

— А про Курочку Рябу знаешь? — спросил Деветьяров.

Аслан, заранее веселясь, приготовился слушать дальше. Но анекдота про курочку не последовало. К столику с чашечкой кофе и бутербродами подошла Ева Сергеевна.

— Не помешаю?

— Ну что вы, — сказал Деветьяров.

— Я поиграю пока, — сказал Аслан, выходя из-за стола.

— Как вам у нас? — спросила Ева Сергеевна.

— Нам у вас замечательно, — ответил Деветьяров.

— Питание, отдых...

— Все прекрасно, — сказал Деветьяров.

— Не устаете? — поинтересовалась она.

— Ну что вы, — улыбнулся он.

— А меня тревожит ваше состояние, — произнесла Ева Сергеевна. — Вы очень мало отдыхаете. Почти не спите. Ночами вас не бывает в номере...

Деветьяров перестал пить кофе.

— Это очень плохо, Андрей, — продолжила Ева Сергеевна. — Ведь вы взрослый человек, женатый... У вас ребенок, работа в театре. Нельзя так не щадить себя.

Она щелкнула зажигалкой и прикурила.

— Ева Сергеевна, — сказал наконец Деветьяров. — У меня такое ощущение, что вам от меня что-то нужно.

Ева Сергеевна покачала головой:

— Ну что вы, Андрей. Просто хочу помочь вам сориентироваться в ситуации.

— В какой ситуации? — поднял брови Деветьяров.

Но ответа не последовало. В бар в сопровождении Степана входил Роман Юрьевич.

— Привет миру искусств! — весело поприветствовал он. — Все за Жукову агитируешь?

— Ромочка, — по-семейному улыбнулась Ева Сергеевна, — Андрея не надо агитировать за Сашу: у них прекрасные отношения.

— Ну что же, — усаживаясь за их столик, осклабился Роман Юрьевич. — Молодой мужчина, красивая девушка... Учитель и ученица... Это так романтично.

Степан, принеся кофе, щелкнул зажигалкой. Роман Юрьевич, прикурив, жестом отправил его на все четыре стороны и повернулся к Деветьярову:

— Маэстро, вы не позволите мне поговорить с вашей дамой наедине?

— Это ваша дама, — вставая, светски улыбнулся Деветьяров и отошел к стойке бара.

— Андрюша, коньячку? — спросил бармен.

— И побольше, — ответил тот. На лице Деветьярова все еще стояла резиновая улыбка.

— Ага, ага, — сказал Шленский. — То, что надо.

Веснина, как первый раз в жизни, рассматривала свое отражение в зеркале. Позади стояли парикмахер и косметолог Катя.

— А если еще глаза — в сторону Востока? — предложил Шленский. — Чуть-чуть, а?

— Попробуем. — Катя, стоя за спиной у Весниной, двумя пальцами аккуратно растянула ей глаза к ушам. — Ого! Просто мадам Баттерфляй!

— Андрюша! — окликнул Шленский вошедшего Деветьярова. — Нравится девушка?

— Аск, — ответил Деветьяров.

— Ну, пошли, — сказал Шленский. — Мата Хари!

В холле с зеркальной стеной модельер Аркадий, смуглый человек, одетый, пожалуй, с излишним изяществом, готовил девушек к «строевому смотру». Войдя, Шленский сразу встретился глазами с обернувшейся от зеркала Кузнецовой — и они в открытую улыбнулись друг другу.

— Леонид Михайлович! — бросилась под защиту режиссера Оленька Шефер. — Скажите ему: мне плохо с обертками, это не мой стиль, совсем не мой...

— Не говори при мне этого слова! — закричал от зеркала Аркадий. — У тебя нет стиля! Твой стиль — тряпочки-рюшечки!

Шефер зарыдала, размазывая тушь по щекам. Веснина тут же бросилась к ней обниматься и утешать.

— Дура! — завопил Аркадий. — Я придумал тебе стиль! Постой, посмотри на себя внимательно. Черышева! Не смей делать выше!

— Почему вы прячете мои ноги! — возмутилась Черышева. — Вам не нравятся — не смотрите! Вот как надо! — И она подняла юбку еще на десяток сантиметров.

— И на панель, на панель! — заорал Аркадий.

— Спокойно, девушки! — попросил Шленский.

Рыжая Стеценко заржала. Модельер вспыхнул, и Шленский, указав на костюмы, тут же замая оплошность:

— Аркадий! Класс!

Аркадий поправил очки и скромно улыбнулся. Деветьяров, вытянув ноги, молча наблюдал из кресла процесс преобразования девушек.

— Аркадий, а если еще уже? — спросила Даля.

— Упадешь, — сказал Аркадий.

— Не упаду, — сказала Даля. — Смотрите. — И прошлась. — А?

— Саша! — позвал Деветьяров. — Можно тебя на секундочку?

— Момент! — Жукова поправила платье на небольшой, но эффектной груди и, поставленным шагом подошла к Андрею, остановилась возле его кресла и неотразимо улыбнулась.

— Очень здорово, — сказал он и, протянув руку, хозяйски провел ею по спине и бедру девушки.

— Что такое? — напряглась Жукова.

— Прости, привычка, — ответил Деветьяров. — Скажи, Сашенька, ты каждый раз, когда мы с тобой трахались, об этом докладывала?

— Когда мы с тобой, то не каждый, — просто ответила Жукова.

— Ну, спасибо, — сказал Деветьяров.

— Всегда пожалуйста, — ответила Жукова и, резко повернувшись, пошла к зеркалу.

— Леонид Михайлович! Посмотрите.

Шленский обернулся.

— Хорошо? — спросила Кузнецова.

Шленский строго и внимательно осмотрел ее, но не выдержал собственной игры и улыбнулся:

— Очень.

Кузнецова, расправив платье, вдруг с визгом закурилась вокруг себя.

— Тихоня-то наша, — заметила Лаврушиной Стеценко, — совсем взбесилась.

— Елена, — официальным тоном осведомился Шленский, — Елена, в чем дело?

«Не ска-жу», — одними губами ответила она.

— Ленья, Андрей! — В дверях стоял телохранитель. — Роман Юрьевич сказал: скорее переодеваться — и в автобус.

Шленский в недоумении посмотрел на Степана.
— Итальянец прилетел, — сказал Степан — как всегда, безо всякого выражения.

Автобус остановился у Хаммеровского центра. Они прошли мимо швейцара и остановились, рассматривая это великолепие.

— Ну, сеньориты, — голосом гида объявил Деветьяров, — приплыли. Наш общий итальянский папа живет здесь и мечтает увидеть своих дочурок. Напоминаю: «спасибо» по-итальянски «грация», а «макароны» — «спагетти».

— А как по-итальянски: «Папа, возьми меня с собой»? — спросила Стеценко.

Двери лифта открылись. Шленский и Роман Юрьевич пошли по широкому коридору, глядя на номера апартаментов.

— Это главный спонсор, — на ходу инструктировал Роман Юрьевич. — Его зовут Никколо Берти, господин Берти. Говорить ничего не надо, надо стоять и кивать головой. Все давно согласовано.

— Что?

— Не бери в голову. Будет о чем спрашивать — не волнуйся, отвечай спокойно.

— Да я вообще спокойный, — сказал Шленский.

Роман Юрьевич кинул на него внимательный взгляд.

— Это пройдет, — заверил он.

Дверь открыла улыбающаяся женщина в больших очках.

— Господин Берти ждет вас.

Итальянец стоял в проеме дверей.

— Бон джорно! — радостно воскликнул Роман Юрьевич и, ослабившись улыбкой, вошел с протянутой на встречу рукой.

Женщина закрыла дверь за Шленским, и из-за двери понеслись звуки плохой английской речи: то с итальянским акцентом, то с отечественным. Но ненадолго: дверь снова открылась, и Роман Юрьевич быстро пошел обратно к лифту.

— Господин Берти слышал много хороших слов о вас и хотел бы узнать о ходе работы над финальным шоу. — В отсутствие Романа Юрьевича разговор шел на родных языках, через переводчицу.

— Работа идет нормально, — ответил Шленский. — Надеюсь, результат понравится господину Берти.

— О'кей, — выслушав переводчицу, сказал итальянец и снова перешел на родной язык.

— Господин Берти надеется, что в программе шоу найдется место для показа его работы, — перевела женщина.

— А что выпускает фирма господина Берти? — поинтересовался Шленский.

Этот бестактный вопрос женщина переводить не стала, а быстро ответила сама:

— Белье. Нижнее белье.

Итальянец закивал головой и радостно опробовал звучание иностранного слова:

— Бель-е!

В апартаменты, пригнанные Р.Ю., стайей овечек уже входили девушки.

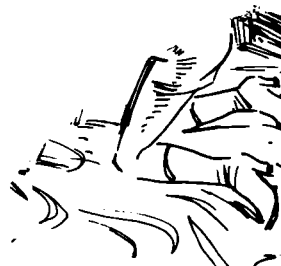
— Я должен подумать, — уклончиво ответил Шленский.

— О'кей, — сказал господин Берти и что-то крикнул по-итальянски.

Из соседней комнаты появился молодой человек. Увидев девушек, произнес интернациональное «о-о!», нежно пододвинул за талию стоявшую с краю Лаврушину, улыбнулся Деветьярову и вышел из номера.

— Господин Никколо Берти! — радостно представил итальянца Роман Юрьевич.

Он выглядел добрым Дедушкой Морозом.

— There are our beauty...

— O, how pretty... — сказал господин Берти, разглядывая их с тем выражением удовольствия на лице, какое бывает у человека, прикупившего нечто изящное.

Молодой итальянец вернулся с огромным полиэтиленовым мешком и по знаку господина Берти вывалил из него на ковер с полсотни разноцветных ночных рубашек.

— Это презент, — перевела женщина. Господин Берти ободряющим жестом указал на кучу своего товара вниз. — Это ваше, — перевела женщина.

Через несколько секунд восемь девушек с радостным визгом ползали по ковру у их ног.

Выпитое за ночь подействовало по-разному. Шленский был тих и печален, Деветьяров — мрачен и зол.

— «Зо-олушки», — передразнивал он. — «Бал во дворце-е-е...» Шмары!

Он пнул ногой стул, и тот повалился набок.

— Не буянь, — сказал Шленский.

— Ага! — крикнул Деветьяров. — Тебе лишь бы все тихо. «Я подумую». Дипломат! «Не буянь»... А я буду буянить! — Он попытался свалить пинком кресло, но оно лишь отъехало по ковру. — Я русский. Мне обидно! — выкрикнул Деветьяров.

— Ну да, а я еврей, — сказал Шленский.

— Ты — еврей, — согласился Деветьяров.

— И мне — не обидно? — спросил Шленский.

— Прости. Я не о том. — Деветьяров нежно похлопал друга по шее и налил. — За дружбу народов!

Шленский сделал кулаком «рот фронт».

— ...Кроме итальянского! — закончил Деветьяров.
— При чем тут итальянец? — взвился Шленский. — Что ты пристал к итальянцу!
— Сука! — крикнул Деветьяров. — Он смеялся, пока они ползали!
— Правильно смеялся! — закричал и Шленский. — Что ему, плакать, что ли? Это нам надо плакать... А!.. — Он махнул рукой. — Давай!
Они выпили, не чокаясь.
— Еще раз вступишься за итальянца — я тебя ударю, — предупредил Деветьяров, подчищая ложкой остатки баклажанной икры из банки. — Понял?
— Понял, — сказал Шленский. — Не скреби так, башка болит.
— Извини, — сказал Деветьяров. — Я хлебушком...
— Девчат жалко, — вдруг сказал Шленский.
— Что-о? — спросил Деветьяров. — Кого?
— Девчат.
— Они шмары, — отрезал Деветьяров.
— Они несчастные, — сказал Шленский. — Они бедные маленькие «совки».
— Леня, — Деветьяров снова налил, — извини, но рано или поздно кто-нибудь все равно скажет тебе правду, и лучше, если это буду я. Они — шмары. А ты — дурак.
— Сам дурак, — сказал Шленский.
— Не-е, я не дурак, — возразил Деветьяров. — Я подлец. А дурак — ты.
Шленский печально махнул рукой.
— И я готов это доказать! — настаивал Деветьяров. — Вот, например: ты до сих пор не трахнул Кузнецову.
— Чего?
Деветьяров приподнял бутылку:
— Допивать будем?
— Не хочу, — ответил Шленский.

— Ой, — удивился Деветьяров. — Надо же, завязал!.. — И, влив остатки в стакан, поднялся. — Тост! — объявил он. — За успех шоу «Мисс шмара—88»!

Деветьяров опорожнил стакан и сообщил:

— Занавес! Па-аклон!

И, поклонившись, рухнул на пол.

На завтраке Деветьяров сидел бледный, но мужественный. Шленский был помят и неприступен. Девушки из-за столов осторожно поглядывали в их сторону.

— Андрей Николаевич! — окликнула наконец Лаврушина. — А оладьи — можно?

— Хотя все, — не поворачивая головы, ответил Деветьяров.

— Приятного аппетита! — проходя к своему столику, хором, как октябрюта, поздоровались Стеценко и Шефер, но шутка не прошла.

— Ты ешь, — посоветовал другу Деветьяров. Одна щека у Шленского закаменела от тревожно-вопросительных взглядов Кузнецовой.

— Я не хочу, — ответил он.

— А кто хочет-то? — философски сказал Деветьяров. — Надо! — И он намазал оладыш джемом. — Слушай, ну посмотри на нее, — попросил он через несколько секунд. — А то она изгипнотизировалась вся.

— Отстань, а? — попросил Шленский.

— Усложняешь, — констатировал Деветьяров. — А с ними надо проще. Ты ж видел, как они на карачках ползали... Живи рефлексами.

— Слушай, сэнсэй, — поднял глаза Шленский. — Ты мне надоел.

— Так ведь и ты мне, — просто ответил Деветьяров.

Сбоку раздался радостный визг Весниной, тут же повторенный другими финалистками. Проследив тревожный взгляд Деветьярова себе за спину, Шленский повернул голову.

В зал в сопровождении Евы Сергеевны входило с полтора десятка мужиков самых цветущих лет. Через несколько секунд столы, за которыми сидели девушки, были пусты. Их смех и щебет раздавались за спиной Шленского.

— Кто это? — поскучнев, спросил Деветьяров.

— Фотографы, сэнсэй, — ответил Шленский, исподволь глядя, как по-хозяйски обнимает Кузнецову какой-то бородатый малый.

— Конец малине, — печально сказал Деветьяров. — Накрылась личная жизнь.

— Еще раз «Прощание», — сказал Шленский. — Начали!

Деветьяров нажал на клавишу магнитолы.

Шли последние дни подготовки. Число за числом вычеркивалось синим фломастером на календаре, висевшем в номере у Шленского, и все меньше их оставалось до обведенной красным кружочком цифры «17». Девушки репетировали свои выходы, пропадали у косметолога и модельера; давал интервью Роман Юрьевич, и финалистки махали ручками в телекамеры из-за окон автобуса; Ева Сергеевна и Саша Жукова выходили из такси возле Хаммеровского центра, где жил господин Берти; поил членов жюри Роман Юрьевич... И вот однажды на календаре осталось только два незачеркнутых числа — 15 и 16.

— Леонид Михайлович?

Шленский захлопнул дверь своего номера и обернулся:

— Лена?

— У вас есть сейчас несколько минут?

— Есть, — ответил Шленский.

Из деветьяровского номера бесшумно выскользнула Оля Шефер и, увидев Шленского и Лену, остановилась как вкопанная.

— Я заходила узнать насчет завтрашнего прогона, — быстро объяснила она, хотя Шленский ни о чем ее не спрашивал.

— В одиннадцать часов, — сказал Шленский.

— Я знаю, — не совсем логично ответила Оля, стрелнув глазами в сторону Кузнецовой. — Ну, я пойду.

— До завтра, — сказал Шленский.

— Леонид Михайлович, — сказала Кузнецова, — вы не пройдете со мной еще раз первый выход?

— Хорошо, — сказал Шленский. — После ужина, в кинозале.

— Ага! — обрадовалась Кузнецова. — Спасибо!

И почти побежала по коридору.

Проводив ее взглядом, Шленский приоткрыл дверь в девятьяровский номер и крикнул:

— Эй, сексуальный маньяк, на ужин пойдешь?

Ужин заканчивался. Аслан, вытирая руки салфеткой, тряся от смеха, Девятьяров невозмутимо ковырял спичкой в зубах, рассказывая анекдот.

— Ты погоди ржать, это еще не все...

— Леонид Михайлович?.. — вопросительно напомнила Кузнецова. — Вы идете?

— В кинозал? Да, сейчас... — пообещал Шленский.

— Ну, ну... — попросил Аслан.

— Ну, он бежит дальше, а на суку сидит ворона... — продолжал Девятьяров. — Да погоди ты смеяться!..

Дверь в кинозал была приоткрыта. Шленский стоял в проходе между рядами, Кузнецова — на сцене.

— Леонид Михалыч, — спросил Девятьяров, всовывая озабоченную физиономию, — ты моего ключа не видел?

— Нет, а что?

— Да посеял где-то, — посетовал Девятьяров, входя и органично хлопая себя по всем карманам.

— Не видел, — сказал Шленский.

— Черт возьми, — сказал Деветьяров, незаметно забирая с кресла брошенный Шленским ключ от кинозала. — Ну ладно, поищу... Может, Аслан взял.

И вышел. Аслан стоял тут же, заранее давась со смеха.

— Операция «Интим», — объявил Деветьяров, демонстрируя ключ. — Асланчик, где тут у вас рубильник?..

— Ну, давай последний разок о себе — и все, — сказал Шленский.

— Хотите получше запомнить? — спросила Кузнецова.

— Точно, — улыбнулся Шленский.

— Хорошо. — Она присела на авансцене, в двух шагах от него. И совершенно естественно, как будто всю жизнь провела у рампы, начала рассказывать: — Меня зовут Лена Кузнецова, я приехала из Нижнеудинска, где работала медсестрой. Мне двадцать лет...

С глухим щелчком погас свет, и стало почти совсем темно.

— Черт. Осторожнее, не упади, — сказал Шленский.

— Где вы? — спросила она.

— Я вот. Давай руку, тут ступеньки.

Она нашла его руку и спустилась в зал. Сумеречный свет из-за штор едва-едва выделял из тьмы их силуэты.

— Пробки полетели, — неестественным голосом объяснил Шленский. — Сейчас выберемся.

— Я не боюсь темноты, — сказала Лена.

— Смелая, — деревянно хохотнул Шленский. Он все еще не отпускал ее руки. — Черт возьми, где же спички?

— А я вас вижу, — сказала Кузнецова. — Я вижу в темноте, как кошка. Вы сейчас смотрите на меня. Не надо спичек, — попросила она вдруг.

— Не надо, — согласился Шленский. В темноте он видел ее глаза. — Ну что, идем? — Она не ответила. — Слушай, — сказал он, погромев дверь. — Нас заперли. — До него наконец дошло. — Ну, негодяй!

Он еще раз подергал дверь. Лена молчала, стоя в шаге от него.

— Чего молчишь, Лена Кузнецова из города Нижнеудинск? — спросил Шленский.

— Просто так, — ответила она.

— Это хорошо, когда просто так... Ну что, медсестричка, сидим?

— Сидим, — подтвердила Кузнецова.

— Ну и садись тогда. Ты где?

— Я вот.

Они нащупали кресла и сели.

— Я закурю? — спросил он.

— Конечно, Леонид Михайлович, — сказала она.

Он чиркнул спичкой, и из темноты выплыли ее глаза. Шленский прикурил и глубоко затянулся.

— Два дня осталось, — сказала Кузнецова.

— Один, — сказал Шленский. — Фактически — один.
Послезавтра уже не в счет.

— У меня — в счет, — сказала Кузнецова. И добавила: — Я ведь после конкурса — обратно.

— Да-да, — буркнул Шленский.

— Но я еще не знаю... Роман Юрьевич предлагает контракт, — сказала Кузнецова. — Турне по Средиземному морю. С ним, вместе. Обещает помочь с работой.

— Вот и замечательно, — после паузы сказал Шленский.

— Соглашаться? — спросила она.

— Ну, я не знаю, — ответил он. — Как я могу решать за тебя? — И он с силой вкрутил окуроч в ручку кресла.

Они помолчали.

— Дайте руку, — попросила она. Он послушно протянул ей руку. — Теплая...

— Так еще не помер, — пошутил Шленский.

— Не смейте так говорить! — Она прижала его ладонь к своей щеке.

— Лена...

— Молчите, — сказала она. — Не говорите ничего.

— Лена, вы страшный человек, — сказал Шленский.

— Ага, — ответила она, целуя его руку. — Очень. Я вампир...

— Ах ты, вампир нижнеудинский... — Шленский уже неудержимо гладил ее волосы, шею, плечи. — Ах ты...

Свет зажегся так же внезапно, как погас, и Шленский отпрянул от Лены.

— Лёничка... — зажмурив глаза, попросила она, пытаясь удержать его руку.

— Тс-с! — шепотом прикрикнул он.

— Тамара! — крикнули за дверью. — Тамара, ключи от кинозала у тебя?

Загремело ведро.

— Вот черти, опять не сдали, — пожаловался голос. — Тамара, позвони Шмакову, у него дубликаты!

— Сейчас придут, — прошептал Шленский. — Господи, только этого не хватало!

— Ну и что? — сказала Кузнецова. — Ну и пускай придут.

Ничего на это не ответив, Шленский резво забрался на сцену и скрылся за экраном. Через несколько секунд оттуда раздался грохот отодвигаемых предметов.

Лена неподвижно сидела в зале. Наконец Шленский появился из-за экрана:

— Леночка, я нашел выход.

Кузнецова не двинулась с места.

— Скорее, Лена, — уже раздраженно поторопил Шленский. — Вы что, меня не слышите?

Кузнецова засмеялась.

— Вы что, Лена? — спросил Шленский.

Лена хохотала.

Деветьяров загнал шар в лузу и поднял голову. В дверях бильярдной стоял пыльный, всклокоченный и злой Шленский.

— Уже? — спросил Деветьяров.

— Уже, — ответил Шленский. — Спасибо за заботу.

— Не за что, — сказал Деветьяров и, обернувшись к Аслану, бросил: — Не в коня корм.

— Меня зовут Лена Кузнецова, я приехала из Нижнеудинска...

Она стояла на пустой сцене в коротенькой ночной рубашке и улыбалась Шленскому. Заверещал будильник. Шленский вскочил как ошпаренный и прибил его. Посидел немного, приходя в себя, — и с ненавистью вычеркнул на календаре вчерашнее число.

Без пяти одиннадцать Шленский вошел в кинозал. Аркадий и его ассистентки что-то подкалывали к платьям

Лаврушиной и Шефер; литовка пробовала ходить в своем, обтягивающем.

Веснина поправляла прическу Черышевой, косметолог Катя возилась с макияжем для Жуковой.

Шленский тревожно оглядел зал:

— Девушки, а где Кузнецова?

— Она просила передать, что заболела, Леонид Михайлович, — сообщила со сцены Даля.

— Ясно, — сказал Шленский.

— Леонид, — обратился к нему подошедший фотограф, — а фотографии пойдут через один слайдоскоп или через несколько?

— Да-да, — сказал Шленский.

— Что? — не понял фотограф.

— Простите, — извинился Шленский. — Вечером решим. Андрей! — позвал он. — Пройдешь прогон за Кузнецову?

— Нет, Ленчик, — зло улыбнулся Деветьяров. — За Кузнецову ходи сам.

На обед Кузнецова пришла последней и молча села за свой столик. Шленский ел медленнее обычного, попросил добавки компота. Дождавшись, когда все разойдутся, он подошел к ней:

— Приятного аппетита, Лена.

— И вам.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — ответила Кузнецова, глядя в борщ.

— Вот и замечательно, — бодро сказал Шленский. — Значит, на втором прогоне будете?

Кузнецова, подняв глаза, какую-то секунду всматривалась в лицо Шленского. Он улыбнулся.

— Буду, — сказала она.

После пресс-конференции был фуршет. Потом пили кофе и коньяк, переходили от столика к столику... Сидя возле фотографа со шкиперской бородкой, Шленский рассматривал листы фотографий. Из-за углового столика, безуспешно кадрируя каким-то журналистом, на него смотрела Кузнецова, но, увлеченный новой идеей, Шленский не видел ее.

— ...Час по первой программе в пятницу вечером, — говорила Роману Юрьевичу дама в костюме. — Но вести будет он сам.

Женщина скосила глаза в сторону столика, где уставший от собственной популярности известнейший телеконферансье привычно шутил, сидя в компании со Стеценко и Черышевой.

— Нет проблем, — ответил Роман Юрьевич. — Но права будут у нас.

— Это мы еще не обговаривали, — сказала женщина.

— У нас, у нас... — мягко повторил Роман Юрьевич. — А Осинский... — он кивнул в сторону конферансье, — пожалуйста, пусть ведет. Евочка! Можно тебя на минутку?

— Пойду к себе, — улучив момент, сообщил Девятьяров и оторвался от стойки. Вызвав лифт, он обернулся и, поймав взгляд Шефер, выразительно покрутил пальцем воображаемый телефонный диск. Оленька кивнула, смутилась и тут же отвернулась к стойке.

Когда двери лифта закрывались, быстрым шагом подошла Кузнецова. Увидев Девятьярова, она хотела было остаться, но тот придержал двери. Лена вошла.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста...

Кузнецова стояла в углу кабины, готовая зареветь.

— Я, кажется, знаю, что нам обоим нужно, — сказал Девятьяров и нажал кнопку. — Нам обоим нужно выпить. Едем ко мне.

Она резко вскинула на него глаза.
— Да не бойтесь вы, о господи! — воскликнул Девятьяров. — Просто — выпить. Это разрешается?

В баре фотограф со шкиперской бородкой все еще объяснял что-то Шленскому, а тот безуспешно искал глазами Кузнецову. Но за угловым столиком было пусто.

— Такая, знаете, пластическая фантазия: «Фотограф и модель», — говорил «шкипер».

— Хорошо, — сказал Шленский.

— Робертас, — подошла к столику Ева Сергеевна, — можно мне похитить Леонида? Ненадолго.

— Извините, — сказал Шленский.

— Леня, — как о чем-то простом, сказала Ева Сергеевна, — у нас небольшие коррективы в программе.

— Какие коррективы? — насторожился Шленский.

— Вести шоу будет Осинский.

— Что?! — Шленский глянул за столик, где, будто не имея никакого отношения к происходящему, привычно ухаживал девушек конферансье.

— Ленечка, это условие трансляции, — предупредила его бессмысленные возражения Ева Сергеевна.

— А Андрей? — беспомощно спросил Шленский.

— С ним проблем не будет, — ответила Е.С.

— Да? — Шленский обернулся к стойке, но Девятьярова на привычном месте не было, а к Шефер приклеился пьяненький журналист, перед тем кадривший Кузнецову. — Я все-таки должен с ним поговорить.

— Конечно, — даже обрадовалась Ева Сергеевна. — Конечно, поговорите...

Шефер отклеилась от фотографа и быстро пошла к лифту.

— Он очень хороший, просто девушек боится, — говорил Девятьяров. — Не обижайся на него.

— Не надо больше об этом говорить, Андрей Николаевич. Ну пожалуйста! — взмолилась Кузнецова.

— Молчу, — сказал Деветьяров. — Нем как рыба. Хочешь, фокус покажу?

Лена не ответила.

Деветьяров скатал хлебный шарик, положил его на стол, накрыл блюдцем, постучал, подул, трижды поплевал через плечо — и поднял блюдце. Шарика под ним не было. Деветьяров сам очень удивился.

— Этого не может быть, — сказал он, выпучив глаза.

Лена наконец рассмеялась.

— Вы хороший человек, Андрей, — сказала она.

— Я-то? — скромно переспросил Деветьяров. — Я — замечательный!

Зазвонил телефон.

— Алло, — сказал Андрей. — Ясно. Я потом перезвоню, хорошо?

И повесил трубку.

— Спасибо вам, — сказала Кузнецова. — Я пойду, ладно?

— Леночка, это вам спасибо, — ответил Деветьяров. — Приходите еще. Я много фокусов знаю. И не берите вы в голову! — вдруг попросил он.

— Что не брать? — спросила Кузнецова.

— Не что, а кого, — ответил Деветьяров. — То есть, наоборот, берите, берите...

Кузнецова улыбнулась, шмыгнула носом и вышла из номера.

Выйдя из лифта, Шленский увидел: из деветьяровского номера выходила Кузнецова. Пройдя по коридору, она скрылась за поворотом лестницы. Шленский присел на батарею отопления у окна; в пальцах у него бессмысленно дымилась сигарета. Посидев немного, Шленский резко бросил окурок и поднялся.

— Ну и отлично! — выдохнул он и пошел по коридору.

У двери девятьяровского номера он замедлил шаг, но не зашел, а пошел к себе. Войдя, бросил ключ в кресло и остановился посреди огромного номера.

— Все хорошо, — еще раз сказал он сам себе. — Все замечательно.

В девятьяровскую дверь постучались.

— Иду, лечу-у... — пропел Девятьяров. — Кто же это, кто за дверью?..

За дверью стоял Степан.

— Роман Юрьевич велел передать сценарий Осинскому, — сказал он.

— Что? — не понял Девятьяров.

Степан повторил, не меняя выражения лица.

— Зачем?

— Он будет вести.

— Осинский?

— Ну.

— Кто сказал?

— Ну, я ж говорю. Роман Юрьевич.

— Ни фиги заявочки, — бесцветно сказал Девятьяров.

— Познакомьтесь, — сказала Ева Сергеевна. — Андрей Девятьяров.

Осинский, как сотенную купюру, протянул руку. Представлять его необходимости не было.

— Может быть, вы мне что-нибудь объясните? — спросил Девятьяров.

— А вам разве Леня ничего не сказал? — удивилась Ева Сергеевна.

— А Леня в курсе?

— Конечно! Мы с ним все согласовали, — пожала плечами Ева Сергеевна.

— А-а, — помолчав, сказал Девятьяров. — Ну, это другое дело...

— Приятно было познакомиться, — напомнил Осинский.

— Да-да, — сказал Деветьяров.

Он вышел в бильярдную, где гонял шары Аслан.

— Привет, Андрюша, — поприветствовал тот его. — Хочешь сыграть?

Деветьяров покачал головой и присел в кресло.

— Ты чего? — недоуменно спросил Аслан.

— Представляешь, меня с конкурса сняли, — криво улыбнувшись, ответил Деветьяров. Он был растерян.

— За что?

— Да ни за что. Осинский будет вести.

— Аслан, твой удар, — напомнил долговязый фотограф — детина с кием.

— Погоди, — сказал тот. — Это вон тот?

Сидя с Евой Сергеевной, Осинский вытряхивал последние капли из бутылки себе в стакан.

— Тот, тот... — ответил Деветьяров и, хлопнув себя по коленкам, поднялся. — Извини, Асланчик, не буду портить настроения. Пойду. К черту!..

— Ты отдохни, — ответил Аслан. — Выспись. Утро вечера мудренее.

Лена Кузнецова выходила из деветьяровского номера и скрывалась за поворотом лестницы — и снова выходила из деветьяровского номера...

Зазвенел будильник. Шленский открыл глаза. На календаре, обведенное красным фломастером, чернело семнадцатое число.

Деветьяров, проснувшись еще раньше, лежал в постели с открытыми глазами.

Шленский не позвонил Деветьярову — и тот не стукнул ему в стену, как ежедневно бывало раньше. Каждый из них запер дверь и спустился на завтрак.

— Все в порядке? — весело спросил Шленский, подойдя к Кузнецовой.

— Да, — улыбнувшись, ответила она и начала приподниматься ему навстречу.

— Ну, я рад, — еще веселее сказал Шленский. — Сиди, сиди... — И отошел за свой столик.

— Общий привет, — входя, улыбнулся Деветьяров. — Приятного аппетита, — сказал он Аслану. — И тебе, — обратился он к Шленскому.

Шленский молча доел шпроты и пододвинул к себе свою порцию гренок.

— Аслан, когда выезд? — спросил он наконец.

— В пол-одиннадцатого, — ответил Аслан.

— Угу.

— Поесть, что ли, напоследок? — риторически спросил напряженно-веселый Деветьяров. — А то ведь могли и с пайка снять, — поделился он с Асланом. — За ненадобностью...

— Андрей! — К их столику подошел Роман Юрьевич. — Для вас хорошие вести.

— Ну-ну, — отозвался Деветьяров.

— Конкурс ведете вы, — сказал Роман Юрьевич.

Шленский и Деветьяров одновременно подняли головы. Только Аслан продолжал прихлебывать какао, заедая его гренком.

— А Осинский? — улыбнулся Деветьяров.

— Осинский руку сломал. — Роман Юрьевич внимательно посмотрел на Деветьярова. — А вы не знали?

Деветьяров и Шленский переглянулись и тут же отдернули взгляды.

— Как «сломал»? — переспросил Шленский.

— Просто. Напился, как свинья, и упал с лестницы, — без выражения ответил Роман Юрьевич. — Хорошо еще, Аслан рядом был.

— Угу, — скромно сказал Аслан, доливая из чайника какао. — Еле поймал его. Тяжелый... И зачем люди пьют? — повернувшись к Деветьярову, спросил он. — Один вред от этого.

— Ну хорошо, — неопределенно сказал Деветьярову Роман Юрьевич и отошел от столика.

— Ну, я пойду, — сказал Шленский и вышел из-за стола.

— Так, значит, еле поймал? — уточнил Деветьяров.

— Он погибнуть мог, — без улыбки ответил Аслан.

— Сережа! — кричал Шленский. — Дай семьдесят процентов!

Голубоватое пятно на черной сцене становилось светлее.

— Вот так! Теперь — что-нибудь на третий план!

В зале Дома актера — в Москве, на Тверской — полным ходом шла подготовка к вечеру. По стенам фойе были развешаны фотографии финалистов; вдоль них бродили допущенные на этот завсегдатаи Дома.

Расположившись в креслах у столика, Жукова и Стеценко, не стесняясь, обсуждали мужчин, остававшихся у фотографий.

Неподалеку, на подоконнике, глядя вниз, сидела у открытого окна Кузнецова. С высоты пятого этажа была видна улица Горького и кусок сквера. Напротив, прямо на тротуаре, целовалась какая-то пара.

— Лена! — В дверях зала стоял Шленский.

Кузнецова, соскочив с подоконника, с готовностью шагнула навстречу:

— Да, Леонид Михайлович!

— Лена, у меня к вам просьба, — сказал Шленский. — Позовите, пожалуйста, в зал Андрея Николаевича. Он внизу, в буфете. И девушек.

— Хорошо, — сказала Кузнецова.

— Спасибо. — Шленский, нащупав пачку сигарет, пошел к соседнему окну, растворил его и закурил. Когда

через несколько секунд он обернулся, Кузнецова все еще стояла, словно ждала чего-то. Встретив его взгляд, она повернулась и быстро вышла из фойе.

Шленский курил, глядя, как через дорогу все еще целуются та же пара.

Девушки стекались в зал, выходили на сцену, примеряясь к ней. Монтировщики, поглядывая в их сторону, установили на заднем плане кресло-трон для победительницы и ушли за кулисы.

Жукова немедленно села на трон и спросила:

— Как смотрюсь?

Черышева фыркнула. Быстро отвернулась литовка. Лаврушина снисходительно усмехнулась.

— Ой! Дай мне посидеть! — попросила Веснина.

— Девушки, на первый номер! — Хлопая в ладоши, в зал вошел Деветьяров.

Шленский, стоявший у окна, никак не среагировал на его голос, а Деветьяров словно и не заметил его.

— А потом прогон будет? — спросила Шефер.

— Это — к Леониду Михайловичу, — ответил Деветьяров.

— Андрей Николаевич, — спросил Шленский, — вам сорока минут хватит?

— Да.

— Отлично.

И Шленский отправился по фойе мимо служительниц, внимательно рассматривавших полуобнаженную Кузнецову на фотографии.

— Проститутка! — возмущенно пропыхтела наконец одна. Шленский резко обернулся. — А вы что: не согласны? — с вызовом спросила служительница.

До начала оставалось меньше часа. За кулисами царило возбуждение. Одни девушки делали макияж, другие ждали своей очереди. Крутила телефонный диск Ева Сергеевна; в углу молча сидел телохранитель Степан.

— Девчонки! — умоляла Веснина. — Ни у кого нет лишней вешалки?

— Ой! На кресло положи, затрахала своей вешалкой, — сказала Стеценко.

— Отойди, ты мне мешаешь, — бросила Черышева Жуковой, стоявшей позади ее стула.

— Чем это я тебе мешаю, дорогая? — поинтересовалась Жукова, продолжая делать маникюр. Черышева не ответила.

— Нервы лечить надо, — посоветовала Жукова, отходя.

— Девушки, спокойнее, — попросила Лаврушина.

— Ева Сергеевна! — подбежала Шефер. — Колготки поползли!

— Не мельтеши, — бросила Ева Сергеевна и снова окунулась в телефонный разговор. — Это я. Приедет Берти — сразу звони.

Она положила трубку и подняла жесткие глаза:

— Сейчас принесут тебе колготки. Лицом займись.

— Девушки! — За кулисы зашел Роман Юрьевич. — Внимание! В конце вынесут шубы, подарок от спонсоров, — победительница от имени всех финалисток от шуб откажется. В пользу детского дома. Текст я дам. Ясно?

— Ясно, ясно, — сказала Жукова, делая ресницы.

— Вот и славно, — улыбнулся Роман Юрьевич. — Леонид, — обратился он к вошедшему за кулисы Шленскому, — отойдем на минутку.

Они вышли из-за кулис на пустую сцену.

— Вот папка с местами, — просто сказал Роман Юрьевич. — Ознакомьтесь и держите при себе.

Шленский ознакомился.

— Тут их семь, — сказал он наконец.

— Как семь?

— Кого-то потеряли. — Шленский посмотрел еще раз. — Стеценко нет.

— Разгильдяи! — рассмеялся Роман Юрьевич. — Видите, с кем приходится работать... Ну, впишите ее сами. — И пошел прочь.

— На какое место? — спросил ошарашенный Шленский.

— Да на любое, кроме первого, — улыбнулся Роман Юрьевич и дружески потрепал его по плечу. — Важно — кто первый, остальное пустяки, не правда ли?

Шленский еще раз прочитал решение жюри: застегнув папку, крепко сжал ее в руке и снова вошел за кулисы. Девушки наводили последний глянец.

— Ну-ка, — сказал Шленский, подсев к Кузнецовой. — Погляди на меня.

Кузнецова посмотрела на него в зеркало.

— Хорошо, — сказал Шленский. — Очень хорошо!

В зеркале все это наблюдала Стеценко.

— Правда? — повернувшись к нему, серьезно спросила Кузнецова.

— Честное слово, — сказал Шленский и шепнул: — Лучше всех.

И быстро отошел от столика. Кузнецова, опустив глаза, сидела со щеточкой для ресниц в руке, пытаясь справиться с дыханием.

— Внимание! — В дверях появился Деветьяров. — Напоминаю изменения. «Стоп-кадр» до конца фонограммы; выходы — через центр, уходы — за кулисы. На последний выход Лаврушина идет после Жуковой.

— Почему? — насторожилась Жукова.

— А не все ли равно? — улыбнулся Деветьяров.

Шленский поглядел на него так, словно видел первый раз в жизни.

Зазвонил телефон.

— Ясно, — сказал в трубку Степан. И, встав, вынул из-под мышки пистолет и сказал: — Всем к стене.

Раздался короткий женский взвизг.

— Что? — не понял Шленский.

— К стене, — повторил Степан, поведя стволом.

Тут же в наступившей гробовой тишине трое неизвестных молодых людей пронесли через закулисье ворохи роскошных шуб.

— Отбой, — сказал Степан и, спрятав пистолет, безучастно сел в свой угол.

— Как красиво, — выдохнула Веснина.

— Ну, девушки, — снимая паузу, сказал Шленский. —

Ни пуха ни пера.

— И ни шуб, — добавила рыжая Стеценко.

— Леонид Михайлович, — вежливо спросил Девятьяров. — У вас — всё?

— Да, — сказал Шленский.

— Тогда, с вашего позволения, начнем.

Восемь девушек в платьях начала века поочередно выходили на сцену и застывали, словно схваченные магнетической вспышкой фотографа. А потом на сцене появился и он сам — и, поочередно выхватывая их на этой фотографии, начал вовлекать в свой танец...

Шоу началось.

— Вы собираетесь выйти? — с тревогой спросил Шленский, глядя, как Роман Юрьевич поправляет у зеркала бабочку.

— Собираюсь, — улыбнулся тот.

— Но...

— Не волнуйтесь, маэстро, — улыбнулся Роман Юрьевич. — Все будет замечательно! Отдыхайте.

Девятьяров сделал последнее па, зал заплодировал — и Роман Юрьевич вышел на сцену.

— Добрый вечер! — сказал он. — Вот и настало время мне как председателю оргкомитета конкурса «Мисс фото—88» открыть его финальное представление. Тысячи девушек со всей страны прислали год назад свои фотогра-

фии, сотни их были отобраны лучшими фотохудожниками страны — и вот восемь лучших перед вами!

И он изящным жестом показал направо, где стояли финалистки.

— Я не завидую членам жюри, — тонко пошутил Роман Юрьевич. — Как выбрать лучшее из лучшего? Положа руку на сердце, я дал бы титул всем восьмерым. Но — конкурс есть конкурс, и сейчас я хотел бы попросить выйти на сцену человека, без которого все это не могло состояться, — одного из известнейших модельеров мира, главного спонсора конкурса господина Никколо Берти!

И, широко разведя руками, заплодировал.

Господин Берти поднялся на сцену вместе с переводчицей.

Шленский и Деветьяров стояли в противоположных кулисах, стараясь не смотреть друг на друга.

Господин Берти говорил про перестройку, гласность, свою фирму и красоту русских женщин.

Шленский краснел и закрывал лицо руками.

Бледный Деветьяров тихо повторял, гипнотизируя итальянца:

— Уйди со сцены, сука...

— В память о нашем конкурсе, — сказал Роман Юрьевич, — мы хотим преподнести господину Берти наш скромный подарок...

Тут из ряда финалисток вышла улыбающаяся Лаврушина и направилась к итальянцу, держа в руке невесть откуда взявшееся деревцо из янтаря.

— О! — сказал господин Берти и поцеловал Лаврушиной ручку, а потом, приобняв за талию, и ушко.

Ева Сергеевна, сидевшая в зале, побелела и охнула:

— Подлец...

Жукова напряженно улыбалась.

— Дрянъ, — прошептала она, когда Лаврушина проходила мимо нее на свое место.

— Молчи, подстилка, — ласково улыбнувшись в ответ, сказала Лаврушина.

— А теперь — мы продолжаем! — воскликнул Роман Юрьевич. — От жюри слово имеет...

Занавес закрылся, и девушки пошли за кулисы. Лаврушина, как ни в чем не бывало, расстегнула платье и начала переодеваться. Остальные, переодеваясь рядом, с опаской поглядывали на нее.

За кулисы ворвалась Ева Сергеевна:

— Саша! На секундочку.

— Уйди, — вдруг закричала на нее Жукова. — Уйди от меня, сучка!

— Что?! — прошипела Ева Сергеевна.

— Тихо! — бросился со сцены Шленский. — Вы что, с ума сошли?

— А ты мне рот не затыкай! — повернулась Жукова. — Убогий!

— Ты пожалеешь, — сказала ей Ева Сергеевна. — Ох, ты пожалеешь.

— Уйди, а то я говорить начну! — пригрозила Жукова. — Уйди!

Ева Сергеевна пулей вылетела из-за кулис.

Черышева звонко рассмеялась в лицо Жуковой:

— Ну, и как итальянец?..

Едва Роман Юрьевич вышел со сцены, Шленский бросился к нему:

— Роман Юрьевич, что это такое?..

— Отдыхай, маэстро, отдыхай, — ответил тот. — Ты свое отработал.

— Но мы договаривались...

— С девушками надо было договариваться, — оборвал Роман Юрьевич. — А я как-нибудь сам. Не лезь не в свое

дело! — жестко сказал он. — Это мой конкурс. И я знаю, кого звать на сцену и когда. Ясно?

— Не ясно, — ответил Шленский.

— А если не ясно, — сказал Роман Юрьевич, — то ты сейчас отсюда уйдешь, а завтра мы будем с тобой разбираться, на сколько ты наработал, а на сколько проел!

— Что? — беспомощно переспросил Шленский.

— Маэстро, — Роман Юрьевич снова улыбался, — не будем ссориться. У каждого из нас свое дело. Хорошо работают, — без перехода сказал он, кивнув в сторону сцены, где девушки и Деветьяров уже танцевали. — Молодец этот ваш Андрей. Упорный.

Деветьяров доколачивал чечетку.

— Кстати, хочу вам сказать: в истории с Кузнецовой вы вели себя замечательно.

— В какой истории? — спросил Шленский.

— Ну что вы как маленький, — сказал Роман Юрьевич. — Простите, мне пора.

И на аплодисменты вышел на сцену.

— А теперь я хочу представить вам еще одного нашего спонсора — генерального директора фирмы «Росконтейнер» Николая Тулина!..

Занавес закрылся. Деветьяров, обливаясь потом, выскочил со сцены:

— Почему он опять вылез на сцену?

Шленский пожал плечами.

— Ты режиссер или дерьмо в проруби? — Деветьяров был в бешенстве.

— Андрюша, — сказал Шленский. — Мы с тобой оба — дерьмо в проруби.

— Алё! Кто тут главный?

Шленский обернулся. Позади стояли какие-то парни с электронными инструментами.

— Вы кто? — спросил Шленский.

— Не узнает, — хохотнул стоявший первым.

— Группа «Какао», — неторопливо сказал другой. — Мы когда выступаем?

— А кто вас пригласил?

— Коншина.

— Кто?

— Ну, с телевидения, — поморщился первый. — Давайте, парни, бегом узнавайте, в натуре, у нас сегодня еще выступление...

Пела группа «Какао»; потом на сцене перебивали все спонсоры, вручая призы то одной, то другой финалистке.

— Леонид, — подошел к Шленскому скрипач во фраке, — ты не сказал, когда регтайм?

— Не знаю, — ответил Шленский.

В тесном пространстве закулисья маячили звезды эстрады с телохранителями...

Финалистки сидели, переодетые к очередному номеру. Все кончалось, и до них никому не было дела.

— Начинаем сразу со второй части, — говорил Девятьяров. — На два такта вступление, выход — и сразу вперед.

— Ясно, — устало сказала Черышева. — Сделаем.

— Что тебе ясно? — бросила ей Стеценко.

— Хватит, девочки, надоело, — поморщилась Лаврушина.

— А ты вообще молчи, — сказала Жукова.

— Одно удовольствие вас слушать, — заметил Девятьяров. — Праздник души!

За кулисы навстречу выходявшему со сцены Роману Юрьевичу почти вбежал господин Берти, сопровождаемый переводчицей и молодым человеком с видеокамерой.

— Где белье? — перевела женщина. — Когда будет реклама белья?

— Леня! — крикнул Роман Юрьевич. — Давай белье, скорее!

— Белья не будет, — ответил Шленский, куривший в углу. Женщина не стала переводить этого.

— Что? — тихо переспросил Роман Юрьевич.

— Я решил... — начал было Шленский.

— Плевать мне, что ты решил! — оборвал Роман Юрьевич. — Уно моменто! — осклабился он и повернулся к Шленскому: — Идиот! Девочки! Быстро в белье; переодеться — бы-стро!

— Не надо! Что вы делаете? Это же позор! — От волнения Шленский даже осип. — Во что вы превращаете...

— Ну, ты у меня попоешь... — ласково пообещал Роман Юрьевич и повернулся к телохранителю: — Бегом за бельем!

Степан исчез.

Взлетев из кресла, Деветьяров оттолкнул бессмысленно всплескивавшего руками Шленского, взял Романа Юрьевича за лацканы и под женский взвизг проволок к стене.

— Я тебя, мартышка, сейчас убью! — отдельно сказал он. — Понял?

Шленский попытался остановить его, но был отброшен прочь.

— Ты понял? — переспросил Деветьяров одутловатого господина, прижатого к стене.

Р.Ю. ничего не ответил.

— Никакого белья не будет, девочки, — отпустив его и поправляя лацканы концертного белого пиджака, сказал Деветьяров. — Работаем по сценарию. Извините, — улыбнулся он господину Берти, — бывает...

Господин Берти со злым интересом разглядывал Андрея.

— Почему вы решаете за нас? — вдруг сказала Лаврушина и поднялась. — Лично я хочу выйти в белье господина Берти.

Женщина начала быстро переводить на ухо итальянцу.

— А что... Можно! — сказала Стеценко.

— Я согласна, — бесстрастно сказала Жукова.

Остальные переглянулись.

— О'кей, — подняв руки, сказал господин Берти и улыбнулся. — Но праблем! Пст-пст, — как кошек, позвал он девушек, без единого слова указал пальцем на помощника и вышел в фойе. Через секунду вслед за ними устремились остальные. Кузнецова посмотрела на Шленского, усмехнулась — и тоже пошла.

— Ну что, ребята, — после паузы сказал Роман Юрьевич, — молодцы! Славно, очень славно. — И, подойдя к зеркалу, аккуратно поправил бабочку.

Через минуту его голос несся со сцены:

— А теперь — коллекция главного спонсора конкурса, господина Никколо Берти!

Через несколько секунд зал взорвался мужским ревом. Шленский и Деветьяров, сидя за кулисами, впервые за долгое время поглядели друг другу в глаза.

— Ну что, Станиславский, — сказал Деветьяров. — Поработали?

— С премьеркой тебя, — усмехнулся Шленский.

— Взаимно.

На сцене под мужской вой и улюлюканье мелькали голые ноги и плечи.

В комнатку вошел скрипач:

— Леня! Прости, я так и не понял: регтайм — когда?

— Два больших кофе, — сказал Шленский. — И бутербродов.

— Шесть, — сказал Деветьяров и успел просунуть свои деньги.

В баре было пусто. Телевизор на полке работал как монитор — шла трансляция из зала.

Они взяли тарелки и чашки и молча присели за столик. Пока Шленский молча один за другим поедал бутерброды, Деветьяров отхлебывал кофе.

— Коллекция всемирно известного модельера, чьи модели видели Париж и Нью-Йорк... — заливался в телевизоре Роман Юрьевич.

— Господи, ну и рожа, — с полным ртом сказал Шленский.

— Жуть, — согласился Деветьяров. — Не подавись только.

— Ужас как жрать охота, — оправдался Шленский. — С утра ничего не ел.

— А меньше надо дурью маяться, — сказал Деветьяров. — Мисс фото, бля. «Зо-олушки...»

Шленский всхрюкнул от смеха. Через секунду оба хохотали, как ненормальные.

— Потихе, молодые люди! — недовольно поморщилась буфетчица. — Не слышно же!..

— Извините, — сдавленным голосом сказал Шленский. — Мы больше так не будем.

— Никогда! — поклялся Деветьяров, и они снова заржали.

— Вот безобразие! — воскликнула буфетчица. — Уходите отсюда! Дайте послушать!

— Все, все... Мы тихо.

— Женская красота делает нас чище и благороднее, — сказал в телевизоре Роман Юрьевич.

— Все-таки зря я его не ударил, — посетовал Деветьяров.

— Зря, — согласился Шленский. — Тебя бы посадили, а гонорар — мне.

— Ага, — сказал Деветьяров. — Вспомнил!

— Заплатят как миленькие! — неуверенно пригрозил телевизору Шленский.

— И вот настал исторический момент... — говорил Р.Ю. в телевизоре.

— Идем отсюда, а то меня стошнит, — попросил Деветьяров.

— В ресторан! — сообразил Шленский. — Там небось уже накрыли.

— Точно, — согласился Деветьяров. — Последняя халява — это святое! Да скорее, а то сейчас все рванут...

Их уже не было в буфете, когда в телевизоре под фанфары было произнесено имя победительницы, и Лаврушина, умело сыграв радостное изумление, закрывала лицо руками...

Буфетчица, задрав голову к телевизору, умиленно смотрела на эту сказку.

Они стучали в дверь, тыкали в стекло театральными удостоверениями и программками шоу, но в ресторан их не пустили.

— Читайте! — Пьяноватый дядька постучал пальцем по табличке «Закрето на спецобслуживание».

— Да это мы и есть! — возопил Шленский. — Вот, вот, видите: Шленский. Это я! А это — Деветьяров!

— Ладно! Хрен с ихним банкетом! — не выдержал Андрей.

Он отодвинул товарища по несчастью и что-то зашептал дядьке в ухо, одновременно всовывая ему в руку бумажку. Через минуту дядька с поклоном нес им бутылку «белой», два стакана и несколько ломтей хлеба с колбасой.

Они поднялись на пролет лестницы и пристроились на площадке второго этажа, в пыльном «аппендиксе», куда в этот поздний час не ступала нога человека.

— «Славянский базар»...— скептически заметил Шленский, оглядывая обстановочку.

— Перебьешься, — рассмеялся Деветьяров, отрывая крышку с горлышка. — Извини. Ну! — Он налил в стаканы. — За что пьем?

— За них, — сказал Шленский.

— Дурак ты, — нежно сказал Деветьяров.

В первом часу ночи в ресторане Дома актера еще продолжался прощальный банкет в честь завершения первого в СССР конкурса фотомоделей «Бон шанс». Изящные, в вечерних платьях, они сидели в окружении спонсоров и менеджеров.

Кузнецова, улыбаясь кавалерам, ранеными глазами поглядывала на входную дверь, но в нее входили не те...

Не видимые никем в ресторане, Шленский и Девятьяров стояли за ресторанным стеклом. Шел дождь, по стеклу скатывались капли.

— Пошли! — сказал Андрей. — Метро закроют.

Летели дни, месяцы, годы. И словно кто-то невидимый щелкал затвором фотоаппарата:

— Шленский на репетиции в театре;

— зимой с какой-то женщиной, в скверике возле ГИТИСа;

— и осенью, покупающий в «Детском мире» коляску;

— и весной, стоящий у окошка молочной кухни;

— и снова в институте;

— и стоящий в очереди в булочной;

— и сидящий в библиотеке;

— и спящий в метро;

— и бегущий по незаметно изменившимся вместе с ним улицам...

Очередь в «Макдоналдс», обогнув сквер, тянулась вдоль бульвара. Машины, пробивая пробку, переползали перекресток. Таял снег, светило солнце.

У пешеходного перехода среди других маялся Шленский. Он не то чтобы постарел — но время, пролетая, коснулось и его своим крылом: наш герой погрузнел, в шевелюре наметились залысины и глаза его, напряженно уставленные в светофор, были глазами вечно не успевающего человека.

Наконец зажегся зеленый, и Шленский почти побежал на ту сторону дороги, мимо мягко причалившей к тротуару «вольво», из которой уже выходила девушка в короткой лисьей шубке и сапожках.

Почти миновав ее, Шленский перешел на шаг и обернулся. Девушка хлопнула дверцей и увидела уставившегося на нее человека в нелепой куртке. Лицо ее сложилось было в привычную гримаску, но вдруг стало человеческим.

— Лена? — спросил человек.

— Леонид Михайлович, — сказала Кузнецова. — Вы?

— Я, — сказал Шленский. — Кузнецова. С ума сойти.

— Господи. Леонид Михайлович...

— Елена Николаевна! — Из «вольво» выглянул сидевший за рулем мужчина. — Какие-нибудь проблемы?

— Никаких проблем, Леша, — ответила она. — Все нормально.

Мужчина коротким взглядом оценил Шленского:

— Когда за вами заехать?

— В половине пятого, — ответила ему Кузнецова. — Домой.

— Хорошо.

Еще раз бросив короткий взгляд на Шленского, шофер хлопнул дверцей, и «вольво» бесшумно укатила дальше по Тверской.

— Смотри, какая ты стала... — заметил Шленский.

— Какая?

— Другая, — ответил он.

— Вы тоже, — сказала она. И, словно оправдываясь, добавила: — Четыре года прошло...

— Да, почти четыре, — согласился Шленский. — Черт их возьми совсем. — Он усмехнулся, они рассмеялись, но смех получился какой-то нервный. — Ну, где ты, как ты? — пожалуй, чересчур весело спросил он.

— Я в порядке, — коротко ответила она.

— Вижу, — сказал он. — Очень рад за тебя. — И добавил: — Правда.

— Спасибо.

Они помолчали.

— А я в театре, — сказал он, хотя она об этом и не спрашивала. — Вот. Скоро премьера.

— Поздравляю.

— Да не с чем поздравлять, — поморщился он. — Я очень рад тебя видеть, — сказал он.

— Я тоже, — сказала она.

— Надо же, встретились, — неестественно рассмеялся он. — Как мир тесен, а?

— Нет, Леонид Михайлович. — Она покачала головой. — Не тесен.

— Ну да. — Он быстро взглянул ей в глаза. — Слушай, Елена Николаевна, сегодня у меня работа, а вот что ты делаешь завтра?

— Я занята, — сказала она.

— А в субботу?

— Я занята, Леонид Михайлович, — ответила она. — И в субботу, и дальше.

— Жаль, — сказал Шленский.

— И мне, — сказала она.

Толпа обтекала их.

У перехода звонко кричал какой-то паренек:

— Астрологический календарь! Узнайте вашу судьбу!

За спиной у Кузнецовой на фоне весеннего неба чернело пепелище Дома актера.

Они еще помолчали.

— Ну! — Шленский улыбнулся. — Будь здоров, Нижнеудинск!

Он шагнул к ней. Она протянула руку, и Шленский неловко потряс эту руку в своей.

— Я побегал, — сказал он и поцеловал ее в подставленную щеку.

На секунду они замерли, прижавшись друг к другу
лицами, потом, как магниты, разведенные внешней силой,
снова оказались стоящими врозь.

— Может, еще встретимся, — сказал Шленский.

Она ничего не ответила.

— Узнайте свою судьбу! — орал паренек у перехода.

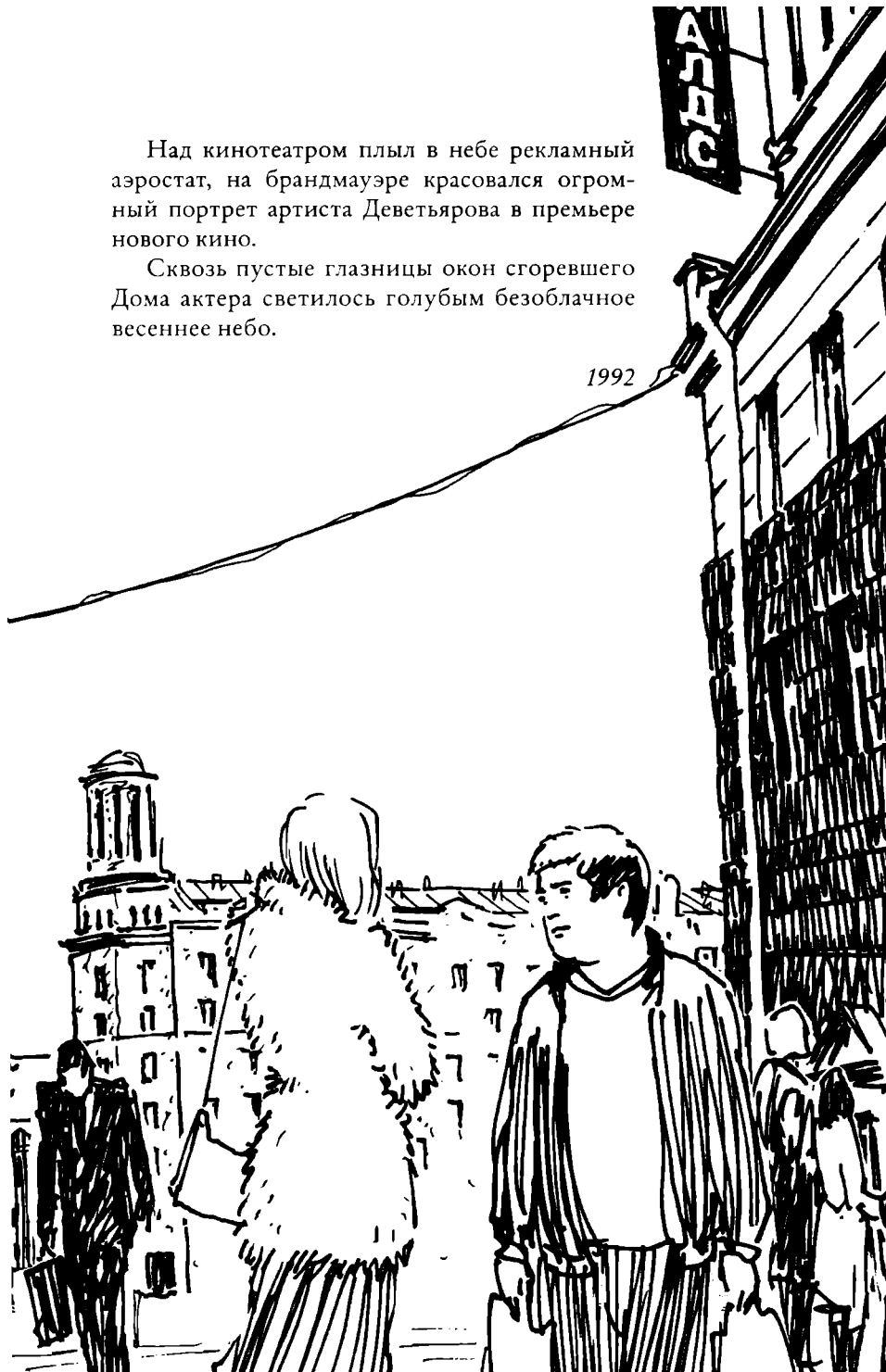
Вокруг шумела Пушкинская площадь.

Над кинотеатром плыл в небе рекламный аэростат, на брандмауэре красовался огромный портрет артиста Деветьярова в премьерe нового кино.

Сквозь пустые глазницы окон сгоревшего Дома актера светилось голубым безоблачное весеннее небо.

1992

Птица

по имени

NEVERMORE

Редкая птица долетит...

Уже не помню, как назывался тот конкурс киносценариев, но помню, что в задании фигурировали связи России и Америки — время было раннедемократическое, и на несколько лет, по высочайшему недосмотру, Штаты перестали быть нам врагами.

И вот мы с моим другом Михаилом Чумаченко (см. о нем подробнее на стр. 71), сидючи в какой-то кафешке, что называется, трындели на тему: не попробовать ли нам, под это дело (то бишь под конкурс) что-нибудь еще сочинить? Потрындели, ничего не придумали и разошлись по своим делам — он в ГИТИС, я в «Московские новости».

А вечером Мишка позвонил и сказал:

— Эдгар По!

Я спросил:

— Что Эдгар По?

— Эдгар По жил в России, — сказал Мишка.

А пили мы с ним вроде кофе, и когда Чумаченко успел наклюкаться до таких открытий, я не понял. Но Мишка настаивал на своем и, как выяснилось, был прав! Как минимум отчасти.

Наутро я погрузился в специальную литературу и обнаружил: в автобиографии великого американца действительно была запись о двух годах жизни в России! Якобы в совсем юном возрасте он жил в Петербурге.

Это, разумеется, было мистификацией.

В 1827 году Эдгар По сгоряча записался в солдаты. И, вскорости выкупленный из найма отчимом, решил, видимо, сжечь эту стыдную страницу своей жизни, а пепел развеять, чтобы не осталось и следа.

Так в его автобиографии появился Санкт-Петербург. В те времена для Америки сие было как путешествие на Марс. Великий мистик и мистификатор полагал, должно

быть, что этого никто никогда не сможет проверить и опровергнуть.

Проверили и опровергли, разумеется, много десятилетий спустя, когда человечество наконец уяснило, какой гений подыхал в нищете у него под боком.

И тем не менее — Эдгар По выдумал себе два года жизни в России!

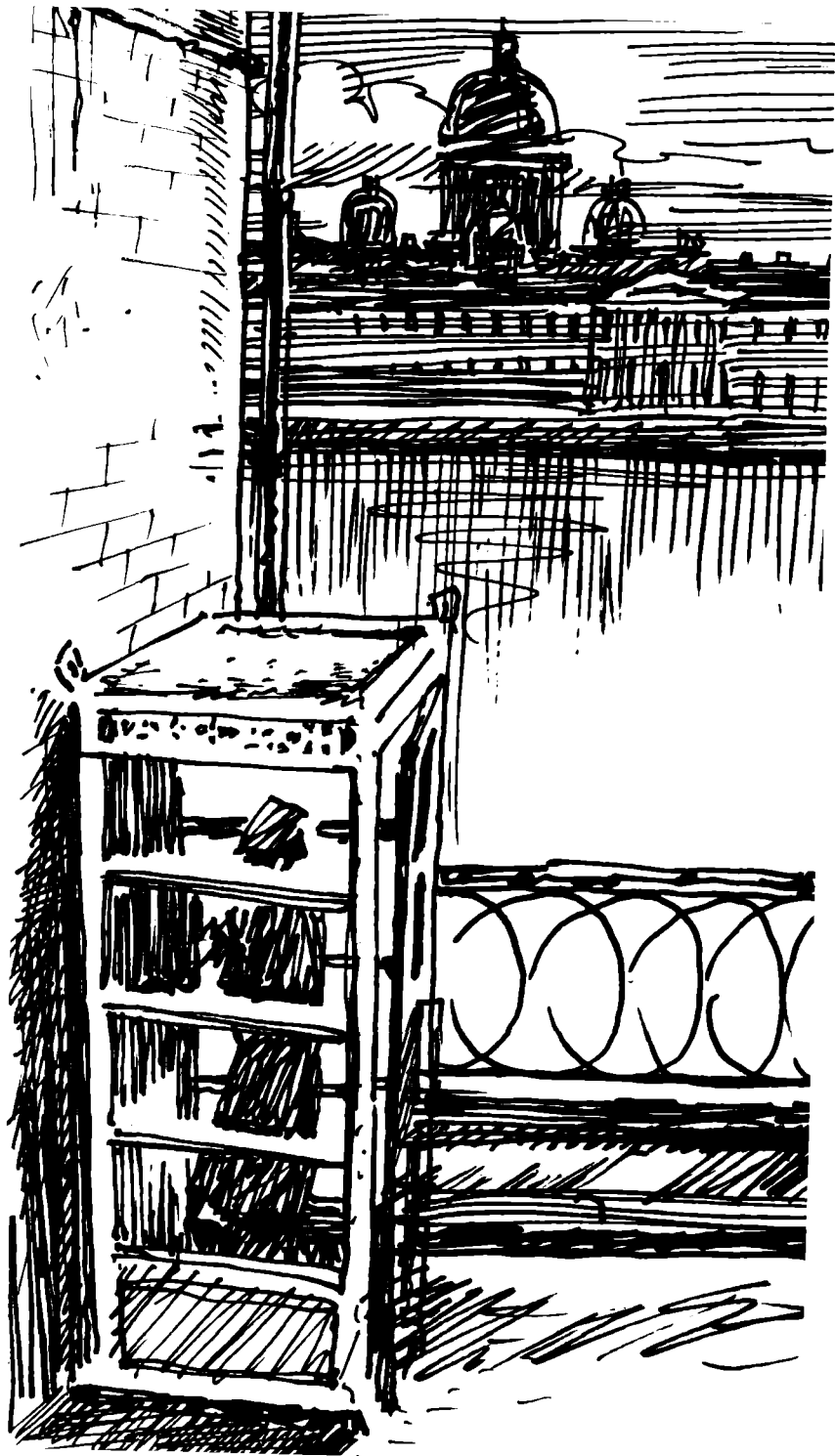
Это толкнуло нашу фантазию, и психологический триллер (в каком еще жанре мог появиться здесь Эдгар По?) начал помаленьку проступать сквозь туманные пейзажи питерских пригородов.

Сценарий был послан на американский конкурс. С тем же успехом мы могли послать его на деревню дедушке. Но разве могу я считать потерянными полгода жизни, проведенные в магнетическом поле великого бостонского скитальца?

Я вчитывался в новеллы, я своими руками перевязывал его сюжетные узлы и вместе с героем фильма искал следы Эдгара По на серых невских берегах...

ПТИЦА ПО ИМЕНИ NEVERMORE

Психологический триллер

Стоял октябрь, и рассветало только к восьми.

В тумане темнела громада Исаакия. Громыхал по Лиговке трамвай; Мойка неспешно заворачивала за мост; на перилах и фонарях моста застыла крупная морось. Мерно маша крылами, над рекой пролетел ворон. Щелчок затвора на секунду остановил его полет.

Стоявший у моста в этот неурочный час человек — мужчина лет сорока — поднял голову от видоискателя.

...Домой он возвращался засветло. На улицу уже выходили прохожие, но город еще отсыпался после трудовой недели. Во дворе дома, ежась от сырого петербургского ветра, человек выгреб из кармана плаща мелочь и нашел монетку.

— Алло... — ответил ему сонный женский голос.

— Это я, — сказал человек. — Доброе утро.

— А который час, — без выражения спросил голос.

— Не знаю, — сказал человек.

— И я не знаю, — сообщила она.

— Прости, олененок, — ответил он. — Я позже не мог.

— Ты не из дома?

— Ты мой догадливый, — ответил он.

— Су-мас-шедший! — засмеялась она и нравоучительно добавила: — По ночам надо спать! — Он не ответил. — Алло!

— Ты сегодня приедешь? — спросил он.

Входную дверь он открыл почти бесшумно и так же бесшумно ее за собою запер. Аккуратно поставил ящик с фотоаппаратурой, заглянул в комнату: жена спала. Прикрыв дверь, он прошел на кухню. Поставил чайник на огонь, отрезал ломоть хлеба, оторвал стрелку лука, росшего в майонезных банках на подоконнике, ткнул им в соль, съел. Качнул головой, сказал сам себе:

— Старый идиот!

И рассмеялся.

— Здравствуй.

Она стояла против него — в беретике и легком плаще. Стояла и морщила нос.

— Здравствуй.

— Ты последний раз предупреждал, чтобы я не опаздывала... — виновато сказала она.

С. (так мы будем звать героя нашей истории) кивнул.

— А я опять опоздала.

— Опять, — подтвердил он.

— Что же теперь будет? — в притворном ужасе спросила она.

— Теперь — все, — вздохнул С. — Мороженого не куплю.

— Ой, дяденька, дяденька! — Она запрыгала вокруг него. — Купи мороженого!

Они сидели в кафе. Она ела из вазочки мороженое и рассматривала фотографии. С. смотрел на нее.

— Здорово... — выдохнула она наконец.

Он смотрел на нее.

— Он у тебя такой таинственный, — сказала она. — Какой-то совсем незнакомый город. Хочется пожить — там... — Она подняла глаза. — О чем ты сейчас подумал?

— Я? Ни о чем.

— Неправда! Ты на меня посмотрел и о чем-то подумал!

— Ешь, — сказал он. — Растает.

— Скажи!

Он рассмеялся. Она смотрела на него.

— Ты, упрямое существо... — предупредил С.

— Ну? — вдруг посерьезнев, тихо сказала она.

Несколько секунд они не отрываясь смотрели друг другу в глаза.

— Я подумал, — сказал он, — черт с ними, с фотографиями. У меня в кармане ключ от квартиры.

— Где деньги лежат?

— Нет, просто от пустой квартиры.

Опустив голову, она аккуратно отделила от пломбира кусочек и разделила его пополам.

Сырой осенний Петербург прилип к прямоугольнику окна: в полусумраке необжитой квартиры С. бережно вел Лику сквозь все па вечного любовного танца, и напряжение уходило из ее тела...

— Ты меня любишь? — спросила она.

Не ответив, он, как на кнопку звонка, нажал пальцем на ее нос:

— Дзынь!

Они поцеловались, и она снова примостилась к нему на плечо. Он лежал, неотрывно глядя в темнеющий за окном город.

— Ты не ответил, — услышал он ее голос.

Теперь, украдкой встречаясь на городских углах, они спешили спрятаться в свое новообретенное убежище. Осень теряла цвет, кончался октябрь...

Он лежал, привычно глядя в серый квадрат за оконной плоскостью. Из ванной комнаты доносился шум льющейся воды. Он встал, быстро натянул на себя брюки и подошел к окну. Открыл форточку, глубоко втянул сырой свежий по-

ток. За сеткой проводов и цинком крыш, неудержимо притягивая взгляд, темнел купол Исаакия.

Прошлепав в коридор, он втащил в комнату ящик с аппаратурой, поменял объектив и начал колдовать над диафрагмой.

Сзади раздался смех.

Она стояла в дверях — в его рубашке, с распущенными по плечам волосами.

— Стой где стоишь! — крикнул он и потянулся в ящик к другому фотоаппарату.

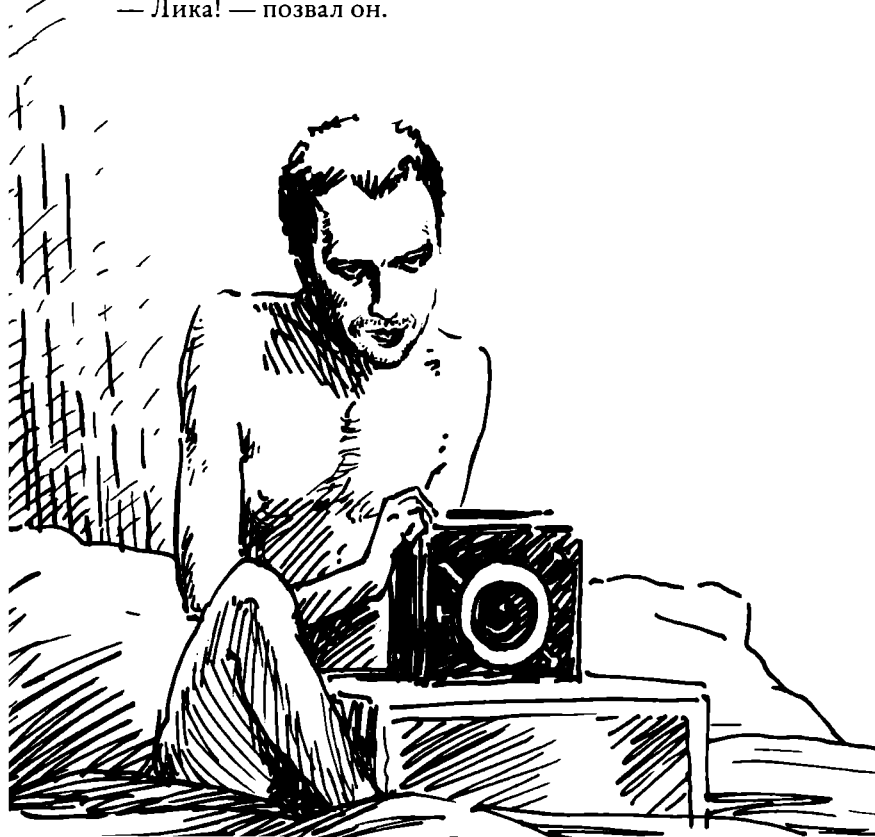
— Не надо!

— Не уходи! Секунду!

— Ну я прошу!..

Он вскинул фотоаппарат. Она опрометью скрылась за косяком двери. Он в недоумении опустил руки.

— Лика! — позвал он.

Никто не ответил ему.

Он вышел в коридор, прошел в кухню. Лики нигде не было.

Дверь в ванную комнату была заперта.

— Олененок, я не буду тебя снимать. Выходи, — пообещал он, прислонившись к двери.

— Честно?

— Честное пионерское, — поклялся он и ушел комнату.

Через минуту ее недоверчивое лицо осторожно появилось из-за косяка. С., скрестив ноги по-турецки, сидел возле своего ящика.

— Закрой свой сундук, — потребовала она.

В ответ он торжественно щелкнул замком.

— Ну то-то́, — сказала она. — Агрессор.

И появилась из-за косяка вся — в одной рубашке, освещенная вдруг выстрелившим из-за туч солнечным лучом.

— Иди сюда, — сказал он.

— Не-а.

С., хитро улыбаясь, потянулся к ящику с фотоаппаратом.

— Ты обещал, — напомнила она.

С. медленно, как охотник, боящийся спугнуть дичь, открыл крышку.

— Ты обещал, — сказала она. В глазах стоял страх.

От пригородной станции, на которой жила Лика, до ее дома надо было еще ехать на автобусе. На кругу конечной остановки было пусто: они стояли под серым, сеющим мелкую морось небом и целовались на глазах у какого-то неодобрительного мужика.

— Ну, иди, — сказала она наконец. — Электричку пропустишь.

— Пропущу, — подтвердил он.

— Иди. У тебя, наверное, дел...

Он пожал плечами.

— Тогда давай пойдем пешком?

Они шли через парк, поминутно припадая друг к другу.

— Стой! — вдруг сказал он. — Смотри!

Только начинало смеркаться, косые слоистые куски солнца лежали в просвете между влажными стволами.

Сделав несколько снимков, он перевел объектив на нее.

— Нет, нет! — Лика в неподдельном испуге закрыла лицо руками.

— Что с тобой?

— Я боюсь, — ответила она.

— Чего? — изумился С.

Лика не ответила.

Несколько метров они прошли молча.

— Жизнь уходит, — вдруг сказала она.

— Ты-то откуда знаешь? — усмехнулся он.

— Ты не понял. Жизнь уходит — от человека на его фотографии. Я читала.

— Что за ерунда! — воскликнул он.

Лика упрямо замотала головой:

— Уходит. Правда-правда.

— И ты во все это веришь?

С. обогнал ее и пошел спиной вперед, испытующе заглядывая в смущенное девичье лицо.

— Не во все. Во многое.

— Жуть! — С. скорчил страшное лицо.

Лика рассмеялась, и он незаметно, не целясь, щелкнул затвором фотоаппарата.

— И в черный астрал веришь? — спросил он завывающим голосом.

— Да! — принимая его игру, выкрикнула она.

Он успел сфотографировать ее еще раз.

— И в прорицание?

— Да!

— И в заряженную водичку?

— И в водичку! — хохоча, заявила она.

С. без перерыва щелкал затвором.

— Даю установку! — прогудел он. — На счет «десять» из вас выходит к чертовой матери вся эта ерунда...

Через несколько секунд они опять целовались. Ящик с фотоаппаратурой болтался на его плече, мешая поцелую, и С. осторожно поставил его на землю.

За стеклом сгущались сумерки; черное на серо-лиловом, раскачивалось от ветра дерево. Поглядывая в окно, С. жадно ел борщ. Из комнаты доносился стук пишущей машинки, потом прекратился.

— Ну, что? — спросила, выйдя в коридор, жена. — Наснимался?

— Ага, — ответил С.

— Где был? — поинтересовалась она, ненароком обняв его куртку, висевшую в прихожей.

— Да... в Парголово.

— Красивые места, — сказала она.

Он пожал плечами:

— Да ничего...

— Ну и славно, — без выражения сказала она. И ушла в комнату. — Тебе звонил кто-то... с акцентом! — донеслось уже оттуда.

— Мераб? — на секунду оторвавшись от борща, уточнил С.

— Не Мераб, иностранец какой-то.

— Какой, к черту, иностранец... — пробурчал С.

В это время раздался телефонный звонок. И словно по звонку со стуком распахнулось окно. Бумаги, грудой лежавшие на подоконнике, сквозняком бросило в лицо С. Рефлекторно пытаясь поймать их, он задел тарелку. Упав, она разлетелась вдребезги. Телефон продолжал звонить.

— А, черт! — в сердцах закричал С.

— Что там у тебя? — раздался голос жены.

Озираясь на красное, расплывающееся по кухонному линолеуму борщевое пятно, он шагнул в коридор, вернулся, закрыл окно и опрометью бросился к трезвонящему аппарату.

— Могла бы подойти! — крикнул С. в сторону комнаты. — Да! Алло!

— Все равно тебя, — раздраженно крикнула жена.

— Господин С.? — с легким акцентом осведомилась трубка.

— Да, — сказал С.

— С вами говорит секретарь Американского общества любителей Эдгара По. Моя фамилия — Вильсон.

— Я слушаю вас, — сказал С., дикими глазами глядя на повернувшуюся от пишмашинки жену.

— Мы высоко ценим ваш многолетний интерес к творчеству нашего патрона... — сказал иностранец.

В горле у С. пересохло.

— Откуда вы знаете?

— О, да какая разница! — весело заявил иностранец. — Так вот, дело в том, что он был в Санкт-Петербурге.

— Кто?

Иностранец коротко рассмеялся:

— По. Эдгар Аллан По.

Наступила пауза, которую, немного придя в себя, прервал С.

— Господин... э-э...

— Вильсон, — дружелюбно подсказал иностранец.

— Да, простите... Господин Вильсон, но это давно опровергнуто... Этого не было!

За спиной С., невидимый ему, прилетел и по-хозяйски уселся на балконный поручень ворон.

— Было, было, — заверил иностранец. — Так не могли бы вы для нужд нашего общества сделать виды вашего чудесного города. В особенности тех его мест, где мог оставаться наш замечательный соотечественник?

— Простите, но...

— Я думаю, вам лучше надо сейчас записать мой телефон, — чуть коверкая грамматику, сказал иностранец.

— Да-да...

Растерявшись от напора собеседника, С. не сразу нашел в свалке бумаг у телефона чистый клочок и ручку.

— Слушаю!

Несколько секунд он записывал.

— И еще, — сказал иностранец. — Не откажитесь, уважаемый господин С., принять от нашей фирмы маленький презент...

— Какой презент? — не понял С., но в трубке уже звучали гудки.

Ворон, оттолкнувшись сильными лапами от балконных перил, полетел прочь.

Когда С., положив трубку, обернулся от телефона, птицы за стеклом не было. А были сумерки, из комнаты доносился стук пишущей машинки, на кухонном линолеуме темнела борщевая лужа.

Человеческая река вынесла его из метро. Осторожно перешагивая через лужи на асфальте, С. двинулся вдоль серых, обесцвеченных тусклым утренним светом домов. Зашел в пустую будку телефона-автомата, снял трубку, подергал рычаг... Телефон не работал. Не работал и другой, за углом. С досадой швырнув трубку на рычаг, С. вышел из будки и прибавил шагу: он опаздывал на работу. На жестяной крыше будки, безразлично глядя на людской поток, сидел ворон.

Войдя в издательство, С. поднялся по ступенькам и, кивнув вахтерше, хотел пройти к лифтам.

— Секундочку!

Он обернулся.

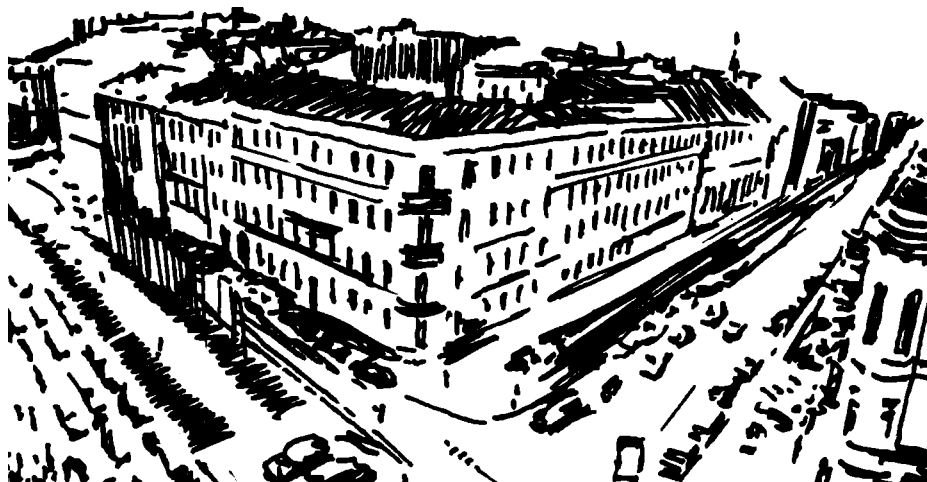
— Вам какой-то сверток.

— Мне?

Вахтерша вынула из недр стола нечто, свернутое, как чертеж, в трубку.

— Что это? — спросил С.

— От господина Вильсона, — прочла по журналу вахтерша и поджала губы.

Ему не работалось.

Отложив кипы редакционных фотографий, он снова набрал номер, но телефон у Лики по-прежнему не отвечал. Зато презент, обещанный — и доставленный! — загадочным поклонником Эдгара По, лежал на подоконнике. Еще раз начав крутить колесико телефона, С. вдруг положил трубку и протянул руку к свертку.

— Слушай, Васильева не было? — В комнату заглянула голова с косичкой.

С. отдернул руку от подоконника.

— Не было.

— Где ж он гуляет? — возмутилась голова и исчезла.

Что-то останавливало С. от того, чтобы вскрыть сверток прилюдно. Наконец оставшись в одиночестве, он нервным движением разорвал обертку.

Клочки бумаг с записанными на них именами и номерами телефонов валялись на полке у телефона, торчали из-за телефонной проводки. С. медленно пересмотрел их еще раз: стараясь не волноваться, вывернул карманы висевших в шкафу брюк, но того, что искал он — телефона давешнего иностранца, — не было, словно тот никогда и не звонил.

Однако обещанный им презент — старинный и, судя по всему, дорогой гобелен — лежал на тахте. С. присел рядом: помедлив, снова развернул его — огромный рыжий конь скакал мимо средневекового замка.

С. провел пальцем по гобелену

— Бред какой-то, — пробурчал он и вышел из комнаты.

Перед полкой с телефоном С. остановился и в который раз обвел взглядом тесный закуток коридора.

— Тань, — окликнул он наконец жену, — я вчера телефон записывал американца этого. Ты не знаешь, где он?

— Не знаю, — бесстрастно ответила из кухни жена.

— Прямо тут где-то оставлял, — пожаловался С. — Ты не убирала?

— Я не домработница, — донеслось с кухни. — Я не обязана следить за твоими бумажками.

С. сорвался.

— Я не говорю, что ты обязана! — заорал он и опрометью кинулся в кухню. — Я не говорил этого! Я просто спросил: может быть, ты видела?

Жена, стоя у раковины, ожесточенно терла щеткой сковороду.

— Не видела! И не знаю я, кто тебе звонит и кому звонишь ты! Не знаю и знать не хочу!

— Дура! — закричал С. — Дура, при чем тут?..

И осекся.

Таня несколько секунд терла сковороду, потом повернула к нему стареющее лицо.

— При чем тут — что? — спросила она.

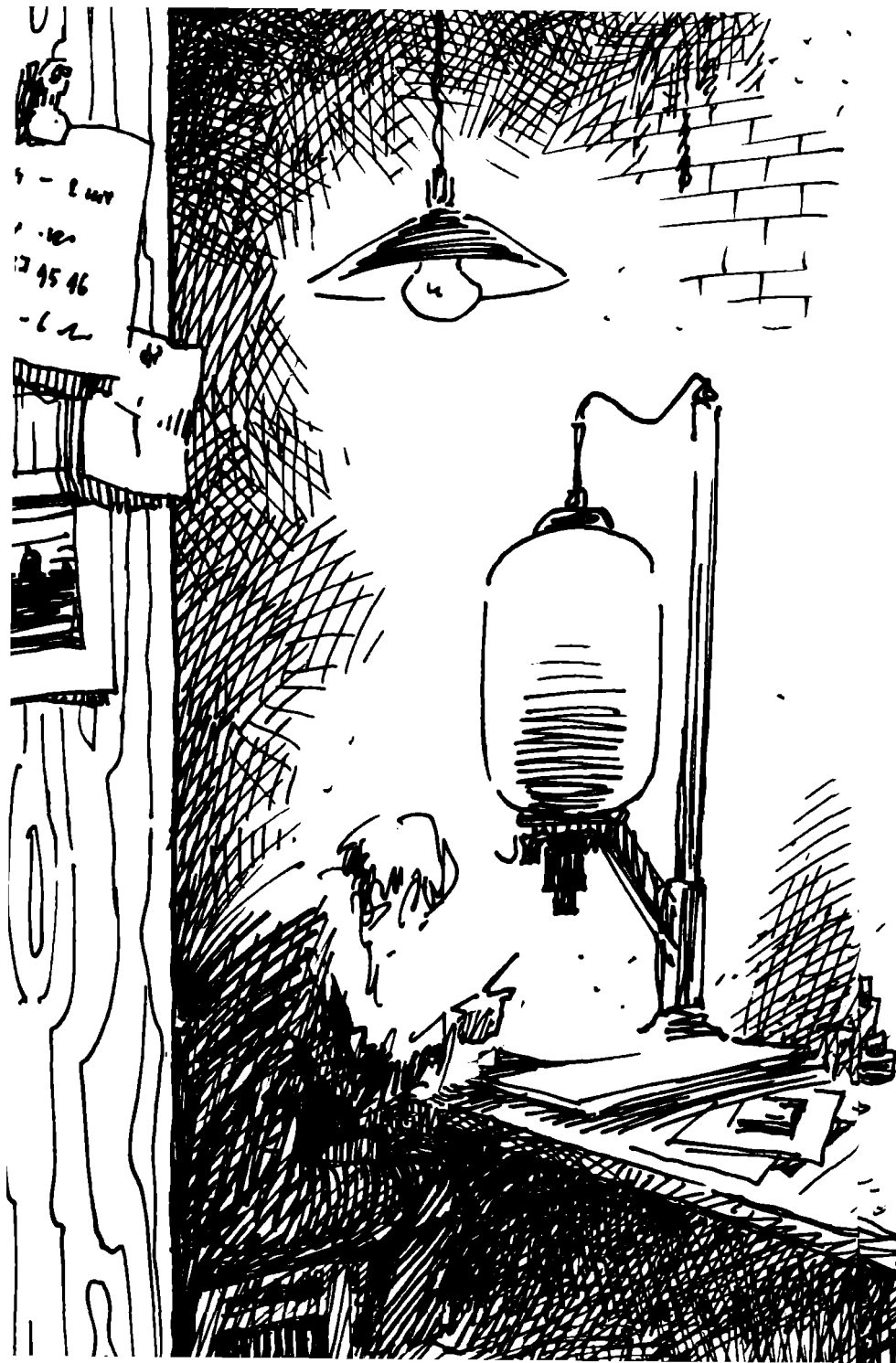
На третьем этаже хлопнула дверь, простучали вниз по лестнице шаги: С. вышел из подъезда и, перейдя двор-колодец, полутемный в ранних петербургских сумерках, завернул за угол. Там, уже невидимый из окон собственной квартиры, зашел в телефонную будку. Набрал номер, постоял чуть дольше, чем нужно было, чтобы понять: никто не подойдет. Вышел из будки и, вернувшись во двор, отпер большой висячий замок на обитой жестью двери подвала.

Через несколько секунд зажегся свет в подвале, опустились плотные тяжелые шторы.

В своей фотолаборатории, в красном свете безопасного для пленок фонаря, С. был похож на средневекового алхимика. Да и в самой процедуре печати было что-то завораживающее. Сходство с алхимиком усиливалось тем, что С. без перерыва бормотал что-то, и в бормотании этом повторялось:

— Вильямс, Уильямсон... Ч-черт, как же его?

9 - 2 100
1 - 100
17 95 46
- 2 2

Он заправил пленку в коробку и начал заливать проявитель.

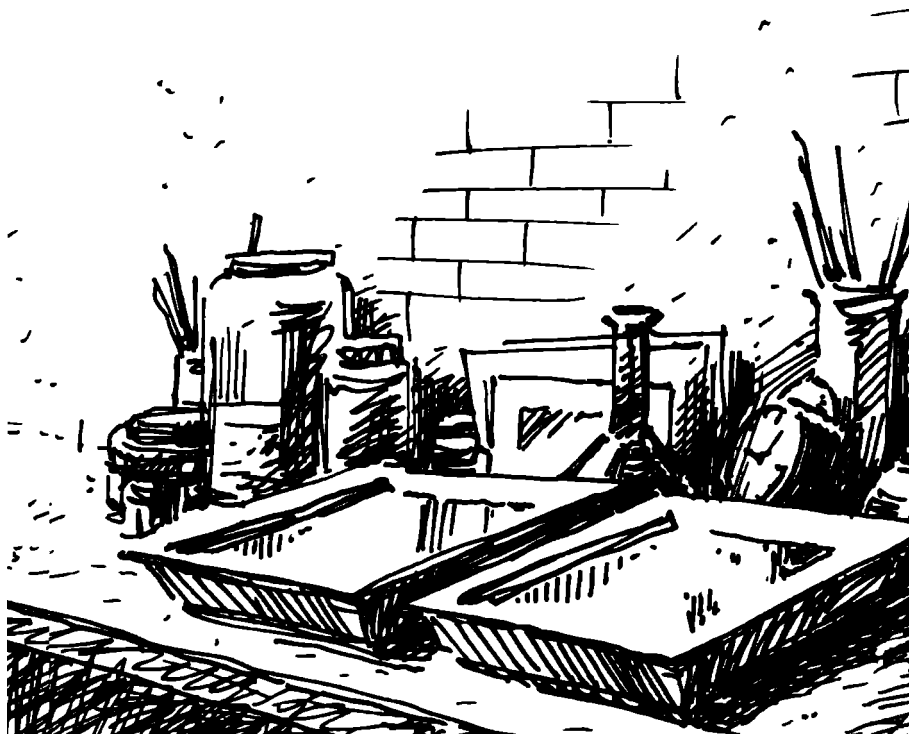
Залив его, засека время и присел на табурет рядом, мыча что-то нечленораздельное.

Фамилия иностранца вертелась в сознании, напоминая что-то, но что именно, вспомнить не мог.

— Виллис, — пробормотал С., устанавливая фотоувеличитель на резкость. — Нет. Презент от фирмы... Твою мать, а?

Он привычно взял щипчиками первый отпечаток и опустил в ванночку с раствором. Через несколько секунд на листе стало медленно появляться смеющееся лицо Лики.

Стрелки старенького будильника показывали начало десятого.

Снился звонящий телефон, упавшая тарелка и красная борцевая лужа на линолеуме. А телефон все звонил. Потом оказалось: звонят в дверь и уже не во сне.

— Телеграмму примите, — хмуро сказала тетка с тяжелым лицом.

— А?

С. — в утреннем ознобе, полуодетый — топтался в прихожей. Буквы в телеграмме прыгали, не желая становиться словами. Он смотрел в телеграфный бланк, ничего не понимая. Наконец — прочел.

— Распишитесь, — сказала женщина, подставляя тетрадь с привязанным огрызком карандаша. — Распишитесь! — повторила она.

С. чиркнул по бумаге, и почтальонша исчезла, оставив его в прихожей — полуодетого, с телеграммой в руке.

Он вошел в комнату. Еще не начинало светать. Жена спала. Он немного постоял, глядя на нее, потом побрел на кухню. Там стоял на столе стакан с остатками ночного чая. С. плеснул в него воды из чайника, поднес ко рту. И, поставив обратно, снова уставился в телеграмму.

«ЛИКА УМЕРЛА ТЧК СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙТЕ»

Электричка, почти пустая в этот рассветный час, отползла от перрона и через несколько секунд скрылась в стене тумана.

В предпоследнем вагоне, у окна, глядя невидящими глазами на медленно плывущий мимо пейзаж, сидел С.

...Электричка, разогнавшись, летела мимо спящих петербургских кварталов, пронизывала отсыревший за ночь воздух, короткими гудками будила пригород. Взлетали наверх и снова падали провода.

С. задремал и в тяжелой полудреме увидел лицо Лики — на своих фотографиях, в кювете с закрепителем, — чудесное, открытое, смеющееся, совершенно живое лицо.

Вдруг, заскрипев всеми сочленениями, электричка остановилась посреди перегона. С. открыл глаза, несколько секунд бессмысленно смотрел в окно на застывший, утонувший в молоке пейзаж, потом огляделся. Немногочисленные пассажиры спокойно подремывали или просто сидели, глядя в никуда. Вдруг, как всегда хрипло и неразборчиво, забурчало вагонное радио.

— Что? — напрягся С. — Что он сказал?

Сидевший через проход молча пожал плечами.

— Пути ремонтируют, — сказал другой. — Размыло.

С. отвернулся к окну.

Поезд стоял. Сразу за насыпью, за телеграфной линией, уходило в туман клочковатое поле. На телеграфном проводе сидел ворон.

С. отвернулся от окна, но потом снова повернулся к нему.

Ворон тоже повернулся и смотрел теперь прямо на него.

С минуту они смотрели друг на друга — птица и человек. Человек не выдержал первым: провожаемый взглядами пассажиров, он встал и перешел в другой вагон.

Там С. сел на ближайшее к двери сиденье и, на несколько секунд прикрыв глаза, снова провалился в тот же тяжелый сон, что снился перед звонком почтальона: звонок, разбитая тарелка, темно-красная лужа на полу. Когда он открыл глаза, поезд стоял. За окном, на торчащем у края кочковатого поля телеграфном покосившемся столбе, сидел ворон.

С. вскочил и едва ли не бегом бросился в следующий вагон. Ворон снялся со столба и, неторопливо маша крылами, полетел следом за ним вдоль электрички, тенью мелькая то в правом, то в левом окне...

Пробежав несколько вагонов, С. остановился и перевел дух: ворона не было. Прислонившись к стенке тамбура, он вынул из плаща сигареты и зажигалку: несколько раз, все более ожесточаясь, крутанул колесико, но безрезультатно. Вызвав наконец столбик огня, С. прикурил, жадно затянулся, еще и еще.

На крыше вагона, прямо над ним, сидел, нахохлившись, ворон.

Поезд дернулся, гуднул в туман и начал набирать скорость.

Двери открылись, и С. вышел из электрички. Спустившись со знакомой платформы, он быстро зашагал мимо пустой остановки, откуда несколько дней назад провозжал Лику, тайком фотографируя ее.

— Все будет хорошо, — бормотал он, как заклинание. — Все в порядке.

— Да вы проходите, — сказала крупная, с шалью на покатых плечах женщина. Она стояла в дверях Ликиной квартиры.

— А где... Лика?

— Так уже повезли, — просто, как если бы речь шла о мебели, пояснила женщина.

С. молча стоял на площадке перед дверью. Он не мог верить.

— Где?... — спросил он наконец — и замялся, не в силах произнести слово «кладбище».

— Там... — махнула рукой женщина. — Вы, может, еще успеете...

Но он не успел.

Осторожно ступая по тяжелому глинозему, люди вышли из влажного тумана и молча прошли мимо него, тяжело дышащего, стоящего у кладбищенской ограды. Они прошли мимо, словно не заметив С., и ощущение тяжелого сна снова навалилось на него.

— Вы — к Лике? — остановившись, спросила вдруг шедшая последней маленькая горбунья лет сорока.

— Да, — сказал С.

Она кивнула своей догадке и пошла следом за остальными, но, отойдя на несколько шагов, обернулась и сказала:

— Идемте.

— Салатику возьмите, — попросила крупная, с шалью на крутых плечах женщина.

С. сидел за столом — с краю, возле горбуны.

— Спасибо.

— Ну, — резким, высоким голосом сказал маленький мужчина, сидевший почему-то во главе стола, и поднялся. Когда он стоял, стол доходил ему до груди. — Ну, пусть земля будет ей пухом!

— Да, да, — подтвердили все. — Пухом...

— Не чокаться, — строго, громче нужного напомнила крупная.

Выпили.

— А вы?.. — недовольно через весь стол спросил мужчина.

С., словно в столбняке, смотрел на неподвижную, накрытую куском хлеба стопку в конце стола. К той, что стояла перед ним, он тоже не притронулся.

— Кто-то дал мне телеграмму, — сказал он вдруг. Стук вилок и ножей прекратился на минуту. — Сегодня ночью.

Никто не ответил ему.

— Кто давал мне телеграмму? — громче повторил он.

— Вы ешьте, ешьте, — мягко сняла вопрос горбунья.

Все снова застучали вилками.

— Студня! — трубно предложила крупная, подняв блюдо. — На редкость удался!

— И рыбы! — крикнул мелкий мужчина.

Украдкой от крупной дамы он отлил себе из неподвижной Ликиной стопки, быстро выпил и заел от ее же куска хлеба.

С. под столом больно ущипнул себя за ладонь. То, что происходило здесь, не было сном, но не могло быть и реальностью.

С. выскользнул из-за стола и, бесшумно приоткрыв входную дверь, спустился на лестничную площадку. Закурил, рывком распахнул закупоренное окно, нервно выдохнул наружу струю дыма. Там просвечивал сквозь туман обычный убогий пейзаж — облупленные стены, крыши, кусок чахлого сквера с поломанной скамьей...

— Сигареткой не угостите?

С. обернулся. У самого плеча стояла горбунья. Инстинктивно посторонившись, он молча вытряс из пачки несколько сигарет.

-- Спасибо.

Облизнувшись, горбунья выбрала одну, потом, глянув снизу в глаза — можно ли? — и вторую. С. чиркнул зажигалкой.

— Кто-то дал мне телеграмму, — упрямо повторил он. — Ночью.

Горбунья не ответила. Затянулась, молча глядя, как становится пеплом кончик сигареты.

— Когда она умерла? — спросил С.

— Вчера вечером, — сказала горбунья. — В десятом часу.

— Как? Отчего?

— От старости, — ответила горбунья и затянулась.

С. ничего не сказал: он молчал, пораженный ее ответом и тем, как на глазах превращалась в столбик пепла сигарета в тонких женских пальцах.

— От старости, — повторила горбунья. — Состарилась — и умерла. — Она подняла на него серые пронзительные глаза.

— Постойте! В десятом часу... — пытаюсь ухватить некую догадку, мелькнувшую на окраине сознания, проговорил С. Но сделать этого не успел: горбунья вдруг подалась к нему, прижалась всем телом и зашептала:

— Хочу тебя, хочу... Дай губы, скорее...

И уже обнимала его, целовала шею, искала губы.

— Вы... Вы что! — шепотом закричал С., ошеломленный ее натиском.

— Мой будешь, — приговаривала горбунья, шаря по его телу жадными руками, — мой... Все равно!

— Перестаньте! — Он поймал ее руки и брезгливо отбросил от себя. — Сумасшедшая!

— Я? — Горбунья усмехнулась, и С. обомлел: следа страсти не было в ней сейчас. Горбунья была тиха и печальна. — Я не сумасшедшая... — покачав головой, тихо сказала она.

Прошелестела вверх по лестнице юбка. У двери горбунья обернулась и, нежно посмотрев на С., призывно провела кончиком языка по губам.

Дверь хлопнула. С. остался на лестничной площадке один.

На почте было почти пусто.

— Простите, девушка... — С. заглянул в окошко. — От вас вчера отправляли вот эту телеграмму...

Девушка молча протянула руку, и С. вложил в нее мятый бумажный листок.

— Ну и?..

— Кто? — спросил С. — Кто ее отправлял?

Телеграфистка подняла на него глаза и несколько секунд смотрела странным взглядом.

— Вы и отправляли, — сказала она наконец.

— А?

— Не морочьте мне голову! — крикнула телеграфистка. — Давайте, что там у вас! — обратилась она к следующему человеку.

Хлопнули вагонные двери. Набирая скорость, электричка помчалась в сторону Петербурга, но на перроне остался сидеть человек. Это был С.

Уже не первую электричку пропускал он, сидя на скамье напротив последнего вагона. Вечерело, но С. никак не мог заставить себя уехать со станции, на которой жила Лика.

Что-то удерживало его, мешало до конца поверить в случившееся.

Он пил из горлышка купленный с рук портвейн и жадно рвал зубами батон. Бессонная ночь, алкоголь и события дня поработали над его лицом: оно посерело, С. осунулся, мешки появились под глазами, да и сам взгляд их уже не был взглядом вполне нормального человека.

То и дело проваливался он в забытие и в забытии этом видел теперь лицо горбуни, ее беззвучно шевелящиеся губы. Видел себя в фотолаборатории льющим в кювету проявитель. Видел расплывшийся, словно не наведенный на резкость циферблат старенького будильника. И снова беззвучно говорящие губы горбуни.

«Жизнь уходит от человека на его фотографии», — сказала Лика. Она исчезла, а губы горбуни вдруг ясно выговорили: «Вчера вечером. В десятом часу». И тут же обрели резкость разведенные в стороны стрелки на циферблате — в фотолаборатории, возле проступающего на листе фотобумаги лица Лики.

С. открыл глаза. Он по-прежнему сидел на перроне, но уже смеркалось. Начал накрапывать дождь.

Скорый поезд с ревом налетел на полустанок. Вагон за вагоном, громокая и покачиваясь на стыках, промчались мимо. Пронесся и исчез за поворотом последний вагон; перрон был пуст. С. не было на нем, только, поскрипывая, покачивался фонарь над путями.

Милицейский уазик, тараня темноту бивнями фар, медленно пробирался вдоль кладбищенской ограды. «Дворники» усердно слизывали с лобового стекла струи воды.

— Значит, вы его не видели, — рассудительно повторял старшина.

— Руку видел, — упрямо повторял старик сторож.

— Ага, — спокойно говорил старшина, — руку. Это бывает. Руки, жуки с черепами, пляшущие человечки... Когда выпьешь.

— Да не пил я! — чуть ли не крикнул старик и осекся под насмешливым взглядом старшины. — Ну, может, чуть самую и выпил! Было, говорю вам! Фонарь утащил и лопату! Видел я! Вот, здесь направо...

Машина, повернув, остановилась у кладбищенской сторожки.

— Какие будут соображения, Михеенко? — после паузы поинтересовался старшина у сидящего за рулем.

— У меня такие соображения, что пропил дедуля инвентарь. А? Нет? — И Михеенко подмигнул сторожу.

— Отставить, — приказал старшина. Они помолчали. «Дворники» еле успевали стирать со стекла потоки воды. — Кого-нибудь хоронили на днях? — обратился старшина к старику.

— Девчонку сегодня хоронили. Старуху в пятницу...

— Старуха с зубами?

— Чего? — не понял сторож.

— Золото у нее во рту было? — пояснил вопрос старшина.

Старик завохтал:

— Да откуда...

Старшина помолчал, о чем-то размышляя, потом выдохнул тоскливо — выходить из машины не хотелось.

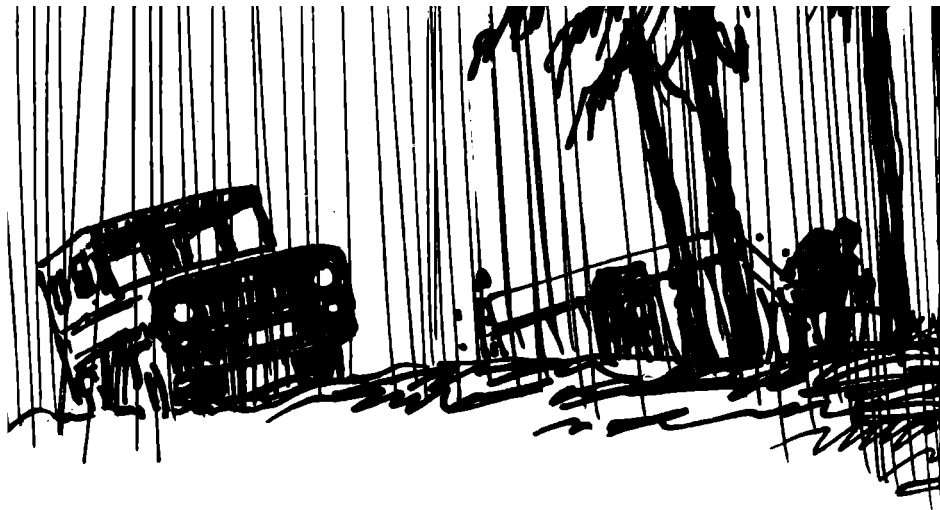
— Ну что, Михеенко, пойдём поглядим, — решил он.

— Чего ж не поглядеть, — кисло отозвался Михеенко. — Ну смотри, дед...

— Отставить, — приказал старшина. — Где хоть ее хоронили, помнишь?

— Кого? — спросил сторож.

— Молодую, — ответил старшина.

Они пробирались по тропке между участками. Дождь постукивал по листьям кладбищенских осин, где-то невдалеке гуднул поезд. Луны не было.

— Тут налево, — сказал сторож.

— Ч-черт, темно, как у негра... — начал Михеенко.

— От-ставить.

— Есть отставить. А что, старшой...

— Стой, — сказал старшина. — Тихо.

Сквозь листву вдалеке качнулся свет фонаря.

— Я ж говорил, — горячо зашептал сторож.

— За мной, — негромко сказал старшина.

Дальше они пробирались между оград почти в полной темноте, только старик сторож повторил несколько раз, как заведенный, свое «я ж говорил!», пока старшина не цыкнул на него.

Свет приближался — точнее, это они приближались к нему.

Наконец старшина бесшумно отогнул ветку.

— О господи, — сказал Михеенко.

Под тускловатым светом подвешенного на ветке сигнального фонаря, по пояс в свежей могиле, стоял мужчина лет сорока. Комья земли летели с его лопаты наверх. Это был С.

— Сейчас, — бормотал он. — Сейчас...

— Я ж говорил, — сдавленным голосом повторил сторож.

— Уже скоро, малыш... — С. навалился ногой на штык лопаты и выбросил наверх ком глины. — Я сейчас.

Он встал на четвереньки и принялся быстро разгребать руками землю, потом поднял наверх налитые безумием глаза: над отвалом могилы стояли двое в плащ-палатках.

— Выходи, — сказал один из них.

— Нет, — сказал С., не поднимаясь с четверенок.

— Выходи! — повторил человек в плащ-палатке.

— Нет, нет, нет, — затравленно зашептал С. и начал судорожно отбрасывать руками комья глины, царапать пальцами появившуюся крышку гроба.

— Вот гад, — с неожиданной ненавистью произнес второй человек в плащ-палатке и заорал: — А ну вылазь!

— Отставить крик, — приказал второму первый.

Человек в яме завыл.

Старшой прыгнул в яму.

— А ну давай, Михеенко, — сказал он уже оттуда. — Только осторожнее.

Человек в яме плашмя лежал на земле и, вцепившись руками в гроб, выл и выкрикивал что-то бессвязное.

— Она живая! — кричал он. — Пустите! Это я виноват! Она предупреждала! Жизнь уходит на снимок! Она живая, пустите!

— Помоги, чего смотришь! — закричал Михеенко стоявшему наверху сторожу.

Вытащенный наверх, С., стоя на коленях, цеплялся теперь за ограду соседней могилы, но его отцепили, разжав пальцы, и, оттащив, бросили на землю. Теперь он не сопротивлялся, а просто лежал, без слов воя в кладбищенский глинозем.

Сторож быстро подобрал с земли фонарь и лопату, поднял с могильного отвала и чуть ли не с поклоном подал Михеенко слетевшую фуражку.

— Связать? — отряхивая ее, спросил Михеенко. Он был возбужден схваткой.

— Отставить, — сказал старшина, глядя на корчившегося у его ног человека. — Отставить.

С. очнулся от ломоты в теле и чьих-то далеких криков. Он открыл глаза и увидел над собою окно. За ним виднелся расчерченный решеткой на квадраты кусок тусклого неба и край кирпичной стены с колючей проволокой поверху.

В полутемной комнате, кроме С., находилось еще трое. Все они смотрели на него.

— Где я? — спросил С.

— Вы в психиатрической лечебнице, мой друг, — мягко ответил за всех лысый старичок, сидевший с ногами на кровати. — Так же, как и мы, впрочем, — с кривой улыбкой добавил он.

— Вы спали, — хмуро пояснил сидевший поодаль мужчина. — Долго спали.

Только тут С. начал вспоминать, что произошло.

— Ну-с, — услышал он, — расскажите, что случилось...

Старичок буравил его взглядом серых глазок, не скрывая интереса к истории болезни.

— Рассказывать я буду врачу, — ответил С.

Его слова произвели странный эффект. Все переглянулись.

Старичок помрачнел.

— Я и есть врач, — сказал он.

У дальнего окна громко захохотал, забился в смеховых судорогах здоровенный, обритый наголо и привязанный к кровати детина. Голова его была жестоко исполосована: видимо, ее брили тупой бритвой.

— Я и есть врач! — закричал старичок, сжав маленькие кулачки. — Я главный врач этой лечебницы! Я доктор медицинских наук! Я профессор!

Он с неожиданной легкостью сорвался с кровати, метнулся через палату.

— Выпустите меня! Негодяи! — истошно закричал он, колотясь в запертую дверь.

Его хмурый сосед быстро проковылял следом.

— Ну зачем, зачем... — Он бережно обнял старичка за плечи и повел на место. — Нельзя так... Вы же знаете.

— Знаю, — неожиданно сдался старичок. — Знаю...

Он лег на кровать и, вздохнув, свернулся калачиком, как ребенок. Обритый наголо детина, привязанный к кровати, издал смешок, больше похожий на всхлип, и тоже затих.

Хмурый тяжело посмотрел на С., словно решая, сказать ли ему что-то. Затем встал и, подволакивая ногу, подошел к окну, прищурился на тусклое, едва просвечивающее сквозь облака солнце.

— Скоро обход, — сказал он.

Слова эти тяжело повисли в воздухе палаты. Старичок еще больше сжался на постели.

С. со своего места внимательно смотрел за происходящим.

Вскоре гнетущую тишину палаты нарушили звуки, доносившиеся снаружи. Кто-то — и, судя по голосам, немалым числом — шел по коридору. В общем гуле выделялся визгливый, без перерыву хохотавший голосок.

С. глянул на соседей. Эмбрионом сжался на кровати старичок; закрыв глаза, играл желваками обритый; хмурый, стоя у окна спиной к двери, внимательно смотрел на С.

— Ну, говорите же, — сказал С.

Тут дверь распахнулась, и тонкий, как жила, человек в белом халате крикнул тем самым визгливым голосом:

— Обхо-о-од! — И засуетился: — Сесть, всем сесть, кровати поправить...

За его спиной появились и начали входить в палату люди в грязно-белых халатах и шапочках. Первым шел

невысокий крепыш с неподвижным лицом. За его спиной располагалась многочисленная свита.

Войдя, крепыш первым делом направился к кровати с привязанным.

— Ну-с, — растянув улыбкой пухлые губы, обратился он к пациенту. — Как наши дела?

Обритый молчал.

— Посмотрим глаза, — сообщил сопровождающим крепыш. Нагнувшись, он взял обритого за лицо, пальцем низко оттянул ему веко. — Желтые, — поделился он с коллегами и вытер руку о полу халата. — Режима не менять.

Тут С. с ужасом увидел на халате у главврача большие пятна — в лучшем случае пищевого происхождения. Не краше были и руки: под нестриженными ногтями крепыша собралась недельная грязь.

— Как вы? — обратился он тем временем к хмурому, покорно сидевшему в изголовье кровати. — Помогли наши лекарства? К вам пришло успокоение?

— Да, — бесцветным голосом сказал хмурый.

— Вам снились странные сны, — напомнил крепыш.

— Перестали, — ответил хмурый, стараясь не глядеть на двух огромных то ли врачей, то ли санитаров за спиной у крепыша. Врачебные шапочки сидели на них косо, физиономий неделю не касалась бритва.

— Вот и славно. Да, — уже почти отойдя, вспомнил крепыш, — нога не болит?

— Нет, — ответил хмурый — и покраснел.

— Это хорошо. А вот и наш профессор, — мягко произнес крепыш, присаживаясь на кровать, где лежал, свернувшись калачиком, старик. — Наше светило. — Он положил руку на плечо лежащему. — Ну? Расскажите-ка нам еще раз вашу историю...

Старик молчал, сжавшись в комок.

— Вы утверждаете, что были главным врачом психиатрической клиники, — напомнил крепыш. — Я ничего не

путаю? — уточнил он у визгливого, сидевшего прямо на полу у его ног.

Визгливый услужливо засмеялся.

— Да, вы утверждали это, — окончательно вспомнил крепыш. — И что же случилось с вами?

— Вы сами знаете, — сказал старичок.

— Я забыл, — ответил крепыш. Несколько секунд стояла тишина. — Может быть, вы не хотите нам рассказывать? — Он помолчал еще. Санитары переглянулись. — А может, это все вам почудилось?

— Нет, не почудилось! — затравленно озираясь на стоящих вокруг людей в грязно-белых халатах, не выдержал старичок. — Не почудилось!

— Зачем же так нервничать? — укоризненно спросил крепыш.

Глаза его блестели от удовольствия.

— Я не нервничаю! — закричал старичок.

— Нервничаете, — настоял на своем крепыш. Улыбки уже не было на его плотном мясистом лице. — У вас очень расшатаны нервы. Очень. Вы по-прежнему нуждаетесь в лечении...

— Это вы нуждаетесь в лечении, вы! — закричал старичок.

— Что? — словно боясь ослышаться, переспросил крепыш.

— Вы опасный больной! — закричал старичок. — Вы сумасшедший! А я профессор! Я...

— Ясно, — оборвал его крепыш и обернулся к сопровождающим: — У него снова обострение. Какая жалость.

— Прекратите сейчас же! — взвился старик.

— Может быть, уколы, док? — широко улыбнувшись, предположил детина из свиты.

— Укольчик, укольчик! — обрадовался визгливый и исподтишка больно ущипнул старика за ногу.

— Прекратите! Я протестую! — закричал тот.

— Нет, — сказал крепыш, подумав. — Не уколы. — Все затихли, ожидая решения. — Лечение по системе доктора Смоля и профессора Перро! Полный курс, — уточнил он, повернувшись к сопровождающим.

Решение это вызвало бурю восторга.

— Не надо! — взмолился старик. — Что вы делаете?

Но под свист и улюлюканье его уже волокли по коридору, мазали невесть откуда взявшейся смолой, вспарывали над головой подушку...

— Как? — словно выйдя из шока, спросил вдруг С. — Как вы сказали?

Оставшиеся в палате повернулись к нему.

— Кто это? — спросил крепыш.

— Новенький, — услужливо подскочил визгливый. — Ночной завоз со втроника на среду. — И он снова хохотнул.

С. сидел в кровати, вытянувшись в струнку, словно гончая, взявшая след.

— Как вы сказали? — спросил он. — Лечение по системе... ну?

— Доктора Смоля и профессора Перро, — отчеканил крепыш.

Тут С. схватился за голову и ничком повалился на кровать. Через несколько секунд тело его начало беззвучно трястись от хохота. Все, кто был в палате — и пациенты, и их странные врачи, — опасливо смотрели за тем, как корчится новичок.

— Он что, сумасшедший? — помрачнев, спросил наконец крепыш.

Стояла ночь. Решетка на окне палаты расчерчивала на квадраты подсвеченный прожектором кусок стены напротив.

Постель старика, называвшего себя профессором, была пуста. Слева от нее лежал на кровати С. Он не спал. Не

спал — справа от пустого ложа — и хмурый. С. понимал это, хотя хмурый лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Но волнение выдавало этого крупного мужчину, какая-то тайна комом ходила в его горле.

Через стены палаты, с другого конца коридора, доносились вопли и визги. Это отдыхали «врачи».

— Ну хорошо, — словно продолжая начатый разговор, сказал вдруг С.

Человек на постели не ответил, но в неверном свете луны было видно, как напряглось под тонким одеялом его тело.

— Ну хорошо, — повторил С. — Хотите, я сам расскажу вам, как все было?

Сосед молчал.

— Этот несчастный старик — действительно врач, — продолжал С. — И вы тоже. — Сосед резко повернул к нему голову, глаза его блеснули в свете луны. — Да, и вы тоже. Но некоторое время назад власть в клинике внезапно захватили сумасшедшие...

Картины того, что произошло здесь, вставали перед С. так, словно он видел все это. Сосед ничего не отвечал — пораженный прозрениями странного новичка, он только кивал. Глаза его белели в лунном свете.

— Да, да, — прошептал он, боясь звука собственного голоса. — Все так! Но откуда вы узнали?

— Я узнал это много лет назад, — ответил С. — А сейчас у меня только один вопрос: когда? Когда это произошло?

— Два дня назад, ночью, — помедлив секунду, ответил сосед. — Почти сразу после того, как привезли вас!

— Ну конечно, — сказал С. — После того, как привезли меня. Мог бы догадаться и сам.

— Как вы узнали? — повторил хмурый.

— Вы, конечно, слышали такое имя: Эдгар По? — помолчав, ответил вопросом на вопрос С.

— Конечно. Это писатель. «Золотой жук» и это еще, про обезьяну... — Исчерпав запас эрудиции, хмурый умолк.

С. усмехнулся.

— А нравится ли вам «Лечение по системе доктора Смоля и профессора Перро»? — осведомился он.

— Боже мой! — Хмурый не мог слышать этих слов. — «Лечение!» Они вываливают нас в смоле и перьях. Это ужасно!..

— Это название рассказа, — перебил его С.

— Что?

— Это рассказ Эдгара По! Все, что случилось здесь той ночью, было сочинено им полтора века назад. И стало явью потому, что здесь оказался — я.

Сосед молчал.

— Я — воронка, — продолжал горячо шептать С. — Рядом со мной опасно, понимаете? Я не знаю как, но я стал персонажем из его новелл. И втягиваю в них каждого, кто окажется поблизости...

— Вы больны, — перебил его хмурый. — Поверьте мне как врачу. Вы действительно больны.

— А вы? — шепотом крикнул С.

Хмурый не ответил.

— Поймите, — шептал С., — фантазия, в которую вы попали по моей вине, — не самая печальная. На мне — кровь. И я должен бежать отсюда, чтобы распутать другой, по-настоящему страшный сюжет.

— Если вы убежите... — Хмурый запнулся и молчал несколько секунд. — Этот коротыш — у него паранойя. Они убьют всех нас.

— Вы ничего не поняли, — ответил С. — Если я убегу отсюда, этот сюжет распадется сам собой! Они вернуться в палаты и уснут, как спали в ту ночь, когда сюда привезли меня. Они уснут — и все забудут!

— Дай-то бог... — глухо прорычал хмурый, и С. услышал в его голосе незнакомые нотки. — Я-то не забуду...

Помолчали.

— Вы хорошо знаете эту клинику, — сказал С. — Как можно выбраться отсюда?

Хмурый посмотрел с опаской.
— Есть один способ, — сказал он. — Я хотел сам, но...
Слушайте внимательно.

В предутренний час — час меж волком и собакой — через глухую больничную стену перевалился и тяжело упал на влажную землю человек. Это был С.

Неловко упав на четвереньки, он поднялся и побежал через поле — на шум поезда, к железнодорожной ветке. Почти добежав до опушки леса, бегущий осмелился обернуться: погони не было. Обыкновенная городская клиника темнела на том конце поля, и на секунду С. усомнился, было ли в действительности то, что он видел собственными глазами...

Электричка везла его в Петербург. Он беспокойно дремал — в последнем вагоне, забившись в угол, подальше от людей.

Стучали колеса, и в такт им, не стихая, звучали в его бессонном мозгу строки бессмертного «Ворона»...

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною
думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук
раздался,
Будто кто-то постучался, постучался в дверь ко мне.
«Это, верно, — прошептал я, — гость в полночной
тишине, —
Гость стучится в дверь ко мне».

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший темным чувством сердце
мне.

Непонятный страх смиряя, встал я с места, повторяя:
«Это только гость, блуждая, постучался в дверь ко мне,

Поздний гость приюта просит в полуночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне»...

Поезд заскрипел всеми суставами и остановился. С. открыл глаза. Забурчало радио.

— Что он сказал? — переспросил у С. гражданин, сидевший через сиденье.

— Ремонт, — ответил С. — Пути размыло.

Да, это было то же самое место: кочковатое черное поле уходило в туман, телеграфные столбы тянулись вдоль лощины...

Но ворона за окном не было, и вскоре С. снова задремал. Тревожные строки зазвучали в мозгу вновь.

Вновь я в комнату вернулся — обернулся —

содрогнулся —

Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.

«Видно, что-нибудь сломилось, что-нибудь

пошевелилось,

Там, за ставнями, забилося у окошка моего.

Это ветер, — усмирю я трепет сердца моего, —

Ветер, больше ничего».

Я открыл окно, и странный гость полночный, гость

нежданный

Ворон царственный влетает: я привета от него

Не дождался. Но отважно, как хозяин, гордо, важно,

Полетел он прямо к двери, к двери дома моего,

И вспорхнул на бюст Паллады, сел так тихо на него.

Сел — и больше ничего...

— Сынок! Приехали!

С. открыл глаза. Какая-то бабулька трясла его за плечо.

Поезд стоял. За окном в утреннем сером полусвете простирал вдале квадраты своих кварталов Петербург.

— Отойди от меня! — крикнул С.

Бабулька попятилась и с проклятиями исчезла в дверях.

На ватных ногах он вышел на пустой перрон и побрел ко входу в метро. В вестибюле вокзала на каменной голове Ленина сидел ворон.

В квартире не было не только жены, но и ее вещей. Шкафы темнели пустыми внутренностями, сияла мертвой чистотой кухня.

На кухонном столе аккуратной стопкой лежали фотографии Лики — те самые, что стали виной ее смерти. Записка. И на ней — обручальное кольцо.

Он прочел записку и положил на стол. Взял фотографии. Лика улыбалась, она была живой — там, на плотных прямоугольниках фотобумаги.

Он присел возле стола. Потом встал и, не снимая обуви, прошел через опустевшую квартиру, остановился перед книжными полками.

Постоял немного, нашел взглядом и вынул зачитанную некогда до дыр книгу. Открыл. С фронтисписа на него глядел Эдгар Аллан По.

Закрыв книгу, С. тут же открыл ее с конца. Палец медленно заскользил вниз по столбцу оглавления. С. еще не знал, что ищет, но палец сам безошибочно остановился на нужной строчке: «Вильям Вильсон».

— Вильсон! — сказал С. — О господи, ну конечно!

Судорожно пролистав книгу, он нашел указанную в оглавлении страницу, и с нее бесшумно скользнул вниз клочок бумаги.

С. автоматически поднял его, глянул...

Еще несколько секунд он стоял неподвижно, потом рванулся к телефону, но случайный взгляд на гобелен,

висящий на стене, заставил его остановиться. Замок на гобелене, словно обветшав за время его отсутствия, просел в землю, конь же неимоверно вырос и вдобавок теперь злобно косился на скаку — так, словно видел стоящего в оцепенении хозяина квартиры.

С трудом заставив себя оторваться от изменившегося гобелена, С. снял трубку. Трубка немо застыла в его руке. С. постучал по рычажку — гудка не было.

— Черт возьми, — прошептал он.

В квартире было неуютно. Он сорвал с вешалки плащ, не сразу попав руками в рукава, надел. Пройдя в кухню, бережно положил во внутренний карман стопку Ликиных фотографий, хлопнул по боковому карману — на месте ли ключи? — и с заветным клочком бумаги в руке вышел прочь.

Трубку сняли сразу, словно все это время ждали звонка.

— Господин Вильсон? — сказал С. Он стоял в телефонной будке во дворе своего дома.

— А-а, господин С.! — обрадовались на другом конце провода. — Наконец-то! Слушаю вас.

— Кто вы? — спросил С.

— Я? — Незнакомец рассмеялся. — Вы же знаете сами! Я персонаж. Такой же, как вы. И как она.

— Она не персонаж! — крикнул С. — Верните ее! Она...

— Ну что вы, — мягко перебил голос. — Мы все персонажи.

— Верните, я прошу вас. Ведь это еще возможно, правда?

Трубка молчала.

— Я умоляю вас. — С. говорил медленно, тщательно подбирая слова. Больше всего на свете сейчас он боялся, что трубка ответит гудками. — Давайте вернем ее. Возьмите любой другой сюжет, возьмите меня...

— В этот сюжет, господин С., — назидательно перебил иностранец, — вы вошли сами. И привели ее. Мне очень жаль. Впрочем... — трубка помолчала, — если вы согласны на другой сюжет...

— Да! — крикнул С.

— Один шутник говорил, что выход находится там, где раньше был вход, — произнес незнакомец.

— Вы знаете, как вернуть ее? — выдохнул С.

— Разумеется.

— Как?

— Это не телефонный разговор, — сухо сказал незнакомец.

— Где я могу вас увидеть? — спросил С.

— Вы уверены, что согласны на другой сюжет? — поинтересовался г-н Вильсон.

— Да.

Трубка еще помолчала.

— Я недалеко, — сказал наконец Вильсон. — Идите по четной стороне проспекта. Я пойду навстречу.

— Но как... — начал было Вильсон.

— Когда мы встретимся, вы меня узнаете... — заверил незнакомец, и в голосе его почудился смешок.

В трубке зазвучали гудки.

«22», «24», «26»... Одна за другой оставались за его спиной таблички с номерами домов. Ежась под нитями осеннего дождя, навстречу проходили люди, и С., замедля шаг, напряженно всматривался в их лица.

У какого-то перекрестка, возле ступеньками уходящей вниз, в нутро старого петербургского дома, пивнушки стояла и сидела на перилах шпана. С. почти прошел мимо, когда чья-то рука жестко схватила его за рукав. Он рванулся, но рука держала крепко.

— В чем дело?

На этот вопрос компания ответила диким хохотом.

Дюжина рук схватила С. и сволокла по ступенькам.

— К Королю! — орала шпана. — К Королю его!

Тот, кого они называли Королем, — грязное существо с серьгой в ухе, — сидел, прислонившись к стене, на куче тряпья и, не обращая внимания на крики, целовался с малолеткой.

— Кто это? — спросил он, не переставая шарить под кофтой у подружки.

— Хер в пальто! — ржанул один из втащивших С., сдирая с него плащ.

— А я Король... — представилось существо, — вот всего этого говна. Пей!

Тут же под нос С. сунули, расплескав на плащ, большую кружку с бурым несвежим напитком.

— Пей здоровье Короля! — приказал патлатый детина, по-прежнему держа его рукой за плащ.

...Палец сполз вниз по странице, скользнул вправо, вдоль строки в оглавлении — «Король Чума». «Вы согласны на другой сюжет?» — спросила трубка голосом Вильсона. «Да», — ответил в трубку С.

— Да, — повторил С. — Я согласен на этот сюжет!

— Что? — не понял Король. — Какой, на хер, сюжет?

Все затихли.

— Сюжет очень старый, — ответил С. — Это история про путешественника, очутившегося в Лондоне во время эпидемии чумы и попавшего в такую же вот... компанию. И знаете? Там тоже был Король! Король Чума!

— Чумы у нас, дядя, нет, — хмыкнул какой-то тинейджер, — вот трипперок — пожалуйста! Правда, Майк?

Прыщавый Майк ответил похабным жестом. Все захотали.

— Здоровье Короля! — провозгласил С., невзначай обернувшись назад. У ступенек, перекрывая выход, стоял с бутылкой в руке долговязый переросток.

— Здоровье Короля! — повторил С. и отглотнул.

Крики торжества потрясли низкие своды пивнушки. С. плеснул пивом в лицо державшему его детине, двинул кружкой по голове кому-то, стоявшему слева, запустил ею в голову долговязого и рванулся в образовавшийся проход. Выскочив наверх, С. побежал, отчаянно глотая сырой воздух.

Крики сзади настигали его, страх придавал сил. Метнувшись за угол, С. нырнул в подворотню, затем в подъезд и дальше — наверх, наверх... Задышавшись, остановился. Погони не было.

Стараясь совладать с хрипом, рвавшимся из груди, С. огляделся. Он стоял на лестничной площадке у заколоченного окна, выходящего во двор, обычный петербургский двор с помойками и чахлой растительностью вдоль тяжелых стен.

Стены эти и двор полосовал ливень, а сквозь него, в двоющемся отражении невымытых стекол, С. увидел себя, но не в грязном свитере с небритым измученным лицом, а ухоженным, явно нездешним господином в сером твидовом пальто и белом кашне.

Отражение издевательски ослабилось и склонилось в шутовском поклоне, приветствуя нежданную встречу.

...Вильям Вильсон разговаривал с кем-то, стоя в телефонной будке во дворе его дома, Вильям Вильсон давал телеграмму на почте...

— Вильсон, — прошептал С. — «Вильям Вильсон», рассказ о двойнике... Боже мой, так значит... это я?..

В подтверждение запоздалой догадки господин в оконном стекле злобно захохотал. Он хохотал, тыча пальцем в С., словно в затравленного зверя в клетке, перед последним выходом на арену.

С. ударил кулаком в стекло. Посыпались осколки. Взвывая, он инстинктивно поднес руку ко рту — из рассеченного кулака шла кровь. Потом поднял глаза. Из уцелевшего, косо торчащего сверху куска стекла на него печально смотрел его двойник. По бледной щеке двойника текла струйка крови.

Отступив на шаг, С. ногой вышиб остатки стекла.

На звон на верхней лестничной площадке высунулась женская голова и, крикнув: «Прекратите хулиганить!» — тут же, со стуком двери, скрылась обратно.

В пустом теперь проеме окна барабанил по карнизу дождь.

Постояв несколько секунд, С. опустил на ступеньку, прислонился к перилам.

— Я должен сам. Сам...

Его колотило. С трудом прикурился, С. несколько раз затынулся. Подошел к окну, подставил руку под поток воды. Кровь стекала с ладони, розовела, становилась совсем бледной, теряла цвет... Потом стук капель о карниз стал совсем редким, потом вода перестала литься с руки.

С. подставил последним каплям дождя здоровую руку, умыл лицо.

Луч холодного солнца, ударившись в створку открываемого напротив окна, бликом мелькнул по усталому лицу С.

— Выход, — медленно сказал он и поморщился, вспоминая. — Выход там, где раньше был вход!

...Лица смеялась, взмахивая руками, что-то говорила, идя по дорожке старого парка... Черный зев фотокамеры хищно щелкал, снимая ее — раз, другой, третий...

— Пленка! — сказал С., открывая глаза.

Задыхаясь, он бежал через город в свою лабораторию.

...Он вынимал из коробок пленки и бросал их в пустую кювету. Потом поджег пленки — и они затлели, темнея и шевелясь плоскими змеями. Вынув из бумажного пакета контрольки, С. мелко изорвал их и бережно ссыпал в костерок.

— Теперь — отпечатки, отпечатки... — бормотал он, глядя, как занимается огнем бумага.

Ржавый висячий замок на лаборатории не поддавался. Чертыхнувшись, С. прекратил бесплодные попытки и, ос-

тавив ключ торчать в покосившемся замке, бегом пересек двор и скрылся в подъезде.

За время его отсутствия гобелен изменился неузнаваемо: огромный рыжий конь хищным глазом откровенно косился на С., замок за ним горел. Языки пламени вырывались из бойниц и окон, гобеленовое небо застилал чад.

На кухонном столе лежала записка жены и ее обручальное кольцо. Фотографий Лики не было.

Несколько секунд, уже поняв и страхась понять до конца, он стоял неподвижно. Рука его поднялась к груди — туда, где лежали они еще час назад.

Как в замедленной съемке, С. снова увидел это: как аккуратно кладет фотографии во внутренний карман плаща и как потом сдирает с него этот плащ патлатый подонок, там, в пивной...

Он застонал, как стонет тяжелораненый, и бессильно привалился к стене. На висящем напротив гобелене чадно горел замок, скакал конь. Стараясь не попадать своими глазами в бешеные глаза коня, С. быстро прошел сквозь коридор и, выйдя, бесшумно прикрыл за собой дверь.

Он вышел из подъезда, и тут же в его слух вползла откуда-то пожарная сирена. Отвратительный, режущий мозг звук становился все ближе, и С., прибавив шагу, почти побежал по проспекту. Мимо него, воя, пронеслась пожарная машина, за ней вторая...

С. оглянулся: машины въезжали в его двор.

Горела его квартира. Чадные языки пламени вырывались наверх, из окон несло отчаянное, грозное ржание.

С. побежал прочь.

«22», «24», «26»... Номера домов на проспекте неумолимо росли, приближая С. к тому перекрестку, где час назад его схватила за плечо рука патлатого детины.

У входа в подвал он остановился и, переводя сбившееся дыхание, медленно несколько раз вдохнул и выдохнул сырой петербургский воздух.

Выбора не было, и он шагнул вниз.

Под его плащом занималась любовью какая-то пара. Под взглядами десятка подонков С. пересек пивную. Никто не встал у него на пути. Молча рывком он сдернул плащ с переплетенных тел.

И только тут обитатели подвала начали понимать, что это не галлюцинация. С. нащупал во внутреннем кармане плаща плотные квадраты фотографий и, стараясь не делать резких движений, направился к выходу, но, не выдержав, сорвался, побежал вверх по ступенькам.

Пивная взвыла. Вслед ему рванулись, но С. был почти наверху, когда проем загородила чья-то фигура.

Это была горбунья — та, со странных Ликиных похорон. Она улыбалась ему, призывно протягивая руки.

— Мой, мой!.. — радовалась горбунья.

Секунды оказалось достаточно, несколько рук вцепились в него сзади. В отчаянии С. отмахнулся от одного, ударил в лицо другого — плащ вывалился из рук, фотографии веером высыпались из внутреннего кармана на грязные ступени пивной. Он потянулся к ним, но удар ногой свалил его наземь. С. больше не оборонялся — осыпаемый со всех сторон ударами, он ползал по полу, пытаясь собрать карточки. Зажав их обеими руками, он еще сумел встать и шагнуть к ступенькам. Но тут же согнулся пополам и медленно осел на пол.

Все стихло. Худой патлатый детина стоял на ступеньках пивной, недоуменно глядя на окровавленный нож в своей руке. В проеме дверей, светило солнце, голубело небо над крышей дома напротив...

«Скорая помощь» неслась сквозь очнувшийся, оживающий после долгих дождей город. Притормозив на пере-

крестке, она осторожно переползла через рельсы и, повернув, снова надала газу.

С высоты птичьего полета было видно, как, подъехав к дверям приемного покоя больницы, машина остановилась, как санитары вынули оттуда носилки с лежащим на боку человеком и споро внесли их внутрь. Вышедший из больницы фельдшер, засунувшись в кузов, вытащил и внес следом за носилками ком окровавленной одежды. Шофер, выйдя, хлопнул дверцей, обменялся парой слов с идущей через двор санитаркой, хлопнул ее по заду: та дружелюбно взвизгнула.

Небо над колодцем двора сияло безукоризненной голубизной.

Стоя у капота, шофер прикурил и с удовольствием сделал первую затяжку.

Докурив, он вошел в приемный покой. Там, сидя в пальто возле рефлектора — отопительный сезон еще не начался, — фельдшер с интересом рассматривал какие-то фотокарточки.

— Покажи.

Шофер протянул руку, и фельдшер отдал ему несколько отпечатков.

Это были фотографии Лики.

— Сожгите фотографии! — корчась от боли, кричал человек на операционном столе.

— Скорее наркоз, — сказал, входя, хирург.

— Уже дала, — сказала ассистентка.

Хирург поднял на нее удивленные глаза.

— Сожгите! Сожгите их! — требовал человек.

В двух метрах от него, за стеклом, сидел на подоконнике ворон.

— Классная девка, — сказал шофер. — Этого? — Он поднял глаза наверх, туда, где находилась операционная.

— Ага.

— Не повезло, — сказал шофер, выходя.

— Сожгите фотографии! — Человек на операционном столе метался в бреду.

— Еще наркоз, — сказал хирург.

В глазах над повязкой — глазах медсестры-ассистентки — появилось отчаяние. Ворон, кося через стекло пуговичным глазом, внимательно наблюдал за развитием событий.

— Козлов! — позвали из коридора. — В семнадцатую! Сколько тебя кричать?

— Иду! — рявкнул фельдшер. — У, корова!

Фельдшер бросил фотографии на подоконник и вышел. Дверь приемного покоя осталась открытой.

Стрелка на тахометре заползла за отметку, но сознание не покидало человека, лежавшего на операционном столе.

— Сожгите их, — молил С.

— Господи боже мой, — шептала медсестра.

— Ну, — пробормотал хирург. — Ну, давай, выключайся!

Сквозняк хлопнул створкой окна. Ворвавшийся ветер сорвал фотографии с подоконника и бросил их на открытую спираль рефлектора. Через секунду бумага начала темнеть...

— Кажется, берет, — сказала ассистент.

Смутная, почти счастливая улыбка осветила лицо человека в операционной. Сознание начало покидать его.

...Бумага вспыхнула, язык пламени прожег радостное лицо Лики на фотографии.

...Человек на операционном столе лежал неподвижно.

Пылали окна замка.
Горели фотографии Лики, упавшие на рефlector.
С., спотыкаясь, бежал по старинной аллее. За ним, оскалив зубы, гнался огромный рыжий конь.
Фотографии горели, и горел замок.
Конь приближался.
Пламя жадно лизало фотобумагу.
Конь, храпя, достигал С.; оборачиваясь на бегу, тот видел уже в нескольких метрах от себя развевающуюся рыжую гриву и оскаленные зубы.
Сквозь дым, восходивший над рефlectorом, было видно в проеме окна исчезающее куда-то за ребра крыш солнце. Женская тень легла на освещенную закатом стену приемного покоя.
Конь достигал С. Бешеный глаз навис над бегущим, обрушились сверху копыта, и наступила тишина.
Последняя фотография, догорев, просыпалась в рефlector кучкой серого пепла. Женская тень, качнувшись на розовой от заката стене, исчезла в проеме дверей.
Столбик пепла упал в раковину: хирург курил, сидя на подоконнике. Он поднял глаза — в дверях операционного блока стояла молодая женщина. Это была Лика.
Молодая, такая же прекрасная, какой была на сгоревших фотографиях, но будто бы только очнувшаяся от тяжкого сна, она стояла, не отрывая взгляда от стола в глубине операционной.
Она смотрела туда, где еще недавно боролся со смертью — ее смертью — С., а теперь недвижно лежало на столе его накрытое простыней тело.
— Сюда нельзя, — сказал хирург.
С. лежал у самого окна. А за стеклом, уже безразличной к происходящему, сидел ворон. Потом он толкнулся сильными лапами и полетел.

Он летел через северный русский город, над сеткой проводов и цинком крыш...

... пересекал океан...

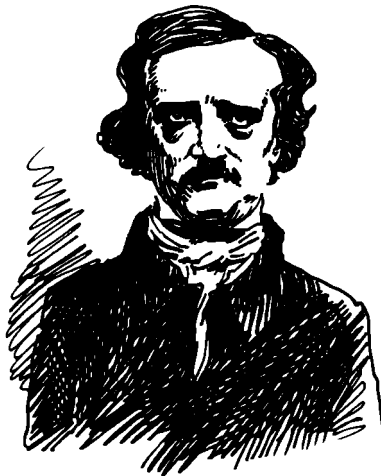
... парил над доками Балтимора —

и в такт его полету шли последние титры фильма:

«В СВОЕЙ АВТОБИОГРАФИИ ЭДГАР АЛЛАН ПО ПИСАЛ, ЧТО ДВА С ЛИШНИМ ГОДА ПРОЖИЛ В РОССИИ, В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ОДНАКО БИОГРАФЫ ДОСТОВЕРНО УСТАНОВИЛИ, ЧТО ЭТО — МИСТИФИКАЦИЯ АВТОРА.

ЭДГАР ПО НИКОГДА НЕ БЫЛ В РОССИИ».

1993

ВЕЧЕРНИЙ ВЫЕЗД

ОБЩЕСТВА СЛЕПЫХ

Утренние галлюцинации
про «Вечерний выезд...»

Не открывая глаз, я нашарил трубку:

— Алло!

— Доброе утро, Виктор, — сказала трубка. — Это Эльдар Рязанов.

Вам утром звонил Эльдар Рязанов? И мне раньше не звонил. Поэтому я, разумеется, сразу проснулся.

— Виктор, — сказал из трубки приятный голос Эльдара Александровича, — я прочел вашу пьесу. Хорошая пьеса. Как вы смотрите на то, чтобы я снял по ней кино?

О-о-о-о, какое начало дня!

Я смотрел положительно.

— Замечательно, — сказал Эльдар Александрович, другого ответа и не ожидавший. — У меня сейчас как раз перерыв между большими картинами, а у вас небольшая пьеса, я посчитал — мы уложимся за двенадцать съемочных дней. Группа у меня прекрасная...

Через минуту мы уже обсуждали распределение ролей.

— Там у вас пара антагонистов, — говорил Рязанов, — я предлагаю: Янковский и Стеклов. Вы как относитесь к Янковскому?

Как я отношусь к Янковскому? О-о-о...

— А к Стеклову?

В постели, не открывая глаз, с трубкой у уха лежал человек. Он лежал, постепенно увеличиваясь в размерах. Это был не хрен с горы, как еще недавно, а соавтор Эльдара Рязанова! Из трубки в ухо лежащему медленно стекал мед...

— Супружеская пара, — говорила трубка голосом всенародно любимого режиссера, — я думаю: Гундарева — Калягин. По-моему, это будет хорошо... Как вы считаете?

Я не заставил себя уговаривать. Я легко согласился на то, чтобы роли в моей пьесе играли Гундарева и Калягин...

Я был удивительно покладистым в то утро.

— А старушку сыграет Ахеджакова, — продолжал Рязанов. — Вы не имеете ничего против Ахеджаковой?

Я не был против и Ахеджаковой! Моя толерантность не знала пределов.

Рязанов продолжал фантазировать еще минут десять. К концу разговора фильм, в сущности, был готов, оставалось снять его за двенадцать съемочных дней с гениальными актерами...

— Да, — сказал классик на выходе из разговора, — и последнее: у вас есть пятьсот тысяч долларов?

— Что? — не понял я.

— Пятьсот тысяч долларов, — просто повторил Рязанов. — Это смета.

Пятисот тысяч долларов у меня не было.

— Странно, — удивился Рязанов. — Вы же на телевидении работаете...

— Да.

— И у вас нету полмиллиона долларов?

Мне стало стыдно.

— Ну хорошо... — смилостивился классик. — Виктор, давайте договоримся так: как только у вас будет полмиллиона — дайте мне знать. Мы снимем замечательное кино!

Этот утренний разговор случился пятнадцать лет назад. Эльдар Александрович! Я коплю.

ВЕЧЕРНИЙ ВЫЕЗД ОБЩЕСТВА СЛЕПЫХ

Комедия

места для пассажиров с детьми
и инвалидов

Вагон метро, поздний вечер: редкие пассажиры. Поезд вдруг замедляет ход и останавливается, наступает тишина. Некоторое время все сидят молча. ПАРЕНЬ и ДЕВУШКА продолжают целоваться.

ДАМА. Кошмар какой-то.

ЛЫСЫЙ. Ровным счетом ничего ужасного.

ДАМА. У тебя всегда все в порядке.

Пауза.

ОЧКАРИК. Приехали. «Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны».

ПЬЯНЫЙ (*просыпаясь*). Что?

ОЧКАРИК. Спи, дядя. Спи, все в порядке.

ПЬЯНЫЙ. Какая станция?

ОЧКАРИК. Станция «Туннель».

ПЬЯНЫЙ (*подумав*). Мне плохо.

ОЧКАРИК. Кому сейчас хорошо?

ЛЫСЫЙ (*кивнув на целующихся*). Им.

ОЧКАРИК. Это ненадолго.

МАЛЬЧИК. Бабушка, а почему мы стоим?

БАБУШКА. Сейчас поедem.

Пауза. ПАРЕНЬ и ДЕВУШКА продолжают целоваться.

ДАМА. Мы вам не мешаем?

ПАРЕНЬ. Ничуть.

ДАМА. Ни стыда, ни совести!

МУЖЧИНА. Эй! Нажмите там кнопку.

ОЧКАРИК. Зачем?
Мужчина. Вам ближе.
ОЧКАРИК. И что?
Мужчина. Спросите у машиниста: долго еще будем
стоять?
ОЧКАРИК. А он-то откуда знает?
Мужчина. А кто знает?
ОЧКАРИК. Никто не знает.
Мужчина. Вам что, трудно нажать кнопку?
ОЧКАРИК. Вы настаиваете?
Мужчина. Да.
ОЧКАРИК. Хорошо, нажал.
Мужчина. Теперь спросите.
ОЧКАРИК. Да у меня, собственно, нет вопросов.
Мужчина. Почему вы улыбаетесь?
ОЧКАРИК. А что?
Мужчина. Не надо улыбаться.
ОЧКАРИК. Почему?

Мужчина, не отвечая, подходит к панели экстренной связи и
нажимает на кнопку.

Мужчина. Алло! Алло, машинист! Что случилось?
Почему стоим? Алло!
ОЧКАРИК. А вдруг он умер?
Мужчина. Кто?
ОЧКАРИК. Машинист.
Мужчина. Да вы что?
ОЧКАРИК. А что? Дело нехитрое: вот у дедушки
спросите...
Дедуля. Чаво?
ОЧКАРИК. Ничего-ничего. Отдыхаем.
Мужчина. А помощник машиниста? Он тоже умер?
ОЧКАРИК. Зачем? Помощник жив. Он сидит над те-
лом машиниста и плачет. Тот был ему как отец. Подобрал на
улице, дал в руки профессию. Передавал секреты мастерства...

ДАМА. То, что вы говорите, возмутительно!

ОЧКАРИК. Правда?

ДАМА. Да!

ОЧКАРИК. Тогда извините меня. Машинист жив. Помощник не плачет. Я пошутил.

ДАМА. Между прочим, очень глупые шутки.

ОЧКАРИК. А сидеть с важным видом под землей — не глупо?

ДАМА. Так, это уже слишком. (*Мужу.*) Мужчина ты или нет?

ЛЫСЫЙ. Почему это заинтересовало тебя именно сейчас?

ДАМА. Потому что ты позволяешь всяким наглецам разговаривать со мной в таком тоне!

ЛЫСЫЙ. Он и не думал с тобой разговаривать. Тебе показалось.

МУЖЧИНА (*в динамик*). Алло! Машинист! В чем дело? Долго мы еще будем тут стоять?

Пауза.

Немедленно ответьте! Отвечайте, когда вас спрашивают! Козлы!

ГОЛОС ИЗ ДИНАМИКА. Сам ты козел!

ОЧКАРИК. Вы давеча были правы: он жив.

МУЖЧИНА. Ах, ты!.. (*Ожесточенно жмет на кнопку, потом бьет по динамику.*) Отвечай! Отвечай, гад!

ОЧКАРИК. Слушайте, вот я смотрю на вас, смотрю... У меня такое ощущение, что вы куда-то торопитесь.

МУЖЧИНА. Не ваше дело!

ОЧКАРИК. Конечно не мое. Просто интересно: куда?

Пауза.

Быть может, оно того не стоит? А?

МУЖЧИНА. Помолчи, умник.

ОЧКАРИК. Молчу, молчу...

Несколько секунд наблюдает за тем, как жмет на кнопку
Мужчина.

ОЧКАРИК. Кстати, один раз вы уже не прислушались к моим словам — и что же? Поезд стоит, как стоял, а вас, если я только не ослышался, публично назвали козлом.

Мужчина. Чего тебе надо, ты?

ОЧКАРИК. Ничего.

Мужчина. Ну и молчи.

ОЧКАРИК. Молчу.

Мужчина жмет на кнопку.

Мужчина. Прекратите смотреть!

ОЧКАРИК. Говорить нельзя, смотреть нельзя... Да вы тиран!

Мужчина. Чего тебе надо?

ОЧКАРИК. Вы уже спрашивали.

Мужчина жмет на кнопку.

ОЧКАРИК. Господи боже мой! Ну не будьте же вы опять... травоядным! Вы можете жать на эту кнопку или на голову этого дедушки — скорее не поедем.

Дедуля. Чаво?

ОЧКАРИК. Кочумай, дед, все замечательно! Ну давайте поговорим как люди, а? Все равно же сидим. Куда вы так торопитесь?

Мужчина. Почему это вас интересует?

ОЧКАРИК. Просто так.

Мужчина. Ничего не бывает просто так.

ОЧКАРИК. Вы уверены?

МУЖЧИНА. Уверен.

Пауза.

ОЧКАРИК. Хорошо, я открою вам тайну. Я из органов.

ДАМА. Прекратите! Прекратите паясничать, слышите?

А вы прекратите целоваться!

ПАРЕНЬ. А вы не смотрите.

ДАМА. Я сама знаю, куда мне смотреть!

ПАРЕНЬ. Тогда смотрите.

Целуются.

ДАМА. Какая гадость!

МУЖЧИНА. Козел ты, а не работник органов.

ОЧКАРИК. А может, я и то и другое?

МУЖЧИНА. В органах не держат болтунов.

ОЧКАРИК. Откуда вы все знаете?

МУЖЧИНА. Да уж знаю.

ОЧКАРИК. Не смею спорить. Но помните: отказ от помощи следствию — усугубляет... Итак, версия первая: вы спешите к возлюбленной! Кто за эту версию? Правильно, никого. Вы не похожи на Ромео. Хотя убить, кажется, можете.

ДАМА. Вы, молодой человек, не из органов. Вы, наверное, из цирка.

ОЧКАРИК. В некотором смысле.

ДАМА. Но здесь — не цирк.

ОЧКАРИК. А что здесь?

ДАМА. Здесь — метро.

ОЧКАРИК. Простите! Метро — это вид транспорта. А мы сидим, как тушканчики, под землей и понятия не имеем, когда увидим свет божий. Так что это — не метро.

ДАМА. А что же это?

ОЧКАРИК. Поживем — увидим. Может быть, как раз и цирк. Может, чья-то лабораторная колба. А может, могильник.

МАЛЬЧИК. Бабушка, а что такое «могильник»?

Пауза.

ПЬЯНЫЙ (*просыпаясь*). Где мы?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Этот вопрос мы как раз и обсуждаем.

ПЬЯНЫЙ. Мне плохо.

МУЖЧИНА. Слушайте, в чем дело? Нам всем надо поскорее выбраться отсюда, а мы слушаем этого балабола вместо того, чтобы что-нибудь придумать!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я уже придумал. Вам надо срочно отойти в сторону.

МУЖЧИНА. С какой стати?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. На всякий случай.

ПЬЯНЫЙ. М-м-м-м...

МУЖЧИНА (*отпрыгивая в сторону*). Эй! Ты!..

ДАМА. Его сейчас вырвет!

ЛЫСЫЙ. Это несомненно.

ОЧКАРИК. Дядя! Стой! Потерпи! Не высказывайся на людях!

ПЬЯНЫЙ. Га-а-а...

Общее смятение.

ОЧКАРИК. Ну вот. А вы говорите — метро.

ДАМА. Безобразие! Господи, ну почему я должна находиться среди этой мерзости?

ЛЫСЫЙ. Мы все находимся здесь.

ДАМА. Мне плевать на всех! Меня бесит твое вечное смирение!

ЛЫСЫЙ. Что поделать, дорогая. Все сущее — разумно!

ДАМА. Кто тебе это сказал?

ЛЫСЫЙ. Гегель.

ДАМА. Твой Гегель — идиот! Мне надоело! Зачем я вообще не осталась дома?

ЛЫСЫЙ. Я задавал себе этот вопрос весь вечер.

ПЬЯНЫЙ. Га-а-а...

ДАМА. Да уберите же его отсюда!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Куда?

ОЧКАРИК. Господа! Не дадим чьей-то рвоте помешать поиску истины! Игак, куда же торопится самый нетерпеливый из нас? Версия первая — к возлюбленной — не набрала необходимых двух третей голосов...

МУЖЧИНА. Парень, ты что, больной?

ОЧКАРИК. Это откуда смотреть. Если с вашей каланчи, то конечно.

МУЖЧИНА. Сам ты каланча.

ОЧКАРИК. Отличный ответ! Однако к делу. Версия вторая: вы шпион и торопитесь на явку.

Глубокая пауза. Мальчик высовывается из-за бабушки и восхищенно смотрит на Мужчину.

ОЧКАРИК. Ну ладно, ладно, пошутил. Закрой рот, мальчик. Вы не шпион. Вы член Ордена милосердия и спешите к одинокой больной бабушке, жертве коммунистического режима. Угадал?

МУЖЧИНА. Кретин!

ОЧКАРИК. Действительно. Как я мог такое про вас подумать! Все бабушки мира перемрут с голоду, прежде чем вы вспомните об их существовании.

МУЖЧИНА. У тебя все?

ОЧКАРИК. Да ну какое там «все» — полный коробок версий! Вы директор СП с нашей стороны и опаздываете на бизнес-ужин с ихней стороной... Вы — язычник и торопитесь на вечернее жертвоприношение. Вы, наконец, комму-

нист-ленинец, и вас ждут в Минске четверо товарищей для празднования годовщины Первого съезда РСДРП... А?

МУЖЧИНА. Козел. Ну ты козе-ол...

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Простите, что вмешиваюсь, но ваша первая версия никуда не годится.

ОЧКАРИК. Почему?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Директор СП — в метро?

ОЧКАРИК. А у него «тойоту» угнали.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. И вещи из квартиры вынесли?

ОЧКАРИК. С чего вы взяли?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. В таких... штанах — на бизнес-ужин?

ОЧКАРИК (*оценив*). Да. Это не директор СП. Беру свои слова назад. (*Мужчине.*) Видите, я умею признавать ошибки! (*Гражданину в плаще.*) Стало быть, либо язычник, либо коммунист-ленинец.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Вот, другое дело...

Пауза.

МУЖЧИНА. Вы что, из одного дурдома сбежали?

ОЧКАРИК. Увы. Те, кто сбежали из дурдома, живут себе где-нибудь на Лонг-Айленде и давно забыли, как выглядит метро. Впрочем, там тоже дурдом, только условия лучше. А мы, как видите, здесь. И что самое печальное: у наших лечащих врачей — там, наверху — тот же диагноз, что у нас... Так что ваша версия не проходит. Может быть, есть другие?

Пауза.

Жаль.

ДАМА. Вы, наверное, считаете себя самым умным здесь.

ОЧКАРИК. Ну что вы, как можно.

ДАМА. Я же вижу.

ОЧКАРИК. Что?

ДАМА. Считаете себя самым умным.

ОЧКАРИК. Ну, если вы настаиваете...

ДАМА. Нахал! Вместо того чтобы что-нибудь сделать, сидите тут нога на ногу и поливаете всех грязью.

ОЧКАРИК. Мадам, по первому пункту ваших претензий я уже замечал, что сделать нам ничего нельзя. Пункт второй. Я могу не сидеть нога на ногу и даже готов пройтись несколько раз туда-сюда, если это примирит вас с действительностью. И наконец, относительно грязи. У меня и в мыслях не было обижать вас, равно как и нашего нетерпеливого товарища по несчастью. Я только отвечал на его вопрос относительно, как он выразился, дурдома. Мы с коллегой придерживаемся того прискорбного мнения, что вся наша жизнь — клиника... Но, я вижу, вы не согласны?

ДАМА хмыкает.

ОЧКАРИК. И отказываетесь считать себя членом нашей дружной спятившей семьи?

ДАМА. Хватит кривляться!

ОЧКАРИК. Правильно! Ощущение собственной полноты — характерный симптом для пациентов именно вашего профиля. Только не волнуйтесь!

ДАМА. Вы абсолютно аморальный тип. Ваше присутствие оскорбительно для нормальных людей. И не впутывайте нас в свою компанию!

ОЧКАРИК. Мадам, в эту компанию всех нас привела сама Судьба! Всесильные парки сплели нити наших жизней...

МУЖЧИНА. Не надо ля-ля!

ОЧКАРИК. Простите, как вы сказали?

МУЖЧИНА. Не надо ля-ля!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Не могли бы вы пояснить свою мысль чуточку доступнее?

Мужчина. Могу. Вы сами по себе, а мы сами по себе. Ясно?

Гражданин в плаще. Предельно. Но, извините, от вас я такого не ожидал...

Мужчина. Не понял.

Гражданин в плаще. Женщине простительно, но вы, уж вы-то должны признать, что находитесь в нашем отделении с полным основанием!

Мужчина. Я сказал: не надо ля-ля! Я совершенно нормален.

Гражданин в плаще. Пардон. Только что, на наших глазах, вы били кулаком по куску пластмассы, требуя от него ответа... Так что говорить о норме не приходится. Может быть, ваш случай в нашей палате самый тяжелый.

Мужчина. Скопище козлов. Козлы. Все козлы.

Гражданин в плаще. И кстати, зря вы упорствуете. Сознались бы, в самом деле, — куда торопитесь? И вам бы полегчало, и людей бы не мучили. Все свои... Не хотите? Ну, вольному воля.

Очкарик. Золотые ваши слова! Правда, дедуля?

Дедуля. Чаво?

Очкарик. Я говорю: правда, торопиться некуда?

Дедуля. Парамонов я!

Очкарик. Орел!

Мужчина. Козлы!

Очкарик. А в самом деле, господа, чего мы там, наверху, не видели? Ваше мнение, коллега?

Гражданин в плаще. Предлагаю поставить на голосование вопрос о сохранении статус-кво. Посидим, поговорим...

Дама. Глупо!

Гражданин в плаще. А у вас, я вижу, очень высокие требования к окружающим. И тем не менее, вот лично вы — что там забыли?

Дама. Нормальную жизнь!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Ту, где вам плевать на всех?

ДАМА. А если и так?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. У вас милое представление о норме. *(Лысому.)* Кстаги, что говорит об этом Гегель?

ЛЫСЫЙ. Гегель молчит. Только регулярно утирается.

ДАМА. Ах, вот как?

ЛЫСЫЙ. Но если ваш вопрос касается и меня, то могу сказать, что лично я там, наверху, видел практически все и даже много лишнего. Так что я никуда не спешу.

ОЧКАРИК. О! Еще один наш! И Парамонов тоже «за»... Подними руку, дедуля! Вот... *(Показывая на Парня с Девушкой.)* И эти двое... просто у них руки заняты. Большинство!

ДАМА. Слушайте, да они же... Ну, это уже вообще!

БАБУШКА. Ребятки, потерпели бы до дому? Ей-богу, а?

ПАРЕНЬ. Сколько можно терпеть-то?

ДЕВУШКА. Он же стоит!

ДАМА. Фу, какой срам!

ЛЫСЫЙ. Дорогая, она имела в виду поезд!

ПАРЕНЬ. Ну, хорош глазеть, не в кино!

ЛЫСЫЙ. В самом деле, пересядем...

ДАМА. Вот еще! Х-ха!

БАБУШКА. Петя, пошли отсюда.

МАЛЬЧИК. Я хочу посмотреть!

БАБУШКА. Нечего там смотреть!

МАЛЬЧИК. Ну да, нечего...

БАБУШКА. Петя, идем!

МАЛЬЧИК. А тетя смотрит!

ЛЫСЫЙ. Ей уже можно.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Петр, это не «Чип и Дейл». Глазки вылезут.

ОЧКАРИК. Бабушка тебе потом все расскажет. Отвернись на полчаса.

ЛЫСЫЙ. Полчаса? Вы их переоцениваете.

ОЧКАРИК. Я вижу, вы не верите в нашу молодежь.

ЛЫСЫЙ. Не верю. Минут десять-пятнадцать, от силы.
БАБУШКА. Пойдем, Петенька, я тебе яблочка дам...
МАЛЬЧИК (*вырывается*). Сама ешь свое яблочко!
Я развитой мальчик! Мне уже можно!
БАБУШКА (*хватая его в охапку и уволакивая прочь*).
Я тебе покажу «развитой»!..
МАЛЬЧИК. А-а-а!
ОЧКАРИК. Не меньше двадцати минут. Пари?
ЛЫСЫЙ. Пари.
ОЧКАРИК. Коньяк?
ЛЫСЫЙ. Идет.
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я разобью.
ЛЫСЫЙ. Засаекаю. Время пошло.
ДАМА. Поздравляю. Ты докатился.
ЛЫСЫЙ. А чего сидеть без дела?
ДЕВУШКА. О-о-о...
ДАМА. Какая мерзость!
ОЧКАРИК (*Парню*). Дружище, не торопись!
ЛЫСЫЙ. Не слушайте ничьих советов, молодой человек, покажите нам все, на что способны!
ПЬЯНЫЙ. Га-а-а...
ЛЫСЫЙ. Да я не вам!
МУЖЧИНА. Козлы!
ДАМА. Кончится это когда-нибудь или нет?
ОЧКАРИК. Мы как раз поспорили об этом с вашим мужем.
ДАМА. Размазня он, а не муж! Нашел себе приятелей!
ОЧКАРИК. Каждому свое. У нас пари, у них — любовь, вы с язычником силой воли поезда подгоняете...
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Кстати о поезде, соратники. Стоит и стоит. Любопытно, что бы это все-таки значило?
ОЧКАРИК. Ваша гипотеза?
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Дайте подумать.
МУЖЧИНА. Да ладно, «гипо-отеза»! Ученые, блин!

(Бьет ногой по двери.) Сломался к чертовой матери, совок вонючий, и вся гипотеза!

ОЧКАРИК *(Гражданину в плаще.)* Он не язычник. Он таки коммунист-ленинец. *(Мужчине.)* Слушайте, из вас можно и нужно делать гвозди! Ну почему, если поезд остановился, где ему не положено, то он непременно сломался? Все может быть гораздо интереснее...

МУЖЧИНА. Глупости!

ОЧКАРИК. Знаете, вы до сих пор живете по Птолемию, в центре мироздания... Очнитесь! Ваша чугунная логика давно не пляшет! Мир огромен и непостижим! Уже сто лет кратчайшей между двумя точками может оказаться кривая!

МУЖЧИНА. Не надо ля-ля!

ОЧКАРИК. Господи боже мой! Ну хорошо. Скажите, что делают там эти двое?

МУЖЧИНА. Они трахаются.

ОЧКАРИК. Чрезвычайно поверхностное наблюдение! То есть они, несомненно, трахаются, но не исключено, что она в настоящий момент переживает глубочайшее внутреннее перевоплощение, а он — в тот же самый, заметьте, момент! — просто мстит какой-нибудь блондинке.

ДЕВУШКА. О-о-о...

ЛЫСЫЙ. Простите, что перебиваю, но, по-моему, там — все!

МУЖЧИНА. При чем тут вообще эти двое?

ОЧКАРИК. Это пример!

МУЖЧИНА. Пример — чего?

ОЧКАРИК. Неэвклидовой геометрии бытия!

МУЖЧИНА. Не надо ля-ля!

ОЧКАРИК. Тьфу!

МУЖЧИНА. Мы говорили о поезде.

ОЧКАРИК. Но поезд ехал во Вселенной! Как вы не понимаете: к этой остановке в тоннеле могло привести все, что угодно!

Мужчина. Что? Кто-то перепилил рельсы?

Очкарик. Слишком прямая связь. Действительность всегда чуточку неочевиднее. Распрягите фантазию, и она приведет вас к месту сама! За десятки километров отсюда, на шлюзе Москвы-реки, дежурный, не выспавшийся из-за того, что соседи праздновали йом-кипур...

Мужчина. Что они праздновали?

Очкарик. Не важно!

Мужчина. Но я не понял!

Очкарик. Выбросьте из головы! Дежурный, говорю я, с недосыпу нарушил правила техники безопасности! Произошел громадный сброс воды. Вода хлынула в подземные реки и начала размывать стены туннеля. Могло такое случиться или не могло?

Дама. Да вы что? Вы что!

Очкарик. При чем тут я? Это дежурный по шлюзу.

Дама. Не смейте говорить такое! Это ужасно!

Очкарик. Я только предполагаю. Возможно, для беспокойства нет никаких оснований, и у дежурного вообще нет соседей, и все выспались, и никто не нарушал правил техники безопасности. А просто, пока мы ехали, какой-нибудь восточный умелец объявил джихад, а министр путей сообщения оказался исламским фундаменталистом. И вот мы сидим тут с вами под землей и коротаем время в приятной беседе в ожидании слуг Аллаха. А? Что? Не хотите джихада? Хорошо, вот вам совсем простенький, семейный вариант: от машиниста ушла жена к другому машинисту, и он протестует...

Гражданин в плаще. Или к власти пришли кроты.

Пауза.

Очкарик. Что?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Кроты. Кто заглядывал к ним в душу? Согласитесь, с точки зрения кротов метро — это оккупация. Кто может поручиться, что все эти годы они рыли свои ходы просто так?

ОЧКАРИК. Мама родная!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. То-то и оно. И вот... Сегодня у нас какой день?

МУЖЧИНА (*ошарашенно*). Среда.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Правильно. А в прошлую пятницу они собрались под станцией Лось...

МУЖЧИНА. Почему под станцией Лось?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. А они всегда там собираются.

Пауза.

Я продолжаю. К этому времени почти все было уже готово: конечно, они давно знали планы подземных коммуникаций и заранее отрыли ходы под пересадочные узлы. Осталось наметить число... Что вы так на меня смотрите?

МУЖЧИНА. Вы говорите о кротах?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Да.

МУЖЧИНА. Но... Этого же не может быть!

Пауза. Все уже давно не отрываясь смотрят на Гражданина в плаще.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я вижу, мне придется начать ab ovo...

МУЖЧИНА. Не понял.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Это по-латыни. «Ab ovo» — значит «с самого начала», «с яйца».

МУЖЧИНА. Они откладывают яйца?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Не отвлекайтесь. Слушайте. После войны на одном из засекреченных объектов под

Москвой биологи начали выводить особую породу кротов-мутантов для диверсионных целей. Кроты были выбраны не случайно. Известно, что они — самые жестокие существа на Земле. Встречи в подземных ходах никогда не заканчиваются бескровно. Львы и волки оставляют побежденного соперника в живых, кроты — никогда. Слепые, в полной тьме, они сражаются до тех пор, пока один из них не умрет.

ЛЫСЫЙ. Это правда.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Курировал проект лично Берия. Животных облучали, воздействуя на генетический код.

ОЧКАРИК. Да-да, я читал в «Огоньке»...

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Результатов не было. Кроты мерли. В начале пятидесятых проект был закрыт, лабораторию разогнали: лженаука и всякое такое... А уцелевших животных выпустили в окрестные поля.

ОЧКАРИК. Роковая ошибка!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Да, но кто же мог знать?! Излучение дало результаты через два поколения: уже совершенно бесконтрольно начали появляться крупные, почти человеческих размеров особи с повышенной агрессивностью. Вначале это были одиночные нападения на ночные смены проходчиков метро...

ДАМА. Боже мой!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Но вскоре они прекратились — и прекратились словно по чьей-то команде... Вы уже догадываетесь?

МУЖЧИНА. Нет.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Облучение дало еще один страшный эффект. У кротов появилась иерархическая структура, вроде той, что существует у крыс и людей: подчинение всех одному, самому сильному... У них появилась организация. Почти все, что рождалось в чьем-то подземном мозгу, теперь могло стать реальностью... О! Вы слышите?

Мужчина. Что? Что?!

Пауза.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Кажется, показалось.

ПАРЕНЬ. Мужик, это ты что — серьезно?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Хотел бы я, чтобы это оказалось шуткой.

ДЕВУШКА. Серез, ну ты чего?

ПАРЕНЬ. Погоди.

Мужчина. Не мешайте, вы, там! Говорите, говорите!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Они готовились много лет. Они посылали наверх мутантов-разведчиков... Вы заметили, в последнее время в метро стало гораздо больше слепых...

ДАМА. Ах!

Мужчина. Это?..

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Да. Они готовились. Они копили силы. И вот, кажется, их час настал. Уже в понедельник гигантские кроты-мутанты были готовы парализовать поезда в туннелях, но что-то им помешало...

ОЧКАРИК. Я думаю, дождь.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Дождь?

ОЧКАРИК. В ночь на понедельник шел сильный дождь. Шел или нет?

Мужчина. Шел.

ОЧКАРИК. Ну вот. А в это время кроты хуже слышат, ведь они переговариваются на высоких частотах...

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Да-да! Наверное. Но, как бы то ни было, вчера дождь прекратился...

Мужчина. И что?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Вы еще спрашиваете?

Пауза. Где-то внутри состава раздается скрежет.

МАЛЬЧИК. А кроты — это мыши?

ДАМА. Я хочу наверх! Немедленно, сейчас же сделайте так, чтобы я была наверху!

ЛЫСЫЙ. Дорогая, тебе ли бояться кротов?

ДАМА. Я не хочу здесь, не хочу, не хочу!

МАЛЬЧИК. Дядь, а кроты скоро будут?

ПАРЕНЬ. Эй, вы чего все, а?! (*Девушке.*) Чего тебе?

ДЕВУШКА. Поцелуй меня вот сюда...

ПАРЕНЬ. В мозг тебя не поцеловать? Ты слушай, чего говорят-то!

ДЕВУШКА. Сереж, ты меня любишь?

ПАРЕНЬ. Дура!

Мужчина подходит к кнопке экстренной связи, поднимает руку, медлит. И все-таки решается.

МУЖЧИНА. Алло! Кто-нибудь, ответьте! Ответьте, я прошу вас.

В динамике — тишина.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Похоже, вам никто не ответит больше.

МУЖЧИНА. Но кто-то же называл меня козлом!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я не хочу вас расстраивать, но для того, чтобы назвать вас козлом, необязательно быть машинистом!

Пауза.

ОЧКАРИК. А может, все-таки — шлюз?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Давайте наконец назовем вещи своими именами. Шлюз, джихад — все это всего лишь наши безобидные фантазии. Бегство от реальности. Все гораздо серьезнее.

ДАМА. Господи, спаси и сохрани! Господи, спаси и сохрани! (*Начинает истово креститься.*)

ОЧКАРИК. Она — верующая?

ЛЫСЫЙ. Сам удивляюсь!

МУЖЧИНА. Что же нам делать?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Ждать.

МУЖЧИНА. Чего?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я бы на вашем месте приготовился к худшему.

МУЖЧИНА. А на вашем?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я готов к худшему уже давно. С тех пор, как узнал обо всем этом.

МУЖЧИНА. Да? А как вы узнали?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Я не могу вам этого сказать.

МУЖЧИНА. Понимаю.

Пауза.

ДЕДУЛЯ (*вдруг, очень громко*). Товарищи! Почему стоим?

БАБУШКА (*в страшном испуге*). Тс-с-с!

ДЕДУЛЯ. Чаво такое?

БАБУШКА (*в ухо, громким шепотом*). Кроты!

ДЕДУЛЯ. И чаво?

БАБУШКА начинает плакать. ПЬЯНЫЙ, очнувшись, подходит к двери и смотрит наружу тусклым взглядом. Потом оборачивается и натывается все тем же взглядом на ДАМУ.

ПЬЯНЫЙ. Э! Тетка! Действительно, чего не едем?

ДАМА. Гадость, гадость!

ПЬЯНЫЙ. Мне самому плохо, чего кричать-то! (*Лысому.*) Слышь, друг, разбудишь во Владыкино. (*Ложится.*)

МУЖЧИНА. Надо что-то предпринять! (*Трет ладонями лицо.*) Надо срочно что-то предпринять!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Что?

МУЖЧИНА. Откуда они могут... прийти?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Отовсюду. За пределами этого вагона — их территория...

ПАРЕНЬ. Слушайте, что за... Берия-шмерия! Вы что? Кроты не ходят! Кроты вот такие вот, маленькие! Этого всего не бывает, что вы тут говорили!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Откуда вы знаете?

ПАРЕНЬ. От верблюда! Кроты не разговаривают на высоких частотах!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. А на каких же они, по-вашему, разговаривают?

ПАРЕНЬ. Ни на каких они не разговаривают! Они вообще молчат!

МУЖЧИНА. Дурак!

ПАРЕНЬ. А за дурака я тебе сейчас ряшку на куски порву. Хочешь?

МУЖЧИНА. Ты что, тупой? Ты что, до сих пор ничего не понял?

ПАРЕНЬ. Я понял. Я понял, что вы все либо обкурились, либо природой поврежденные.

ДЕВУШКА. Сереж, да ну их, Сереж...

ПАРЕНЬ. Да крыша у меня от них едет! Кроты — не разговаривают! Не разговаривают кроты!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. То есть вы хотите сказать, что никогда не слышали их разговора?

ПАРЕНЬ. А вы — слышали?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. А вы слышали, как летит через ночь летучая мышь? Слышали, как, не видимая никем, ползет к спящему каравану змея? Как рассекает черную толщу воды акула-убийца? Что мы вообще знаем о жизни за пределами нашего слуха — мы, стоящие на еле освещенном полустанке цивилизации, посреди враждебного мира?

ПАРЕНЬ (*перепуганный*). Мужик, ты чего?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Он не слышал!

ОЧКАРИК. Какая самонадеянность!

ДАМА. Господи, спаси и сохрани!

ЛЫСЫЙ. Вряд ли Господь начнет спасательные работы именно с нас.

МУЖЧИНА. Скажите... Вам что, совсем не страшно?

ЛЫСЫЙ. Нет.

МУЖЧИНА. Но почему?

ЛЫСЫЙ. Реинкарнация.

МУЖЧИНА. Что?

ЛЫСЫЙ. Переселение душ. После смерти я превращусь в ворона и проживу еще триста лет.

МУЖЧИНА. А я?

ЛЫСЫЙ. Вы верите в реинкарнацию?

МУЖЧИНА. Нет.

ЛЫСЫЙ. А во что вы верите?

МУЖЧИНА. Да я, собственно...

ЛЫСЫЙ. Я вижу, вы еще не сформулировали.

МУЖЧИНА. Еще нет.

ЛЫСЫЙ. Тогда извините.

МУЖЧИНА. Не понял.

ЛЫСЫЙ. Тогда вам кранты.

МУЖЧИНА. Какие кранты?

ЛЫСЫЙ. Обыкновенные советские кранты. Отсутствие реальности, данной в ощущениях. Вам как коммунисту после смерти больше ничего не положено.

МУЖЧИНА (*чуть не плача*). Я не коммунист! Что вы привязались ко мне! Я на футбол ехал! «Спартак» играл с этими... (*Пораженный.*) Забыл!

ДАМА. Господи, спаси и сохрани!

МУЖЧИНА. Это я что же, не увижу финала?

ЛЫСЫЙ. Смотря о каком финале речь.

Тяжелый скрипучий звук проходит по составу. Мужчина вскакивает и прижимается спиной к торцу вагона.

МУЖЧИНА. Они?
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Кто?
МУЖЧИНА (*одними губами*). Кроты?
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Кому ж еще...
ОЧКАРИК (*трагически*). Прощайте! Простите и вы,
если что не так...
ПАРЕНЬ. Эй! Вы чего? А? Не, вы что, серьезно?
ДАМА. Да сделайте же что-нибудь!
МУЖЧИНА. Нас тут пятеро мужчин. Дед и алкаш
не в счет. Пятеро! Просто так мы не сдадимся. Каким-то
му...
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Мутантам.
МУЖЧИНА. Да! Каким-то, блядь, кротам! Да я им
яйца поотшибаю, сукам! Да я... Что?
ОЧКАРИК (*сдавленно*). Ничего. (*Он сидит, согнув-
шись пополам и закрыв лицо ладонями.*)
МУЖЧИНА. В чем дело?
ОЧКАРИК. Уй...
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Простите, я тут... (*Выни-
мает платок, притворно сморкается.*)
МУЖЧИНА. Вот как. Значит...
ОЧКАРИК. Ох! Все! Не могу! Извини, старик! Уй!
Все! А-а-а!

Хохочет в голос. Через несколько мгновений к нему присоеди-
няется ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Они хохочут, колотя себя и друг
друга ладонями по коленкам и плечам, они воют и скулят от про-
рвавшегося наружу смеха.

МУЖЧИНА. Вот, значит, как...
ЛЫСЫЙ. Если я не ошибаюсь, кроты отменяются?
ОЧКАРИК. Ну, класс! Ай, какой класс!
ПАРЕНЬ. Ну, вы, мужики, даете. Ну вы ваше отвя-
занные...
ДЕВУШКА. Сереж, поцелуй меня знаешь куда?

ПАРЕНЬ. Да с удовольствием!

ДАМА. Мерзавцы! Мерзавцы, оба!

ЛЫСЫЙ. Твои молитвы подействовали! *(Тоже начинает смеяться.)*

ОЧКАРИК. Ой, сейчас сдохну! Дедуля! Как тебя! Парамонов! Что ж ты глухой такой, а? Таковую мульку пропустил...

ДЕДУЛЯ. Сынок, я что-то не пойму: поезд, что ль, испортился?

Очкарик, не в силах говорить, несколько раз кивает.

ДЕДУЛЯ. Это, я помню, однажды тоже: вот так стоим, стоим, а потом — басмачи... Не люблю поездов!

БАБУШКА. Предупреждали меня насчет москвичей, но чтоб такое... Тьфу!

МУЖЧИНА *(сухо)*. Я рад, что вам весело.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Извините нас, но вы же сами... Ради бога, простите. И вы тоже. Даже не знаю, что на меня нашло.

МУЖЧИНА. Послушайте, что я вам скажу. Вас надо расстреливать. Всех.

ОЧКАРИК. Неужели — всех?

МУЖЧИНА. Тебя. Тебя. И тебя с твоим Гоголем.

ЛЫСЫЙ. Гегелем.

МУЖЧИНА. Не важно. Всех умников.

ЛЫСЫЙ. И чем же, позвольте осведомиться, займете свой досуг после расстрела? Скучно не станет?

МУЖЧИНА. За меня не беспокойтесь.

ЛЫСЫЙ. А если отменят футбол?

МУЖЧИНА. Футбол не отменят.

ЛЫСЫЙ. А вдруг?

МУЖЧИНА. Не надо ля-ля.

ЛЫСЫЙ *(жене)*. Когда станешь вдовой, обрати на него внимание. Основательный человек.

И вдруг — толчок, и медленно, но все быстрее, быстрее начинают ползти за окнами стены туннеля. И — общий выдох облегчения: «Ну слава богу!» «Поехали!» «Все!» «Наконец-то!»

ОЧКАРИК. Джихад кротам! Ура!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Ф-фу... *(Перестав смеяться, откидывается на спинку сиденья.)*

ОЧКАРИК. Что с вами?

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Ничего. Хорошо, что поехали.

ОЧКАРИК. Да! Хорошо! И-йех! *(Потягивается.)*
Посидели на славу! *(Снова хохочет.)*

ДАМА. Вам надо сидеть в тюрьме.

ОЧКАРИК. Это невозможно. Меня уже расстрелял ваш товарищ.

ЛЫСЫЙ. Знаете, шутки шутками, а ведь я тоже сначала... Ну не то чтобы поверил, но... То есть гляжу на вас, вижу, что сочиняете, а все равно не по себе...

ОЧКАРИК. Еще бы! Берия, кроты-разведчики, слепцы-мутанты... Чистый Голливуд!

ЛЫСЫЙ. А вообще — осторожнее надо с фантазиями.

ОЧКАРИК. Почему вдруг?

ЛЫСЫЙ. Сбываются. В России особенно.

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Да. Что-то повело меня... И откуда такая жуть в голову лезет? До сих пор *(стучит себя пальцем по голове)* сидят, проклятые...

ОЧКАРИК. Ладно, проехали! *(Указывая на Парня и Девушку.)* О, смотрите!

ДАМА. Да что ж такое, а? Опять!

МАЛЬЧИК. Ура-а! Опять!

БАБУШКА. Петя, отвернись!

ЛЫСЫЙ. Кстати, за вами коньяк.

ОЧКАРИК. Куда прикажете доставить?

ЛЫСЫЙ. Ладно, живи...

БАБУШКА. Отвернись, кому сказано!

ОЧКАРИК. Ребята, давайте в темпе, скоро станция!

ЛЫСЫЙ. Не тушуйся, молодежь! В случае чего — сорвем стоп-кран!

ДАМА. Я вас в милицию сдам! Всех!

ЛЫСЫЙ. Верю!

ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Вы слышали? Был какой-то звук...

ДАМА. Хватит, хватит!

ОЧКАРИК *(от дверей)*. Ну, господа-товарищи, спасибо за компанию. Слышь, спартаковец! Последняя просьба перед расстрелом: согласишься, что мир — нелинейная штука!

МУЖЧИНА. Не надо ля-ля!

ОЧКАРИК. Счастливец! Все-то тебе ясно: мяч круглый, поле ровное, да?

МУЖЧИНА. Да!

ОЧКАРИК. Терпенье и труд все перетрут, не плюй в колодец, копейка рубль бережет... Да?

МУЖЧИНА. Да.

ОЧКАРИК. И не надо ля-ля?

МУЖЧИНА. Не надо.

ОЧКАРИК. И все просто?

МУЖЧИНА. Как дважды два.

Пауза. Стук колес все реже.

ОЧКАРИК. Дважды два бывает одиннадцать.

МУЖЧИНА. Дважды два — четыре.

ОЧКАРИК. Чаще, конечно, четыре. Но иногда бывает и одиннадцать. Болельщику «Спартака» это знать не обязательно, но ты поверь на слово. И если поезд остановился в туннеле, то скорее всего это, конечно, поломка, но...

Двери открываются, но Очкарик не выходит, а отшатывается назад. В вагон начинают входить слепые — много, очень много слепых. Стуча палочками, они быстро и организованно рассаживаются по свободным местам. Гражданин в плаще встает и остается стоять.

ДЕВУШКА. Сереж, ты чего? *(Смеется.)* Да они же ничего не видят. Ну, давай...

СЛЕПОЙ *(остановившись возле Гражданина в плаще, писклявым голосом)*. Простите, это место свободно?

Гражданин в плаще молчит.

СЛЕПОЙ. Могли бы и ответить.

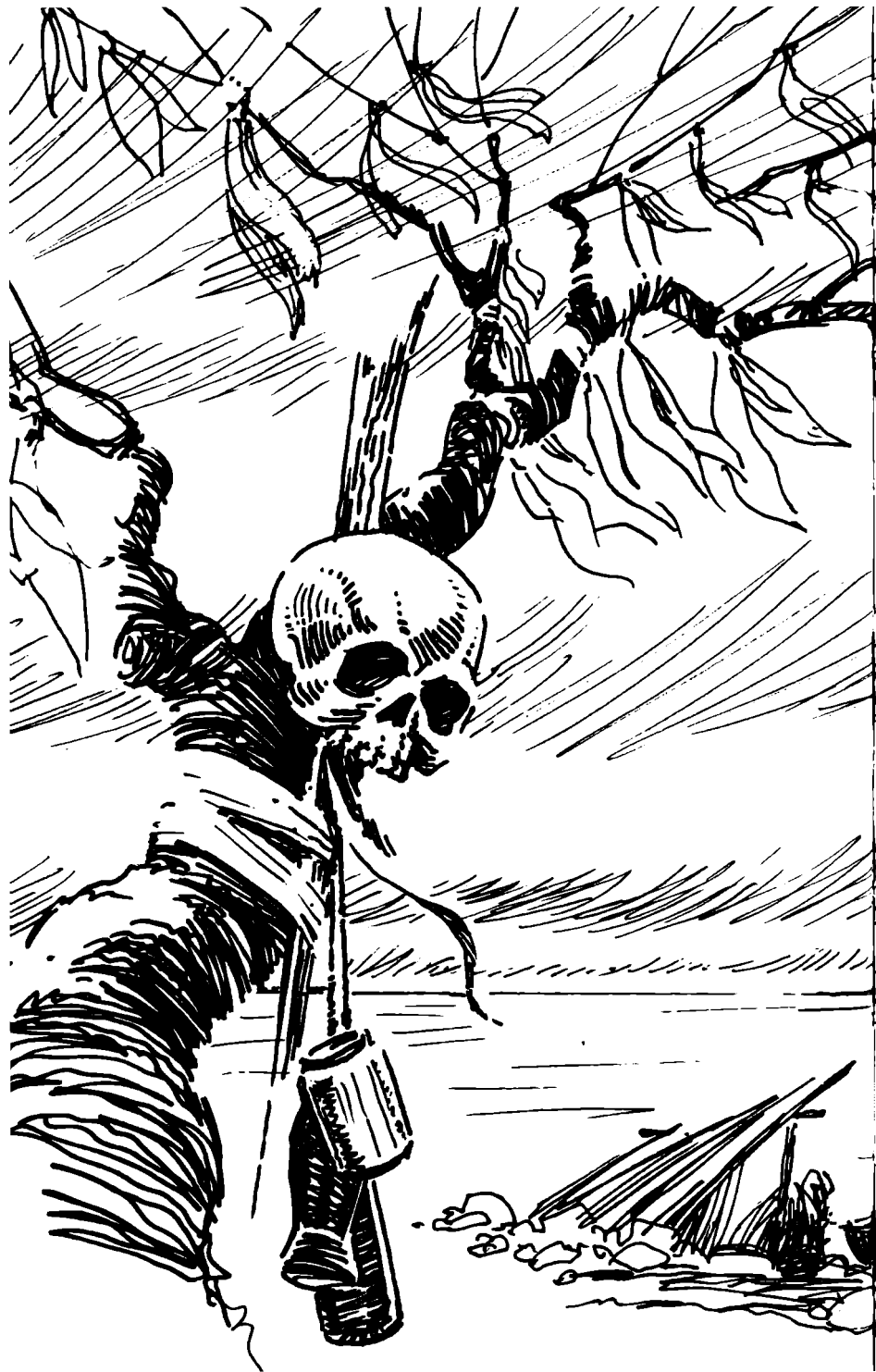
ГРАЖДАНИН В ПЛАЩЕ. Свободно. Садитесь, пожалуйста.

СЛЕПОЙ. Большое вам человеческое спасибо.

Садится и, повернув голову, улыбается Гражданину в плаще, обнажив верхние зубы. Поезд трогается и въезжает в туннель.

1992

Мэзка Швейцера

Напрасные путешествия

«Тезки Швейцера»

Комедия, написанная в 2003 году, вышла черной во всех смыслах слова.

...Во вполне условное людоедское племя приезжает из Европы миссионер — с Евангелием, лекарствами и готовностью убедить милых, но неразвитых аборигенов, что есть другой взгляд на назначение человека... Ну, что-то вроде посланника ОБСЕ лорда Джадда в путинской Чечне.

Собственно, история этого добросердечного лорда, «сожранного» с потрохами нашими «федералами», и стала отправной точкой для метафоры.

Пьесу я отдал в «Табакерку», и Табаков пригласил на постановку режиссера N.

Я пришел на читку в некотором волнении. Я готовил артикуляцию, но артикулировать не пришлось.

— Давайте я прочту вашу пьесу, — предложил режиссер.

И я согласился: интересно же! Вдруг, думаю, пойму концепцию... Был бы не тупой, понял бы концепцию сразу.

— Я там развил некоторые темы, — предупредил N., и за стеклами очков мелькнуло тайное предвкушение гения, приготовившего щедрый подарок человечеству.

Он начал читать и очень скоро дошел до монолога, которого я не писал.

Посмеиваясь в усы от удовольствия, N. развивал мои темы своими словами. Я сидел в испарине. Вокруг меня, отводя глаза, сидели артисты «Табакерки» — сидели в гробовой тишине.

Тут самое время заметить, что писал я комедию.

Такого провала у меня не было со времен юношеской попытки закадрить чувиху в электричке стихами раннего

Пастернака. Но, вместо того чтобы прекратить этот идиотизм, я дождался перерыва и позорно сбежал с читки сам.

Вскоре мне начали звонить артисты — они просили прийти на репетицию и вмешаться, но что я мог сделать? Не должен автор влезать в режиссуру, это сапоги всмятку! Отдал пьесу — терпи.

Я терпел и ждал обещанного Табаковым прогона, чтобы вместе с ним решить судьбу спектакля... Но вместо прогона дождался афишу, где уже объявлялось о премьере «Тезки Швейцера»!

Я бросился звонить Табакову, да только звонить Табакову — это одно, а дозвониться до него — это совсем другое! Табаков в Штатах, Табаков в Хельсинки, Табаков в Бийске, Табаков отдыхает, у Табакова вечером спектакль, Табаков улетел, но обещал вернуться!

И он вернулся, и за три дня до премьеры плачущий голос кота Матроскина прорезался в моем телефоне сам собой.

— Витёк! — сказал голос. — Я это посмотрел! Витёк! Чем так, лучше никак!

О, как он был прав!

Спектакль по моей небольшой пьесе шел почти четыре часа — дальше начинались заповедные владения Някрошюса... Стояла смертная тоска; в претенциозных декорациях ходили актеры, по уши залитые режиссерским цементом. Текст я узнавал не всегда. Опрошенные после прогона костюмерши не смогли пересказать сюжет...

Спектакль Табаков закрыл — при полном моем согласии, разумеется: чем так, лучше никак.

Виньетку к этой печальной истории дорисовал сам Н.

— Слушай! — сказал мне при встрече Александр Ширвиндт. — Тут ко мне заходил режиссер... Фамилия такая странная, забыл... Он говорит, что ставил у Табакова твою пьесу — и так, говорит, остро поставил, что Табаков струсил и отменил премьеру!

От режиссерской трактовки собственного провала я временно онемел.

— Что ты там опять написал? — с тревогой спросил Ширвиндт и, не дожидаясь ответа, добром попросил: — Витя! Отъебись от родины!

Спустя какое-то время после опыта с режиссурой г-на Н. я случайно оказался поблизости от главы «Мосфильма» Карена Шахназарова и, разжившись визитной карточкой, кинул пьесу ему на «мыло». Чем черт не шутит!

Черт и пошутил: спустя некоторое время мне перезвонили.

— Карен Георгиевич заинтересовался вашим сценарием, — сообщила мне секретарь-референт, — но у него есть одно условие.

— Да-да.

— Миссионер должен быть русским.

— Как русским? — не понял я.

— Ну, русским... — Референт не знала, как еще мне объяснить.

— А людоеды тогда кто? — спросил я.

— Не знаю, — мягким голосом врача-психиатра ответила секретарь-референт, пьесы не читавшая.

Я поблагодарил и попрощался. Экшен про русского миссионера, несущего свет цивилизации темным народам мира, — отличная идея, но эти патриотические радости — пожалуйста, без меня!

Бог троицу любит. Через какое-то время пьесой заинтересовался замечательный театральный режиссер Владимир Мирзоев. Но именно как материалом для кино.

Первым делом он предложил мне расстаться с черными туземцами — метафора, уместная в театре, в кино давала крен в этнографию. И порешили мы отечественные

лица оставить в первобытной красе и носов картошкой палочками не протыкать.

Так экваториальная Африка стала безымянной, но вполне узнаваемой северной провинцией.

Очень кстати обнаружился неподалеку от Мирзоева потенциальный спонсор, владевший чем-то аж на Шпицбергене. Немыслимой красоты и суровости тамошние пейзажи нас с Володей страшно вдохновили: вписанная в правильную масштабную сетку, история выростала на глазах. Захватывало дух и от потенциального актерского состава: возникли имена Елены Яковлевой, Сергея Маковецкого, Максима Суханова... Максим уже прочел пьесу и точил зубы на роль Вождя.

Режиссер собрался лететь на Шпицберген — смотреть пейзажи и окончательно договариваться со спонсором, а я сел переписывать пьесу в сценарий.

Переписал я ее основательно — в некотором смысле это стала другая история. Читавшие старого «Тезку Швейцера» обнаружат в «северном» варианте сюжета и нового персонажа, и новые узлы и развязки.

Стало больше любви — больше стало и крови...

Вот только денег на съемку кино осталось, сколько и было: ноль без палочки. Потенциальный спонсор своей потенции не подтвердил.

Остался сценарий и память о счастливейших часах на Куршской косе, когда я его писал. Остался (там, в сценарии) мальчик по прозвищу Локоток и северные неснятые пейзажи. Осталась дружба с хорошим режиссером и человеком Владимиром Мирзоевым.

Не так мало, между прочим.

ТЕЗКА ШВЕЙЦЕРА

Притча

Памяти Александра Володина

Часть первая. Встреча

Широкая северная река медленно несла воды мимо мшистой гряды и чахлого кустарника, мимо брошенного угольного разреза, мимо покосившихся причалов и остова большого корабля, давно ставшего частью этого пейзажа. Сквозь редкий перестук дождя сюда едва доносились звуки буксующей машины.

На берегу стоял рослый мужчина в хорошем пальто на голое тело. На ногах его были унты и штаны от «олимпийки». Он курил сигарету и благосклонно прислушивался к взвизгам двигателя. А вдоль берега к нему уже спешил другой — поджарый, в гимнастерке и сапогах.

— Ну что? — неопределенно спросил рослый.

— Доброго дня, Вождь, — с коротким поклоном ответил Поджарый. — Он приехал.

— Слышу, — улыбнулся Вождь и медленно затянулся сигаретой. — Застрял у лысого валуна?

— Там, — кивнул Поджарый. — Встречать?

Вождь кивнул.

— С бубнами?

— С бубнами, с танцем радости, всем народом... — В глазах Вождя промелькнула тень. — Ну, что мне тебя учить...

— Понял, — сказал Поджарый и исчез.

Люди бежали к машине, застрявшей в ручье у огромного валуна, — в телогрейках, в вытянутых майках, в гимнастерках и трениках, в кепках и ушанках, одетые как попало и вразнобой. Они били в бубны, рвали гармошки и подпрыгивали от радости, а из грузовичка навстречу им уже вылезал молодой человек.

Он приветливо махал рукой. Он, кажется, был счастлив.

Люди добежали и, подхватив молодого человека на руки, понесли его в сторону своей деревни. Те, кому не досталось человека, подхватили из кабины саквояж и рюкзак.

— Благодарю вас. Не надо... Это излишне, уверяю вас! — просил плывущий на руках молодой человек. Он был явно смущен таким приемом.

А навстречу процессии уже спускалась по тропке меж валунов другая — впереди шел Вождь, рядом с ним вышагивал крепкий коренастый старик — Вуду, за ними тенью следовал Поджарый.

— Поставьте меня, пожалуйста... — попросил Альберт (так звали героя нашей истории).

Вождь дал знак, и гостя аккуратно приземлили. Он укрдкой осмотрелся: покосившиеся домики-временки с крошечными огородцами, пара юрт на отшибе, какие-то норы, устроенные прямо в камнях... Те, к кому он приехал, жили очень небогато. Пепел вчерашнего костра, ржавая канистра, тряпье, сохнувшее на веревках... Мужик в майке, продолжая пританцовывать, уходил вон с рюкзаком.

Альберт очнулся.

— Это мой рюкзак! — тактично напомнил он.

Мужика с улюлюканьем догнали, дали ему пенделя и отобрали взятое. Перед тем как вернуть рюкзак, отобравший успел все же заглянуть внутрь — так, на всякий случай...

— Здравствуй, человек! — торжественно сказал Вождь. — Народ Конца Света рад тебе.

— Я тоже очень рад... — Молодого человека переполняли чувства. — Наконец-то я нашел вас!

— Ты искал край света?

— Ну... да!

— Это здесь, — просто сказал Вождь, и слова его потонули в общем ликовании.

Аборигены начали ритмично бить в ладоши, скандируя «Э-то мы! Э-то мы!»...

Альберт переждал приступ всеобщей радости и сказал:

— Я принес вам хорошие вести.

По берегу реки со всех ног бежал Локоток; за мальчишкой попевала дочь Вождя — Фема. Она была чуть старше его и пребывала в том неуловимом возрасте, когда юная женщина и подросток еще живут в одном человеке. Совсем запыхавшиеся, они прибежали туда, где говорил пришелец.

— Так получилось, — горячо вещал тот, — что вы долго жили отдельно, в стороне от большого мира. Но мир всегда любил вас и теперь готов принять вас в свое лоно!

— Куда? — громко уточнила не первой молодости баба, расчесывавшая волосы чуть поодаль. Это была Агуня, теща Вождя.

— Мама, я вам потом объясню! — раздраженно бросил Вождь.

— Цивилизация не сразу, не в один день и даже год, но приходит в самые отдаленные уголки мира! — продолжал Альберт. — Теперь пришла она и сюда, к вам. Я привез много замечательных вещей и знаний...

— Где вещи? — уточнили из народа.

— А? Там, в машине... — махнул рукой Альберт и хотел продолжить речь, но так и остался стоять с открытым ртом: племя в секунду сорвалось в сторону машины.

Через несколько секунд оттуда уже доносились треск материи, звон разбитого стекла, вой сигнализации и крики энтузиазма...

— Увы, — философски заметил Вождь. — Пока — вот так...

— Послушайте, — сказал ему Альберт, — но у меня же ключи...

— Это не обязательно, — заверил Вождь.

— Но я же все это вам и привез! Зачем же...

— Не судите их строго, мой юный друг, — смиренно попросил Вождь. — Отсталость, годы нищеты...

— Негативный социальный фон! — высунувшись из-за отцовского плеча, сказала Фема.

— Что? — не понял Альберт.

— Правая Рука! — резко крикнул Вождь.

Поджарый в гимнастерке появился мгновенно:

— Я здесь.

— А должен быть там! — сказал Вождь, и тот, кого он называл Правой Рукой, исчез вслед за людьми племени. — Не беспокойтесь, — заверил Вождь, — Правая Рука умеет восстанавливать порядок.

— Папа, я с тобой! — крикнул Локоток и побежал за Правой Рукой. Отбежав, он остановился и махнул рукой

Феме: давай вместе! Но Фема не двинулась с места — она разглядывала пришельца.

— Отдохнете с дороги у меня, — говорил Вождь. Они шли к юрте Вождя, и Вуду смотрел им вслед внимательным взглядом. — Мой прекрасный молодой друг... — вешал рослый человек в пальто на мощное голое тело. — Можно, я буду называть вас другом?

— Разумеется! — с поклоном отвечал Альберт.

— Фема! — остановил Вождь дочку, которая хотела ненароком войти с ними.

— Ну папа!

— Когда говорят мужчины, женщин нет.

— Я тихонечко посижу... — пообещала Фема. — Меня как будто не будет!

Вождь только покачал головой. Фема топнула ногой и отвернулась. Альберт улыбнулся, развел руками и вошел в юрту.

— Какой милый, — сказала Агуня, глядя на все это от своего костерка. — Только очень худенький.

Двое из племени у распотрошенной машины боролись за коробку с галетами.

— Ушли отсюда, — пнул ногой одного Правая Рука.

Сцепившиеся упали и продолжили схватку на земле.

— Мы сейчас... — говорил один, отклеивая пальцы соперника.

— Мы посмотреть только... — не уступая, вторил другой.

Правая Рука точным движением схватил его пятерней за лицо и пообещал:

— Щас нечем будет смотреть.

Не бросая коробки, оба быстро отползли прочь.

— Во народ, а? — сказал Правая Рука, обозревая разор.

— Скоты! — подтвердил охранник, поедая чипсы.

— Эй, ты! — сказал Правая Рука еще одному у продуктов. — Отдельное приглашение нужно?

Человек обернулся.

— Простите, Вуду, — бесцветно сказал Правая Рука. — Не узнал.

— Меня уже не узнают... — улыбнулся старик Вуду одному из воинов, показав крепкие зубы.

— А я узнал! — крикнул Локоток.

— Ты умница, Локоток. — Вуду положил заскорузлую ладонь на стриженую голову. Правая Рука смотрел на это все тем же бесцветным взглядом. — Твой сын быстро растет, — сказал ему Вуду.

— Скоро я стану настоящим воином! — зарделся от гордости Локоток. — Уже в это полнолуние!

— Покажи, как ты убьешь врага? — попросил Вуду.

Локоток с гортанным криком рассек воздух воображаемым ножом:

— Х-ха!

— Молодец! — рассмеялся Вуду.

— Меня зовут Альберт, — сказал гость и застенчиво пояснил: — Родители назвали меня так в честь Альберта Швейцера, великого миссионера.

— О-о... — с уважением протянул Вождь и отхлебнул из стакана с чаем. — А меня родители назвали Гугу, — сказал он чуть погодя. — Просто Гугу. Чтобы легче было выговорить.

— Очень приятно, — сказал Альберт, на что человек в пальто на голое тело только улыбнулся:

— Итак?..

— Да! — вернулся к теме Альберт. — Так вот, я пришел с той стороны реки...

— Оттуда, где карачуры, — уточнил Вождь.

— Кто?

— На той стороне реки живут карачуры. Маленькое вредоносное племя. Мы их едим, — сообщил Вождь и отхлебнул из блюдца. — А они нас.

— Да, — сказал Альберт. — Я знаю.

— Это жизнь, — закрыл тему Вождь и пододвинул гостю блюдо с баранками. — Вы давайте... Развивайте зубы, здесь пригодится.

— Нет! — вскрикнул Альберт. — То есть я как раз хотел сказать: есть другая жизнь! Другие возможности! Я как раз поэтому сюда и приехал...

Вождь стал серьезен:

— Говорите.

Альберт отставил чашку и встал:

— На той стороне реки, гораздо дальше, чем... э-э-э...

— Карачуры, — помог хозяин.

— Да. Там, еще через несколько лун пути, обитает много разных народов. Мы очень разные, но живем друг с другом в мире и согласии!

— О-о... — с уважением протянул Вождь, и честный Альберт смутился.

— Конечно, еще иногда случаются проблемы... ну, там, с этими...

— Мы можем помочь, — не входя в подробности, предложил Вождь.

— Спасибо, — вздохнул Альберт, — там уже... Не надо! Короче, мы предлагаем вам войти в нашу большую семью, — закончил он,

— Как это прекрасно! — с чувством сказал Вождь.

В юрту всунулась голова Фемы.

— Папа, смотри! — Она влезла в юрту вся. — Правда, здорово?

На Феме был мешок со свежепрорезанными дырками для головы и рук. Нижняя кромка мешка едва прикрывала бедра. Альберта она как будто не замечала — ну вот совсем!

— Я сама придумала! Хорошо?

И, покружившись, взвизгнула, смутилась и исчезла.

— В этом мешке была мука... — сказал Альберт. — Милый ребенок!

— Вся в маму.

— Кланяйтесь ей от меня...

— Маму съели, — просто сказал Вождь и снова отхлебнул из блюда.

— О господи! Карачуры?

— Нет, ее съели свои. У нас тут, знаете, иногда бывает...

Альберт помолчал, не зная, как себя вести.

— Примите мои соболезнования, — сказал он наконец.

— Ну, что вы... — рассмеялся Вождь. — Это было давно.

И потом... — он положил в рот баранку и разгрыз ее, — я их потом тоже съел. И детей их съел...

— Как?!

— Вас интересуют подробности? — с готовностью улыбнулся Вождь.

— Нет! — вскричал Альберт.

— Тогда продолжим.

Они прогуливались по берегу; аборигены, сидя у своих хибар и землянок, поглядывали на эту прогулку с нескрываемым любопытством.

— Вы говорите: войти в вашу семью... — задумчиво говорил Вождь.

— Да, — отвечал Альберт.

— И большая семья?

— Сотни миллионов человек! — ответил гость и тактично пояснил: — Очень много.

— Заманчиво... — всеми зубами улыбнулся Вождь и почесал под пальто.

— Но войти туда можно только на наших условиях! — торопливо добавил Альберт, и улыбку сдуло с лица Вождя.

Он остановился и произнес громко — так, что чайка с криком снялась с камня:

— Запомните сами и передайте вашим братьям: Народ Конца Света никогда не поддастся на диктат!

Вождь наслаждался эффектом и тихо продолжил:

— Говорите ваши условия.

— Прежде всего — прекращение людоедства, — твердо заявил Альберт. — Во-первых, в этом давно нет никакой необходимости, а во-вторых...

— Пожалуйста, не надо! — взмолился Вождь.

— Что? — опешил миссионер.

— Не называйте нас людоедами.

— Но...

— Это называется — человекодение, — объяснил человек в пальто на голое тело. — Древняя, освященная веками традиция. И потом, мы ведь не только людей едим. Рыбу едим, птицу, тюленя... Что поймает, то и едим.

— Но человек — не пища! — сказал Альберт.

— Вы просто еще не пробовали, — мягко заметил Вождь.

Альберт поставил свою палатку чуть в отдалении, почти у самой реки.

Он разбирал вещи. За процессом, сначала издали, с интересом наблюдали аборигены. Потом, как дети, они начали сходить к палатке, рассматривали незнакомые предметы. Потом мужичок в телогрейке невзначай пошел прочь с аптечкой.

— Мой друг! — попросил его Альберт. — Поставьте, пожалуйста, на место!

Абориген обнаружил аптечку у себя в руках и сильно удивился:

— Ой. А это — ваше?

— Мое.

— Нет базара, — сказал абориген и, поставив аптечку, ушел.

Альберт, дружелюбно улыбаясь, от греха подальше втащил все имущество внутрь.

— Я тут посижу? — спросила Фема, присев на корточки у полога палатки.

— Посиди, — разрешил Альберт.

Фема взяла пузырек с зеленкой, покрутила, открыла, провела крышечкой по руке. На руке осталась зеленая полоса.

— Что это? — всунулась она внутрь.

— Это такое лекарство, — ответил Альберт. — Им мажут царапины, чтобы быстрее проходили. У тебя есть царапины?

— Ага. Вот! — Фема влезла в платку целиком и выставила локоть.

Альберт улыбнулся:

— Ну-ка, дай сюда пузырек.

Он осторожно смазал ранку на локте, и Фема заойкала.

Альберт подул на ранку:

— Ну-ну-ну, ничего-ничего... Сначала поболит, а потом перестанет.

— А у меня еще есть царапина, — вспомнила Фема. И, задрав платье, показала симпатичный животик. — Вот! Помажь.

— Тут нет царапины, — сказал Альберт и прокашлялся от волнения.

— Есть! Вот!

— Ну хорошо...

Стараясь не прикасаться в Феме, он мазнул указанное место.

— А подуть? — напомнила Фема. Альберт послушно подул. — Сначала поболит, а потом перестанет? — уточнила Фема, и тут в палатку вошел старый Вуду.

Фема, страшно смутившись, выбежала прочь — и напоролась на взгляд Локотка; тот сидел метрах в пяти от палатки.

Окончательно смущенная, Фема порывисто припустила вдоль реки. Локоток рванулся было за нею, но передумал и только еще ожесточеннее принялся точить каменное острие.

— Вы приехали сюда, чтобы вывести нас из тьмы веков... — напомнил Альберту Вуду.

— Да, — смущенный не меньше Фемы, ответил миссионер.

— Угу-угу... — Вуду пожевал губами. — Ну, что же. Мы все желаем вам успеха, — сообщил коренастый старикан. И, откусив от плитки шоколада вместе с оберткой, начал жевать, бесстрастно разглядывая Альберта.

— Простите, а вы?..

— Я — Вуду. Здешний шаман, — представился коренастый. — Духи реки поручили мне присматривать за здешним народом. У нас такой народ, с ним без присмотра нельзя...

Помедлив, миссионер протянул руку:

— Альберт!

Вуду взял ладонь гостя и несколько секунд щупал ее, рассматривая.

— Какая у вас мягкая рука... — сказал он наконец.

Альберт рывком попытался освободить ладонь, но клешня старика держала ее крепко.

— С приездом... — сказал старик, глядя прямо в глаза приезжему. И разжал клешню.

Потом стемнело, и стали слышнее звуки — завывание ветра, крик чаек, плеск волны. Потом сквозь плеск начали доноситься далекие крики травли, потом раздался чей-то смертный крик — похоже, человеческий.

Потом рассвело, и снова раздался крик, но уже — крик младенца.

— Это кто плачет? — заговаривала детский плач женщина. — Это Дудо плачет! У Дудо болит животик... Бедный Дудо, бе-едный... У всех детей болят животики, да да... Это карачуры злые колдуют, не дают деткам спать...

От нежных интонаций плач постепенно перешел во всхлипывание, а потом и в агуканье.

— Ну, вот, Дудо уже не плачет, Дудо проснулся. Это кто открыл глазки? Это наш мальчик открыл глазки! Доброе утро! Вот какой мальчик проснулся!

Из хибар начали появляться люди племени. И как магнитом, тянуло их к коробкам и мешкам из раскуроченного грузовика.

Снесенное на мшистую площадку меж валунов, миссионерское имущество дразнило глаза аборигенов, но на страже сидели двое крепких бойцов.

— Ушел отсюда! — рявкнул один из них на подошедшего слишком близко.

Из юрты вышла теща Вождя, Агуня. На ней была кепка с эмблемой «Макдоналдса». Она широко зевнула, подошла к коробкам и, разодрав одну, вынула оттуда пачку крупы. Расковыряла пальцем дно, задумчиво сжевала горсть...

Стражи временно ослепли.

— Агуня, сон какой-нибудь видела? — крикнул жилистый абориген в майке, куривший на завалинке.

— Ну, видела, — неохотно ответила Агуня.

— Расскажи! — начал подначивать абориген.

— Ну, тебя видела, — ответила Агуня.

Веселость мигом слетела с лица жилистого:

— Да ладно!

— Ничего не «ладно», — мрачно отрезала Агуня. — Видела тебя с какой-то бабой.

— С какой бабой? — повернулась от мостков женщина, полоскавшая белье.

— Не знаю, не разглядела. Завтра разгляжу — скажу, — пообещала Агуня.

— Молодая? — уточнила женщина.
— Не старая, — подумав, вспомнила Агуня.
— Ах ты, пес! — крикнула женщина и с короткого разбега огрела жилистого связкой скрученного белья.
Племя с удовольствием втянулось в потасовку:
— Давай-давай!
— Наваляй ему!
— Откуси ему и съешь! Давай, не робей!
— Народ Конца Света! — перекрыл все звуки голос Вождя.

Он входил в этот утренний пейзаж вместе с Альбертом, сопровождаемый обычным окружением: Правая Рука и пара бойцов.

Потасовка быстро сошла на нет — впрочем, последний подзатыльник от своей бабы жилистый получить успел.

— Я хочу, чтобы вы познакомились поближе с нашим новым другом, — мягко объявил Вождь. — Его зовут Альберт. Он хочет немного отогреть наши мозги, замерзшие среди этих камней. Он расскажет вам много нового, покажет интересное... Любите Альберта, он — наше будущее... — проникновенно закончил Вождь.

— Это да, — неопределенно сказал одноглазый абориген. — Это мы щас.

— Если что, я здесь, — закончил Вождь и удалился с эскортом.

Десятки глаз проводили глазами рослую фигуру и сосредоточились на пришельце.

— Благородный Народ Конца Света! — сказал Альберт и прокашлялся от волнения. Начиналось то, зачем он проделывал этот огромный путь. — Я хочу сразу сказать вам главное...

Но сразу перейти к главному не удалось: из-за гряды вышла и не спеша расположилась в первом ряду Фема. На ней была очень короткая шкурка, удачно подчеркивавшая сразу все.

— Главное... — повторил Альберт, пытаясь вспомнить, о чем это он. — Да! Все мы: я, вы, э-э... карачуры — и вообще все, кто живет дальше, вниз и вверх по реке, все мы хотя и очень разные, но — люди! Человечество. Одна семья. Братья!

Он сделал паузу, но изумления не последовало.

— Вам это понятно? — тихо спросил Альберт.

— Чего ж тут непонятного? — ответил абориген в кепке с козырьком. — Ну, братья.

— Очень хорошо, что вы понимаете это. Это вообще самое главное! — Альберт вздохнул, не в силах сдерживать нахлынувшие чувства. — У вас тонкие души, открытые на встречу добру!

— Это да, — сказал одноглазый абориген.

— Много лет назад, — продолжал миссионер, — жил на свете один человек. Его звали Христос. Он был послан небесами, чтобы спасти людей. Чтобы объяснить нам всем, что надо любить ближнего, как мы любим самих себя...

Фема вдруг рассмеялась.

— И вот Господь... то есть Христос... — Альберт был выбит из колеи. — Он пришел в Иерусалим... это такой город...

— Да знаем мы! — уже в откровенном раздражении бросил абориген в кепке.

— Откуда?

— Так... — неопределенно ответил тот, и наступила тишина. Только шла за спиной Альберта река, и звенели вокруг комары.

— Может быть, вы хотите что-нибудь узнать? — спросил наконец гость.

— Ага! Что это? — спросила хозяйственного вида тетка и выставила вперед руки. В горсти у нее лежал десяток маленьких мыльных брусков.

— Это мыло.

— А зачем?

— Я хотел потом, но раз вы спросили... — Альберт собрался с силами и улыбнулся тетке. — Это очень полезная вещь. Раздайте всем по брусочку...

Общее оживление охватило племя.

— По одному берите, всем хватит! Теперь смотрите, — перекрикивая гам, старался миссионер. — Перед едой трете этим брусочком ладони в воде. И река уносит всю грязь, и вы едите чистыми руками!

— Ух ты!..

— А это?.. — Та же тетка вдруг вынула откуда-то горсть зубных щеток.

— Это вы взяли в моей коробке, — строго начал Альберт, но педагогический сеанс не прошел.

— Ну да, — оборвала его тетка, — там, где ж еще. А зачем это?

— У вас кусочки еды в зубах застревают? — сдался Альберт.

— Прямо торчат отовсюду, сил нет! — пожаловался жилистый абориген.

— Ну вот! Тогда! — Альберт жестом собрал внимание. — После еды берут зубную щетку... Одну! Выдавливают немножко пасты из тюбика. Дайте сюда тюбик. Да дайте ж тюбик, я покажу и верну! Смотрите. Выдавливают немножко пасты — и чистят зубы. З-з-з-з...

Он показал, как чистят зубы и как их потом прополаскивают. Восторгу не было предела. Народ бросился раскулачивать тетку с зубными щетками, но тут из-за каменной гряды вбежал человек:

— Карачура поймали! Там, у отмели!

Народ бросил зубные щетки и сорвался с места. Жилистый абориген, на ходу метнувшись в сторону, вытащил из бревна топорик. Фема верещала в пароксизме счастья. Сначала она рванула за старшими, но потом вернулась и, присев у реки, начала судорожно тереть руки мылом, приговаривая:

— Карачура поймали... Карачура поймали...

— Фема! — в отчаянии крикнул Альберт.

Фема с ослепительной улыбкой, как в пионерлагере перед завтраком, показала ему ладони:

— Чистые! Я мигом. — И убежала.

Альберт стоял, как громом ударенный, с зубной щеткой в руке, потом спохватился и бросился следом...

По отмели метался человек, едва различимый в толпе обложивших его преследователей. Человека уже валили с ног, когда в толпу ворвался Альберт:

— Не делайте этого! Не трогайте его!

Толпа делала свое дело, не обращая на миссионера никакого внимания.

— Я запрещаю! — кричал Альберт. — Нельзя! — И уже в полном отчаянии: — Фу!..

— Отвали, урод! — почти прорычал здоровенный, разгоряченный погоней детина.

— Именем Господа!.. — крикнул Альберт, пытаясь схватить его за руку.

— На, бля! — ответил тот, и удар в лицо свалил Альберта наземь.

Он поднял голову — и увидел толпу над упавшим карачуром, и снова опустил голову, чтобы не видеть дальнейшего, и услышал смертный крик человека, и потерял сознание.

Когда он открыл глаза, над ним обнаружилось лицо Агуни.

— Вот у меня первый муж такой был... первое время, — сказала она, протирая ему лицо. — Не мог видеть процесса. Аппетита лишался. Полгода одни корни ел. Потом привык, голод не тетка. — Агуня приложила примочку к глазу Альберта. — Ну? И куда тебя понесло, малахольный?

— Кто вы?

— Здравствуйте! Голову отбило, даром что не местный. Я — Агуня, родная теща Вождя!

— А-а, да... Очень приятно.

— Еще бы тебе не было приятно, — ответила Агуня и нежно пообещала: — Я бы тебя съела.

Альберт слабо улыбнулся в ответ.

— Зачем вы едите людей? — спросил он чуть погодя.

— Так исторически сложилось, — без раздумья ответила Агуня.

В юрту, напевая, вошла Фема.

— Поймали карачу-ура, поймали карачу-ура...

Она вытерла ладонью губастый ротик и торжественно объявила:

— Зубная щетка!

И достала ее из-за спины, как приятный сюрприз для Альберта.

— После еды! Тю-убик, немножко па-асты... Потом... з-з-з-з... И полощем водой. Я правильно делаю? — спросила она, и Альберт снова потерял сознание.

Вождь и Вуду прогуливались по берегу реки.

— Ну, что — лежит?

— Оклемавается помаленьку, — ответил Вождь. — Привыкает к пейзажу.

Вуду скептически поцокал.

— Что говорят духи реки? — учтиво спросил Вождь.

— Они ничего не говорят. Но внимательно следят за развитием ситуации.

— Я заметил, — коротко парировал Вождь. — Думаю, духам реки не стоит волноваться, дорогой Вуду. Все идет штатно.

— Он очень активен, — покачал головой старик.

— Это пройдет, вы же знаете. Зато много полезных вещей. Лекарства, еда...

— Кстати, где они? — оживился Вуду.

— Кто?

— Коробки.

— Я распорядился перенести их ко мне, — успокоил Вождь. — Целее будут.

— Я думаю, часть коробок будет целее, если их перенести ко мне, — предположил Вуду.

— Так говорят духи реки? — уточнил рослый человек в пальто.

Вуду даже не улыбнулся:

— Они.

— Хорошо, я подумаю.

— Зачем думать, когда можно просто перенести?

Вождь расплылся в улыбке:

— Такие важные решения, Вуду, нельзя принимать с кондачка!

Альберт застонал и снова открыл глаза. Он лежал в хижине, рядом сидела Агуния и примеряла перед куском темного стекла клипсу из ракушки.

— Ну что? — спросила она. — Насовсем вернулся или опять отъедешь, малахольный? Насовсем, — взглядевшись, определила она. — Очухался твой красавец!

Последние слова адресованы Феме. Девушка стояла рядышком с какой-то посудинкой в руках. Вид у нее был виноватый.

— Вот. Пей. — И она протянула Альберту глиняный сосуд.

— Что это?

— Пей! Надо.

— Прибавляющее сил... — пояснила Агуня. — Не бойся, от этой девочки вреда тебе не будет!

Альберт выпил.

— Спасибо, — сказал он и, разглядев Фему, вдруг спросил: — Сколько тебе лет?

Спросил — и сам смутился. Смутилась и девушка. За нее неожиданно строго ответила Агуня:

— Ее глаза видели четырнадцать разливов реки!

Вождь шел к себе, за ним поспешал Вуду.

— Эти проповеди... — задыхаясь от размашистого шага рослого Вождя, говорил старик. Видно было, что разговор утомил главу племени. — Это вмешательство в нашу жизнь... Пришелец совершенно не признает наших основ!

Вождь резко остановился.

— Я скажу вам строго между нами, уважаемый Вуду, — тихо сказал он прямо в лицо наткнувшегося на него колдуна. — Если бы пришелец признавал наши основы, у него бы не было ни чистой воды, ни фестала. Он бы целыми днями бил в бубен, если бы признавал наши основы!

— Дорогой Вождь! — закаменел Вуду. — Ваши слова изумляют меня. Духи реки могут возмутиться ими не на шутку...

— Пускай лучше духи реки подумают, как нам не околоть возле наших основ, уважаемый Вуду! — отчеканил Вождь. — Пришелец нам полезен — полезен, понимаете? Пускай проповедует. Нам нужны лекарства и керосиновые лампы, еда и вода, нам нужны спиртовые шашки и туалетная бумага. Или вам нравится подтираться мхом?

Вождь сделал паузу и подождал ответа, но ответа не последовало.

— Нет? — уточнил Вождь. — Тогда объясните все это, пожалуйста, духам реки! И попросите их не мешать мне, — мягко закончил он.

Часть вторая. Включенное наблюдение

Прошло несколько дней.

Племя отдыхало прежним способом, но некоторые уже в майках с эмблемами ООН. Вообще приметы пришедшей цивилизации были налицо.

Некто с остановившимся взглядом изводил спичечный коробок: зажигал спичку, дожидался, пока она догорит до пальцев, и с воплем ронял на землю. Потом вынимал следующую — и все повторялось снова.

— И чего вчера этот, шибанутый... опять бла-бла-бла? — спрашивал жирноватый абориген аборигена жилистого. Они сидели возле мостков, где баба полоскала белье.

— Ага, — отвечал жилистый. — Только сначала в зад иглой колол.

— Тебя?

— Всех.

— И Вождя?

— Вождя первого.

— Смелый... — оценил жирный. — А потом?

— Потом бла-бла-бла, — отвечал собеседник. — Сначала про Христа, потом — любить ближнего... — Жилистый с удовольствием похлопал по заднице жену, та довольно взвизгнула. — Потом — типа что Земля круглая.

— Опа, приехали, — помрачнел жирный. — Не, серьезно?

— Я те отвечаю!

Жилистый достал из мешка глобус, снял с оси и пока-тил по берегу по направлению к жирному.

— Вот. Он сказал: это вроде как Земля.

— А мы? Мы где?

— Я там ногтем процарапал.

Повертев шар, толстяк нашел метку и, рассмотрев ее, уточнил:

— А где карачуры?

— Он не сказал, — встревожился жилистый.

Толстяк еще повертел глобус, потом попробовал от него откусить, но сразу не получилось.

— Подержи, — попросил он и через пару секунд вернулся с каменным ножом. Двумя ловкими ударами он пробил глобус, отломил кусок, осторожно попробовал на зуб и задумчиво зажевал...

— Ну, как? — спросил жилистый.

— Пойдет, — ответил толстяк.

Он достал из-за пояса наушники, надел их и включил плеер.

Альберт, сидя перед палаткой на раскладном матерчатом стуле, кипятил на конфорке шприцы. Рядом на корточках сидела Фема и задумчиво глядела в кипящую воду.

За ее спиной обнаружился сын Правой Руки, Локоток.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — улыбнулся Альберт.

Локоток немного постоял и спросил:

— А ты умеешь печь блины?

— По воде?

— Ага.

— Когда-то умел.

— А спорим, я больше напеку? — сказал Локоток.

— Конечно больше, — согласился Альберт.

Локоток постоял еще немного у конфорки со шприцами и ткнул пальцем:

-- А это зачем?

— О-о... Сейчас расскажу. У человека есть страшные невидимые враги...

— Микробы! — радостно крикнула Фема, уже прошедшая этот курс.

Альберт показал ей большой палец и подтвердил:

— Микробы. И я их тут убиваю. Варю живьем!

— Х-ха! — нанося удар по невидимому врагу, крикнула Фема.

— Ты колдун, — сказал Локоток.

— Нет.

— Зачем ты вступился за карачура?

— Я не хотел, чтобы его убили, — ответил Альберт.

— Ты за карачуров?

— Нет.

— Ты за нас?

— Да.

— Если ты за нас, карачуры тебе враги.

— Почему?

— Они хотят нашей смерти.

— А вы? — помедлив секунду, спросил Альберт.

— Мы никого не трогаем!

— Я видел.

— Они первые! — закричал Локоток. — Это все знают!

— Знаешь что... Все это очень непросто... — начал было Альберт, но мальчишка договорить не дал:

— Ничего не непросто! Ты все специально путаешь, Шибанутый!

— Что? Кто?

— Шибанутый. Тебя же так зовут? — Локоток посмотрел на Фему, и та прыснула от смеха.

— Вообще-то меня зовут Альберт, — усмехнувшись, представился гость. — А тебя?

— Это Локоток! — встряла Фема.

— Я — сын Правой Руки, — гордо сказал мальчик.

— Поздравляю. Так, значит, шибанутый... Угу... — Альберт пришиб комара и почесал шею. — Знаешь, наверное, те, кто так меня называют, хотят сказать, что мне ушибло голову всякими мыслями... И они правы! Ну-ка, дай-ка сюда голову, — попросил он.

Локоток послушно подставил голову, и Альберт легко щелкнул его в темечко.

— Вот. Теперь ты тоже шибанутый. — По лицу Локотка пролетела тревога. — Теперь у тебя в голове начнут заводиться разные мысли, расти мозги...

Локоток в ужасе схватился за голову.

— И меня щелкни! — попросила Фема.

— Обязательно.

Альберт аккуратно щелкнул по голове Фему. Локоток стоял, открыв рот.

— Локоток! — раздался голос Правой Руки.

Мальчик помахал в ответ.

— Иди сюда! — ровным голосом позвал отец.

— Иди-иди, — сказал Альберт. — Потом договорим...

— А ты?.. — спросил Локоток подружку.

— Я — кипячу шприц! — заявила Фема и несколько раз щелкнула себя по голове.

Локоток пошел прочь, потом остановился.

— А я убью карачура, — вдруг заявил он. — В это полнлуние, вот так!

И он показал удар: х-ха!

— Придешь посмотреть?

— Нет, — сказал Альберт.

— А ты?

Фема, быстро глянув на Альберта, пожала плечами и снова опустила взгляд в бурлящую воду.

— Локоток! — уже жестче позвал отец, и мальчик, помедлив секунду, начал подниматься по тропинке меж валунов.

— Приходи еще, покажешь, как печь блины! — крикнул ему вслед Альберт. — Ладно?

— Ага! — донеслось из-за гряды.

Спустя несколько дней...

Впрочем, сначала — картинками-наплывами — мы увидим ход этих дней: с медицинскими хлопотами Альберта и его записями в дневнике; с Фемой, прилипшей к Альберту; с мальчиком, обучающим его «печь блины»...

Вот Альберт о чем-то говорит с Локотком. Он щелкает его по голове, а потом как бы заглядывает внутрь через темечко и важно кивает: мол, растут мозги...

Вот аборигены следят за всем этим настороженными взглядами...

А вот сам Альберт стоит с раскрытым от удивления ртом — это он вдруг увидел аборигенов у телевизора. Мужик с сигаркой крутит ручку простенького генератора, и экран, разгоревшись, начинает показывать каких-то пляшущих эстрадных клоунов...

— А еще? — спросил Правая Рука.

Они с сыном сидели у костра.

— Еще он сказал, что человек сам... ну, в общем, это... сам решает, что хорошо, а что плохо, — доложил Локо-ток.

— И что ты ему ответил?

— Я ответил, что... ну, как же, а духи реки? Они же заповедали нам нашу тропу, правда? Что же будет, если каждый будет решать сам?

Отец кивнул:

— А он?

— А он меня и спросил: что будет? А я сказал: тогда духи реки рассердятся, и нас съедят карачуры. Я правильно сказал?

— Ты сказал отлично! А он?

— А он спросил: а карачурам их духи велят вас есть? Я сказал: велят. Он тогда говорит: это злые духи? Я говорю: ну да. Тогда он говорит: а если какой-нибудь карачур решит не слушаться своих духов и не захочет тебя убивать — он хороший или плохой?

— А ты? — после паузы спросил отец.

— А я... — Локоток помедлил. — Я сказал: он тогда — хороший. Потому что — за что же нас убивать?

И Локоток замолчал.

— А он?

— А он рассмеялся. Я неправильно сказал?

— Ты все правильно сказал, Локоток.

— А получилось, что...

— Просто он очень хитрый человек, этот Альберт, — сказал Правая Рука.

Локоток поворошил палкой угли, а потом спросил, не поднимая головы:

— Не ходить к нему больше?

— Ну почему? Ходи, разговаривай... Только потом мне рассказывай, на всякий случай. Ты же знаешь, как бывает... Враг — он может прятаться под личиной добра.

— Ты думаешь, он враг? — поднял голову мальчик.

— Я не знаю.

— А кто знает? Духи реки?

— Они знают точно. И если что — обязательно пошлют нам сигнал.

— Как тогда? — спросил о чем-то Локоток.

— Как тогда, — ответил Правая Рука. — Теперь расскажи мне о Феме.

— Да ну ее, пап... — сказал Локоток и снова занялся ворошением углей, но отцовская рука твердо легла на плечо.

— Расскажи. Это нужно.

А Фема сидела на корточках у костерка на берегу, поглядывая в сторону Альбертовой палатки. Вдруг она оживилась и сделала порывистое движение в ту сторону, но в следующую секунду, наоборот, повернулась спиной и съежилась, как будто хотела спрятаться.

К палатке шел Вождь.

— Доброй ночи! — сказал он, входя.

— Доброй ночи. — Альберт отложил книжку и встал с раскладушки.

— Читаете? — Рослый человек повертел в руках книжку и снова бросил ее на койку. — Благородное занятие. Я тоже когда-то читал.

— Как? — поразился Альберт.

— Как все, в школе, — просто ответил Вождь и махнул рукой куда-то. — Там... Папа хотел, чтобы я стал человеком! А потом папу съели, я вернулся... Ну, и уже не до чтения стало.

Вождь печально выковырял языком из зубов кусочек еды и поднял глаза на Альберта:

— Как движется дело просвещения?

— Мы в самом начале пути, — честно ответил молодой миссионер.

— Это длинная и прекрасная дорога... — понимающе закивал собеседник.

— Вождь! — решился Альберт. — Я давно хотел спросить — вот тут у вас плееры, телевизор... Это откуда?

— Что ж мы, не люди? — как будто даже обиделся Вождь.

— Нет, но — откуда?

— Привозят, — просто ответил Вождь.

— А-а... — начал было Альберт, но Вождь перебил его:

— Выбросьте из головы эти мелочи, мой юный друг!

Я пришел обсудить с вами важнейший вопрос.

— Я готов, — сказал Альберт.

— Народ Конца Света горд, но многочислен, — торжественно приступил Вождь. — Нам нужна одежда, вода, еда — все время. А то, что привезли вы, увы, уже кончается.

— Как? А... — Рука Альберта указала куда-то в сторону тундры.

— Того, что было в грузовике, уже почти нет, — констатировал Вождь. — Да! — Он развел руками. — Мы воруем. Это тоже традиция.

— Послушайте!..

— Друг мой, будем реалистами, — мягко попросил Вождь. — Тысячелетние привычки не одолеть сразу. Нужно время.

Вождь повертел в руках карандаш Альберта, вздохнул и положил его в карман пальто.

— Итак, нам требуется постоянная помощь мирового сообщества!

— Но...

— Вы хотите нашей смерти? — уточнил Вождь.

— Нет! — Готовый начать оправдываться, Альберт уже приложил руки к груди.

— Я знал, что не ошибался в вас! — горячо воскликнул рослый детина в хорошем пальто на голое тело. — Спасибо, друг! Какая у вас мягкая рука, — вдруг отвлекся он.

— Но погодите... — заговорил Альберт, пытаясь высвободить руку.

— Нельзя ждать! — вскричал Вождь в порыве энтузиазма. — История дает нам шанс. Это рация?

— Да.

— Такая штучка, по которой можно связаться с мировым сообществом? — уточнил Вождь.

— Да, — удивился Альберт. — А откуда...

— Мой юный друг, — посетовал Вождь. — этот вечный дарвинизм так обостряет интуицию! Пожалуйста, свяжитесь со своей конторой, попросите их прислать побольше предметов первой... — Вождь подумал секунду, — и второй необходимости.

— Вождь! — твердо ответил Альберт. — Я готов помочь, я хочу помочь — для этого я и приехал сюда, но и ваш народ должен, по крайней мере, перестать все время воровать и, разумеется... ну вот...

— Прекратить человекоедение? — помрачнел Вождь.

— Да!

Вождь покачал головой:

— Не требуйте от нас невозможного.

— Но...

— Поймите, это наши традиции, — как маленькому, начал растолковывать миссионеру глава племени. — Наши предки проливали за это кровь. Здесь каждый клочок земли пропитан ею.

Альберт тяжело выдохнул:

— Сожалею, но тогда у нас ничего не выйдет.

— Это шантаж, — печально сказал Вождь.

— Нет! — снова начал оправдываться молодой миссионер. — Поймите — иначе нельзя! Людоедство...

Вождь сделал протестующий жест.

— Ну хорошо, не важно! — отмахнулся Альберт. — Как ни называйте, это несовместимо с современной цивилизацией!

— Давайте поговорим как взрослые люди, — тихо предложил человек в пальто на голое тело и встал.

Они шли сквозь поселение, а вокруг жило своей вечерней жизнью племя. Долбила какая-то ритмичная музыка, группа молодежи дергалась под нее на пяточке перед хибарой. Прямо на земле спал пьяный. Из другой хибары слышались звуки скандала и плач ребенка, из третьей — смех...

— Вы максималист, Альберт, — сказал Вождь. — Но чего добьетесь такой принципиальностью? Эти несчастные останутся без тепла и лекарств. Они будут ползать в лихорадке и умолять демонов ночи не забирать их детей... Это будет чудовищный откат назад, Альберт! Через полвека никто тут не вспомнит, что такое кипяченая вода. Телевизор с одной идиотской программой и пьянство. Вы этого хотите?

— Нет.

— Вы считаете людоедом меня — считаете, считаете! — отшел Вождь протестующий жест Альберта, — но даже не представляете, с кем приходится иметь дело мне! Хотите, я

вас познакомлю с нашим колдуном, Вуду, и его друзьями, хранителями традиций?

— Я с ним уже знаком, — усмехнулся Альберт.

— А-а... — понимающе протянул Вождь. — Ближе познакомиться не хотите? Ну, то-то. Я ведь сдерживаю ситуацию из последних сил. Лет десять назад мы тут ели друг друга поедом, только хруст стоял. В осенние праздники съедали человек по десять да в каждое полнолуние — по младенцу. А теперь — плееры, телевизор... едим только карачуров.

Вождь приблизил лицо вплотную к лицу Альберта:

— Разве это не прогресс?

— Нравится он тебе?

Фема, сидевшая у костра, вздрогнула. Она и не заметила, как подошел Вуду.

— Кто?

— Тот, о ком ты сейчас думаешь, — ответил старик. — Нравится... — после паузы ответил он на свой вопрос. — Ты ему тоже.

— Правда? — Фема вся подалась вперед.

— Правда. И не бойся меня.

— Я не боюсь, — соврала Фема.

— Боишься-боишься... Мы иногда спорим с твоим отцом, но ведь мы — друзья.

— Я знаю.

— Я ведь всего лишь голос, которым говорят с нами духи реки, — объяснил Вуду. — А они нам не враги. Они велели мне ободрить тебя. Они сказали: настают другие времена, Вуду! Пускай она любит его, хоть он и не из наших. Так сказали они. Мы же не звери. Мы же — не звери? — переспросил он, и недоверчивое лицо Фемы расплылось в счастливой улыбке.

— Итак, терпение и еще раз терпение, мой друг! — говорил Вождь. Они снова сидели в палатке у Альберта. —

И компромисс! Если сюда приедет новый грузовик с гуманитарной помощью... — что вы так удивились?.. — если сюда приедет еще один грузовик, мы рассмотрим вопрос о сокращении человекоедения до разумных пределов.

— Что вы называете разумными пределами?

— Ну, скажем: не есть детей карачуров, — с готовностью конкретизировал Вождь. — Или даже — детей и женщин. Как договоримся.

— Мне надо подумать, — замялся Альберт.

— Думать надо обязательно, — согласился Вождь. — Но завтра с утра мои добрые соплеменники опять проголодаются...

— Хорошо! Я попробую. Но только и вы должны завтра же остановить...

Вождь сделал предупреждающий жест, и Альберт с трудом выговорил:

— ...человекоедение.

— В отношении детей, — уточнил Вождь.

— И женщин, — сказал Альберт.

— Это — два грузовика, — заметил Вождь.

Альберт со свистом втянул в себя воздух, но вариантов, кажется, не было.

— Хорошо.

— Ну вот и славно. — Перегнувшись через ящик, заменявший стол, Вождь похлопал Альберта по плечу и достал из недр пальто бутылку. — Скрепим договор красненьким? — И рассмеялся, увидев лицо Альберта. — Не бойтесь, это не кровь.

Вождь налил, и Альберт выпил налитое. Дыхание не сразу вернулось к нему. Он крякнул. В глазах туманилось.

— Ну... — Вождь встал.

— Погодите! — В голосе Альберта дрогнула растерянность. — Но как вы наложите им запрет? Знаете, я пробовал рассказывать про Христа, но...

— Какой Христос, Альберт! — рассмеялся Вождь. — Сегодня моя ясновидящая теща Агуня увидит во сне духов реки. Духи реки скажут ей, что после приезда двух грузовиков с едой и лекарствами есть детей и женщин — нельзя. Вот и все.

— Это обман, — сказал Альберт.

— Вы хотите сказать, что моя теща не может увидеть во сне духов реки? — осведомился Вождь.

— Не знаю.

— А я знаю. Она может! — И он двумя руками дружески похлопал Альберта по плечам.

Через секунду смех Вождя раздавался снаружи.

Он шел от палатки Альберта и уже не смеялся, и Фема, тихонько певшая что-то у костра неподалеку, съежившись, проводила взглядом рослую фигуру. Потом вздохнула и запела снова...

А в палатку к Старому Воину зашел и молча присел Вуду. Так же молча Воин налил ему настойки. Некоторое время они сидели молча. Сквозь крики чаек и плеск воды была слышна песня Фемы.

— Что думаешь? — спросил наконец Вуду.

— Так... — уклончиво ответил Воин.

— Я слышу твои мысли, ветеран, — показал головой Вуду. — Нехорошо, что они так долго говорят вдвоем, Вождь и пришелец. О чем они говорят? И девочка сидит все время рядом с его палаткой, поет... Кому она поет? — спросил Вуду и заглянул Воину прямо в глаза. — С чьего голоса эти песни?

— Привет, — сказал Локоток.

— Привет, — ответила Фема.

— Не холодно?

Фема поежилась и отрицательно покачала головой.

— А то давай пробежимся, — предложил Локоток. Фема не ответила. — Спорим, я первый добегу до большого камня?

— Не спорим, — сказал Фема.

— Почему?

Фема не ответила, и тогда Локоток угрюмо сказал:

— Думаешь, я не понял?

— Ну и дурак, — вспыхнула Фема.

— Опять, да? — шепотом крикнул Локоток.

— Молчи!

— А вот и не буду.

— Дурак!

— А ты — знаешь кто?.. — спросил Локоток.

— Кто?

— Сказать?

— Ну скажи!

Фема смотрела на него в упор. Мальчишка резко встал и ушел в сторону каменной гряды. Потом вдруг прибежал снова и крикнул:

— Все равно его съедят!

Фема вскочила и кинула в Локотка камнем:

— Пошел отсюда! Сопляк! И не подходи ко мне больше!

Локоток, увернувшись, сам схватил камень, готовый ответить, но только со всей силы швырнул его себе под ноги и убежал вдоль реки.

— Вот я что и говорю, — продолжал Вуду. Бутылка с настойкой была уже ополовинена, и глаза Старого Воина горели темным огнем. — Ведь народу может показаться, что это неспроста. Что пришелец околдовал и Вождя и девочку... Вдруг он пришел от карачуров?

— Он пришел от карачуров?

— Я этого не говорил, — предостерег Вуду. — Но так может показаться людям. Представляешь, что могут сделать люди, если решат, что Вождя околдовали? Даже не

знаю, смогу ли я сдержать их... Хорошо, что есть опытные воины, которые в случае чего смогут встать во главе народа... Смогут?

— В случае чего, — помедлив, сказал Старый Воин.

— Я всегда уважал тебя. Ты прямой и сильный человек. Тебя не околдуешь, как некоторых. Как дела с женой?

— Мы стараемся, — буркнул Старый Воин.

— Я поговорю с духами реки... Скажи жене, чтобы она пришла ко мне.

А Локоток все бежал вдоль реки. Он давно миновал последнюю юрту поселения, и никто не мог слышать его, кроме огромной, грозно шумящей реки. И он с облегчением зарыдал в голос...

После странного договора с Вождем чтение не шло в голову к Альберту. Он отложил книгу и просто лежал, глядя в потолок палатки. Он уже собирался погасить керосиновую лампу, когда на пороге появилась Фема.

— Здравствуй, — сказала она

— Здравствуй, — ровно сказал Альберт.

Фема вынула из-за спины бинокль.

— Вот. Что это?

— Где ты это взяла?

— Взяла, — просто ответила Фема

— Где? — повторил вопрос Альберт и сам ответил: — В моей сумке.

Фема кивнула.

— Зачем?

Фема сморщила носик, и Альберт с трудом сдержал непедагогическую улыбку.

— Этого делать нельзя, — сказал он. — Это не твое.

— Все люди — братья! — заявила девочка. — Ты мне — брат. Это наше общее. Что это?

— Бинокль.

— Зачем?

— Чтобы приближать то, что далеко, — ответил Альберт и сам усмехнулся. — И отдалять то, что близко.

— Зачем отдалять то, что близко? — спросила Фема.

Альберт прокашлялся.

— Я тебе утром все объясню, ладно?

— Почему утром?

— Потому что ночью надо спать.

— Хорошо, — согласилась Фема. — Спи. Я тут посижу.

Меня как будто не будет!

— Нельзя, Фема.

— Почему?

— Не знаю, — признался Альберт.

— Тогда можно, — подвела итог переговоров Фема и пристроилась у изножья раскладушки.

Альберт уже закрывал глаза, когда она вдруг осторожно потербила его за ногу:

— Погоди. Я хотела спросить важное.

— М-м...

— А как ты узнал, что мы здесь?

— Ну, там... дали координаты... — Альберт засыпал. — Европейский фонд...

— А они откуда узнали, что мы здесь?

Альберт забурчал в ответ что-то совсем невнятное — он спал.

А Фема, озадаченная собственным вопросом, начала щелкать себя по темечку, повторяя:

— Откуда они узнали, что мы здесь?

И вдруг вскочила: где-то вдалеке послышались крики погони.

Вскочил и Альберт:

— А?

— Карачура поймали? — тревожно спросила Фема.

Она высунулась из юрты и наткнулась на Правую
Руку.

— Где он?

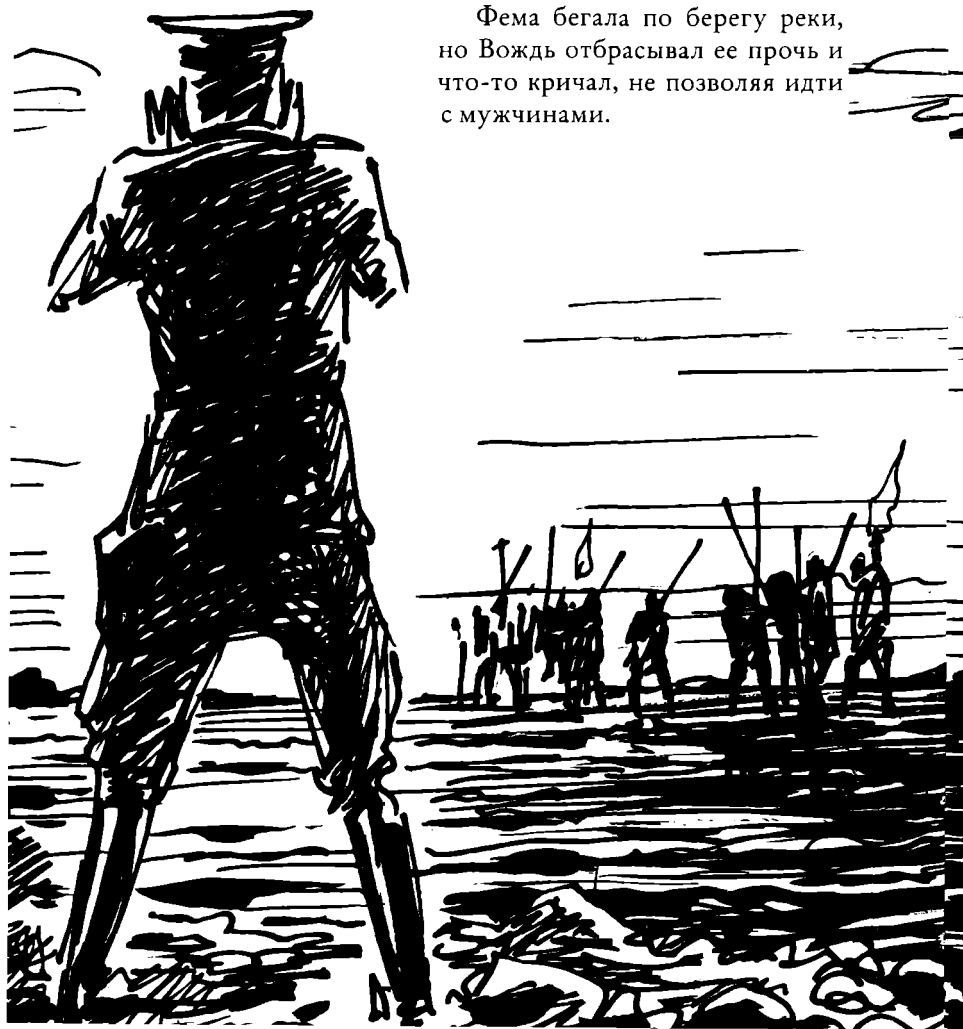
— Кто?

— Мой сын! — крикнул Правая Рука. — Где Локоток?

Шла переправа через реку. Горели фонарики — и пылали
факелы в примотанных консервных банках.

— Локоток! — метался в ночи
Правая Рука.

Фема бегала по берегу реки,
но Вождь отбрасывал ее прочь и
что-то кричал, не позволяя идти
с мужчинами.

Альберт, сорвавшийся следом, отставал — и поспел в самый разгар резни с настигнутыми карачурами... Мокрый и растерянный, он отпрянул от крови за мшистый огромный валун — и вдруг, в метре от себя, увидел Локотка, связанного, с кляпом во рту.

Съежившийся и напуганный происходящим не меньше, чем его пленник, молодой карачур отползал по камням, держа у горла мальчика нож. При виде Альберта он издал гортанный звук, смысл которого был совершенно ясен: «Уходи!»

Локоток вылез сквозь кляп, и юный карачур никак не мог сделать простое движение — ножом поперек чужого горла. Он все отползал, таща пленника...

— погоди, — шептал карачуру Альберт, медленно идя за ним и не сводя глаз с ножа. И протянул вперед пустые руки, доказательство мирных намерений. — погоди...

Сзади на карачура обрушился удар. И за упавшим телом обнаружилось торжествующее лицо одного из воинов.

Ночной праздник был в разгаре. Костры горели у реки. Из кассетника лилось что-то воинственно-патриотическое, рядом вприпрыжку выделялись воины. Пара из них были в хаки. Вуду в фуражке, напоминающей генеральскую, руководил ритуалом победы.

Женщины перевязывали раненых...

Локоток, стуча зубами, пил у костра что-то горячее. Рядом сидел на корточках отец. Неподалеку стояла виноватая Фема, но Локоток делал вид, что не видит ее.

А к Альберту давно прилип пьяноватый Воин.

— Ты теперь брат нам, понимаешь, — говорил он. — Братуха! — И, обернувшись к другому аборигену, с наслаждением, в десятый раз приступил к подробностям победы. — Но как мы этого накололи, да?

Окровавленный юный карачур сидел, привязанный к дереву под черепом.

— Я его не... накалывал, — с трудом выговорил Альберт.

— Ла-адно! — добродушно заржал Воин. — Слышь, прикол! Руки ему показал — мол, ничего нет, а я сзади — раз!

Другой Воин, хохоча, дружески колотил Альберта по плечу. Все это, съезжившись в сторонке, наблюдала Фема.

— Голова-а! — похлопывая Альберта по сторбленной спине, повторял Другой Воин.

— Ну, — наливая, сказал первый, — давай. За нас.

Альберт пригубил и, под внимательным взглядом Воина, отпил еще совсем немного. Тот издал недовольный гортанный звук.

— Спасибо, — подойдя к Альберту, сказал Правая Рука.

— Я рад, что все обошлось, — сказал Альберт. И после паузы спросил про карачура: — Что теперь будет с ним?

— Тот же, что со всеми... — сухо ответил Правая Рука.

В котлах у реки что-то варили.

— О господи! — простонал Альберт. — Послушайте... Мы договаривались с Вождем...

— Зачем вы приехали? — перебил его Правая Рука.

— Я хотел помочь вам.

— Так хотя бы не мешайте! — отрезал отец Локотка. — Перед рассветом этого карачура убьет мой сын. Его время пришло.

Безнадежное молчание длиной в пару цивилизаций повисло между говорящими.

— Вы очень образованный человек... — сказал наконец Правая Рука. — Христос и всякое такое... Но нам тут жить!

— Мы договаривались с Вождем, — упрямо сказал Альберт.

— Разумеется, — отрезал Правая Рука. — Два грузовика, женщины и дети. Все в силе.

Локотка между тем уже готовили к ритуалу. Раскрашивали лицо, как раскрашивают их бойцы всех армий... Локоток встретил глаза Альберта, отвернулся и закаменел.

Карачур тоже все понял. Он поймал взгляд миссионера и начал что-то говорить — отчаянно, одними губами. Взгляд Альберта на эти губы перехватил Воин, и карачур получил короткий сильный удар в лицо.

— Молчать, мясо!

Альберт сорвался в свою юрту. Быстро допил то, что было в посудине, тут же налил еще и снова опустошил. А снаружи уже раздавались ритмичные хлопки и подбадривающие крики — начинался ритуал инициации Локотка.

Альберт заткнул уши и повалился навзничь.

Рассвет проник в палатку, где ничком лежал миссионер. Над ним стоял человек в хорошем пальто на голое тело — Вождь Народа Конца Света.

— Мой юный друг! — потеревив за плечо лежащего, сказал он.

Альберт открыл глаза.

— Вы очень устали вчера, — сказал Вождь, — но дело — прежде всего...

— Дело? — Альберт пытался прийти в себя.

— Грузовики, — напомнил Вождь. — Гуманитарная помощь. Вы же приехали нам помочь.

— Помочь, — сказал Альберт. — Да-да...

Он вышел из юрты. У столба, где вчера сидел связанный карачур, лежали перерезанные веревки и темнело пятно на камнях. Дымилась котлы у реки. Стояло мертвое дерево с черепом, текла река, и полоскала белье туземка; вдали лежали брошенные остовы кораблей, ржавые баки... Пьяный туземец набирал из банки мутноватое зелье оловянной

кружкой. Из невидимой радиоточки звучало что-то воскресное, бодро-попсовое...

Альберт умывался водой из тазика, осматривая место командировки новыми глазами.

— Здравствуйте, — сказал он Правой Руке.

— Доброе утро, — ответил тот нейтрально.

Альберт помедлил... Он хотел что-то спросить, но не решился. Мальчика не было видно среди людей просыпающегося племени.

Привычно агукала женщина с младенцем на руках:

— Это кто у нас проснулся? Это Дудо проснулся. Дудо, да-а... Дудо-мальчик! Дудо вырастет большо-ой, волосатый, как папа. А где папа? Где папа? На работе! Забьет карачура, придет домо-ой! Как папа охотится на карачуров? У-у-у!

— У-у-у! — повторял младенец, и женщина смеялась и делала ему «козу».

Альберт все-таки решился:

— Простите, а ваш сын?..

— Он отдыхает.

— Может быть, я могу... — предложил Альберт. — У меня есть лекарства...

— В этом нет необходимости, — отрезал отец.

— Мой друг! — К ним подошел Вождь. — Настало время сделать еще один шаг к торжеству гуманитарных ценностей. Мы тут, пока вы спали, составили небольшой список первоочередных нужд...

И достал из кармана пальто лист бумаги.

— А тротил вам зачем? — спросил Альберт, изучив список.

— Абсолютно необходимая вещь, — заверил Вождь и, приложив руку к сердцу, шепотом добавил: — Исключительно в мирных целях.

— Понятно. Но мы договаривались...

— О, разумеется! Все давно готово.

— Можно? — спросил Правая Рука. Вождь кивнул, и Правая Рука дал отмашку Агуне.

Агуня, мирно чесавшая волосы, вдруг зашлась в крике. Народ в волнении сбежался к колотящейся в экстазе женщине.

— О-о-о! — выла Агуня. — О-о-о! Что я вспомнила!

— Что ты вспомнила, Агуня? — задал наводящий вопрос Правая Рука.

— Я видела сегодня ночью духов реки!

Общий вздох любопытства и ужаса пронесся по народу.

— Ну вот, видите, — тихо сказал Вождь. — А вы не верили.

— Ваша теща — очень способный человек, — ответил Альберт.

— Сам удивляюсь, — пожал плечами Вождь. — Мама, у меня к вам просьба: вы расскажите свой сон Народу Конца Света. — И, широко улыбнувшись, повернулся к Альберту: — А нам — пора!

Кетчуп, бомжеватого вида человек, пил настойку, сидя на мостках у реки. Чем-то он неуловимо отличался от ос-

тальных — может быть, глазами, в которых иногда мелькал острый и болезненный интерес к происходящему.

Этими его глазами мы видели Альберта, шедшего к своей палатке с Вождем; видели, как он выходил оттуда с рацией; замечали невидимые Альберту перемещения людей по легким знакам Вождя и Правой Руки...

— Я прошу ускорить рассмотрение заявки! — говорил Альберт. Ответный голос в рации был почти неразличим через хрипы радиопомех. — Вы не понимаете остроты ситуации...

К говорящему тем временем сходилась помаленьку Народ Конца Света. Убогий, сидя неподалеку, продолжал свои эксперименты со спичками: он зажигал очередную, и снова обжигался, и с криком тряс обожженной рукой.

— Я знаю, что существуют сроки, — говорил Альберт, — но прошу вас их максимально сократить! Хорошо. Хорошо. Когда? Я очень надеюсь... Спасибо! Мы будем ждать! Конец связи.

Альберт выключил рацию — и только тут увидел, что вокруг стоят люди. В их поведении что-то изменилось: они держались немного развязнее прежнего, почти нагло.

— Добрый день, — сказал Альберт.

— Когда поедет грузовик? — не ответив на приветствие, спросил жирный абориген.

— Сперва полетит самолет... — начал было Альберт, но тут жилистый детина зашел в его палатку и вышел оттуда с аптечкой.

— Поставьте, пожалуйста, лекарства!.. Эй, уважаемый! Детина, помедлив, поставил аптечку на землю.

— Сперва полетит самолет, — закончил Альберт. — А потом от самолета поедет грузовик.

— Когда?

— Через три дня... Там будет много важных вещей. Но прежде...

— Что? — Альберт резко обернулся: хмурый одноглазый дядька стоял сзади и совсем близко. — Что «прежде»?

— Я думаю, вы уже поняли, — ответил миссионер, стараясь вернуть дистанцию, — прежде вам нужно будет перестать есть людей.

— А кого ж тогда есть? — спросил жирный абориген.

— Дичь, рыбу. Кроме того, у вас будут каши, овощи, много разных консервов...

— Это не то, — отрезал жирный.

— Не наш путь, — подал голос жилистый.

— Но духи реки запретили вам есть карачуров! — запротестовал Альберт.

— Только женщин и детей, — ответил жилистый. — И потом: это наши духи, наша река...

— Это наше дело! — внятно произнес одноглазый. — Зачем вы вмешиваетесь в наши внутренние дела?

— Вы живете среди нас! — подала звонкий голос баба. Девочка, прячась за ее юбку, испуганно таращилась на Альберта. — Уважайте наши обычаи!

— Ваши обычаи? — волнуясь, начал Альберт. — Видите ли...

Но не договорил: крепкий детина, подойдя, забрал у него из рук рацию.

— Отдайте, пожалуйста, — сказал Альберт. Он старался говорить спокойно, но голос предательски дрогнул. Детина, глядя Альберту прямо в глаза, нагло поцокал языком. Альберт огляделся: все смотрели ему прямо в глаза.

— Отдайте рацию, — сказал миссионер, уже понимая, что говорит это зря. — Я пожалею Вождю!

Детина поцокал еще раз и ушел, унося рацию. Люди Народа Конца Света еще постояли несколько секунд. Они смотрели на миссионера безо всякого выражения на лице. Как на вещь. Потом начали расходиться.

Подошла Агуня, хрустя пакетиком чипсов.

— Хорошая штука, — сказала она.

— Что?

— Вкусно, говорю. Скажи, чтобы прислали еще таких.

— Уже не могу, — сказал Альберт. Он стоял серее тучи.

— Отобрали говорилку? — переспросила Агуня.

— Отобрали.

— Говорилки, значит, уже нет.

Альберт покачал головой.

— Малахольный... — протянула Агуня и облизнулась. — А голова — есть? — вдруг негромко спросила она.

— Есть.

— А ноги? — после паузы совсем тихо спросила Агуня.

Часть третья. Пленник

Ночь опустилась на берег.

Племя отдыхало. У костра под тяжеловатый рок, долбивший из старого кассетника, дергались люди. В какой-то момент Альберт оказался в центре — танцевали вокруг него, не выпуская из странного танца. Потом, словно по невидимой команде, круг распался, и Альберт снова был волен идти куда хочет.

Перед юртой сидели Правая Рука и несколько воинов.

— Добрый вечер, — сказал миссионер. — Мне надо видеть Вождя.

— Он отдыхает, — ответил Правая Рука, шевеля угли.

— Мне нужно с ним поговорить.

— Он просил не беспокоить.

— Я понимаю, — сказал Альберт, — но дело очень срочное...

Правая Рука поднял глаза от костра и внятно повторил:

— Он просил не беспокоить.

Все, не шевелясь, смотрели в глаза Альберту, и он, постояв, ушел. Правая Рука кивком отправил следом одного из сидевших...

Альберт шел по берегу — музыка стихла, и стало слышно, как дышит вокруг ночь: плеск волн, крики чаек, стон ветра...

— Доброй ночи, Кетчуп! — окликнул Вуду.

Человек вздрогнул и ответил с поклоном:

— Доброй ночи, Вуду.

Это был тот самый, бомжеватого вида, мужчина с тревожным интересом в глазах.

— Надеюсь, духи реки хранят ваше здоровье? — осведомился колдун.

— Вполне.

— Я прошу их об этом каждый день.

— Спасибо, — ответил тот, кого называли Кетчуп.

— Вы знаете, как мы ценим ваши знания, опыт, — мягко сказал Вуду. — Но в последнее время Народ не видит вас в своем кругу во время заклинаний. Что-нибудь случилось?

— Я сделал все, что предписано, Вуду, — ответил человек.

— Разве дело в предписаниях, Кетчуп? Вы что, одолжение нам делаете? — Вуду взял паузу, но Кетчуп ничего не ответил. — Странно. Придется вернуться к вопросу о...

— Вуду! — вскрикнул Кетчуп. И, взяв себя в руки, тихо попросил: — Не надо возвращаться к вопросу. Я прошу вас! Я хочу приносить пользу народу, но выйдет больше пользы, если я буду молиться отдельно.

— Вы хитрый человек, Кетчуп, — ответил Вуду. — Но есть правила. И вы знаете, что бывает с теми, кто...

— Знаю, — сказал Кетчуп.

— Я надеюсь увидеть вас вместе с Народом в ближайшее полнолуние, — закончил Вуду.

Альберт стоял у реки. Светало, и тяжелые массы воды тяжело проходили мимо его одинокой фигуры. Вдруг чья-то фигура метнулась из-за камня; кто-то с рыком набросился ему на плечи. Альберт с криком отпрянул в сторону.

Фема хохотала, сидя на камнях:

— Испугался?

Альберт кивнул и вымучил улыбку.

— Да, — с удовольствием повторяла Фема, — я страшная, страшная...

И, снова метнувшись, прижалась к нему.

— Ты что? — Альберт неуверенно пытался отлепить от себя нежное тело девочки. — Не надо, — попросил он.

— Надо. Все будет хорошо. Не бойся!

Она стояла, вжавшись в него.

— Фема! — сказал ей Альберт в самое ухо, стараясь говорить ровным голосом воспитателя. — Ты мне тоже

нравиться, но... Ведь ты видела только четырнадцать разливов реки, правда?

— Правда.

— Ну, вот.

— Я не понимаю! — Не переставая прижиматься, она снизу заглянула ему в глаза. — Христос запрещает любить тех, кто видел четырнадцать разливов реки?

— Нет, Христос этого не запрещает, — улыбнулся Альберт.

— Вот и хорошо!

И она снова прижалась к его груди. Альберт погладил ее по голове, стараясь гладить только по голове...

Все это мы видели глазами какого-то человека, следившего за Альбертом из-за каменной гряды.

Альберт осторожно поцеловал Фему в макушку.

— Ой, — сказала она. — Еще.

Альберт поцеловал еще, и через несколько секунд процесс стал почти неуправляемым.

— Так... — прохрипел Альберт. — Стоп! Стоп!

— Не надо стоп, — попросила Фема, лоя его руки.

— Фема...

— Я тебе нравлюсь?

— Да.

— Тогда не надо стоп, — сказала она и провела пальцами по его глазам, закрывая их. Он поцеловал эти пальцы и вдруг вздрогнул.

— Что это?

На руке у Фемы в лунном свете сверкнул браслет часов.

— Это? Украшение.

— Откуда?

— Взяла, — сказала она, пытаясь направить его руки по прежнему сладкому маршруту.

— Где взяла? Фема! — Он крепко встряхнул ее. — Откуда у тебя эти часы?

— Обними...

Альберт с силой вывернул ее руку, почти ткнув браслетом в лицо:

— Откуда — у тебя — это?

— Дурак! — вскрикнула Фема. — Больно!

— Откуда?

— Это... Томас, — вдруг сказала Фема.

— Кто?

— Здесь, был. Два разлива реки... назад. Пусти! — Фема уже плакала от боли и унижения.

— Где он? — Альберт встряхнул ее, и она, не сопротивляясь, обвисла, как пустой мешок. — Фема, где он?

— Я не ела, — сказала она.

Стало слышно, как несет свои воды река. Альберт отпустил тонкие запястья девушки. Она всхлипнула, где-то крикнула птица, и снова повисла тишина.

— У него была рация? — спросил Альберт.

Фема снова всхлипнула и кивнула.

— Рацию отобрали... — уже не спросил, а просто сказал Альберт.

Фема промолчала.

— Он просил о помощи для вас?

Фема кивнула, шмыгнув носом.

— Так вот откуда ваши координаты, — вдруг понял Альберт.

— Я же... тебя... спрашивала... — с трудом выговорила Фема.

— Он рассказывал вам про Христа. Он говорил с вами, как с людьми...

— Мы люди! — в отчаянии крикнула Фема.

— Вы людоеды! — сдавленным криком ответил Альберт. — А я идиот. Пусти!

Он отбросил от себя девочку и быстрым шагом пошел вдоль реки.

Фема выла, сидя на тропе.

Когда из-за поворота тропы показались очертания жилища, Альберт остановился перевести дух. Потом нарочито спокойным шагом двинулся к людоедской деревне, жившей привычным утренним бытом. Баба полоскала белье, лежал у плетня пьяный, что-то варилось в котлах...

Альберт вошел в свою палатку, и там ритм его движений стремительно поменялся: с минуту, тихо чертыхаясь, Альберт судорожно рылся в вещах. Он что-то искал и нашел.

— Вот.

В потной руке лежали ключи от машины.

— Вот. — Он положил ключи в карман и сел, собираясь с силами. — Ну! — ободрил он себя, встал и нарочито неспешно распахнул полог палатки....

Перед палаткой стоял Вождь. Несколько крепких людей племени стояли вокруг.

— Доброе утро, — вежливо сказал человек в пальто на голое тело. — Вы куда-то спешите?

— Нет, — сказал Альберт.

— Вот и хорошо, — обрадовался Вождь. — Куда вам, правда, спешить? Вы меня искали?

— Да.

— Что-нибудь случилось?

— Да, в общем, ерунда... — как можно непринужденнее сказал Альберт. — Но... Кто-то забрал у меня рацию.

— Знаю, — просто сказал Вождь. — И вы тоже — все знаете. Девочка рассказала? — уточнил он чуть погодя и прицокнул, качнув большой головой. — Ну что же, — Вождь пожал плечами, — рано или поздно...

Он протянул руку:

— Ключи от машины... пожалуйста.

Альберт не двигался. Вождь не двигался тоже, и Альберт отдал ключи.

Вождь почти товарищески похлопал его по плечу:

— Так всем будет спокойнее.

— Это нечестно! — только и смог сказать миссионер.

— Это жизнь, — просто ответил Вождь.

— Отпустите меня, — вдруг попросил Альберт.

Вождь посмотрел на него взглядом, полным искреннего интереса.

— Ну как мы вас отпустим, — объяснил он, как ребенку. — Вы же остановите грузовики с вещами.

— Да. Потому что там люди!

— Да, и люди, — улыбнулся Вождь, показав зубы. — Конечно, как я мог забыть.

— Боже, какая глупость! — схватился за голову Альберт.

— Ехать к нам с Библией? — уточнил большой человек в пальто на голое тело. — Да, глуповато.

Фема рыдала, уткнувшись в колени Агуне.

— Что? Что, девочка? — спрашивала та, вода гребнем по волосам внучки. — Что случилось?

Фема выла, не отвечая ни слова.

— Бедная девочка, хорошая девочка... — догадалась теща Вождя. — Ну, ничего, кто-нибудь еще придет...

Фема взвыла с новой силой, вырвалась и убежала прочь.

— Нет, ну вот же я дура, а... — в сердцах бросила Агуня.

— Я не понимаю: зачем?

Срывающийся голос Альберта доносился из палатки, и трое крепких мужчин из племени, переглядываясь, слушали это, сидя перед пологом. Один из них равномерно бил точилом по топору.

— Зачем все время лгать и убивать, если можно жить по-другому?

— Мы не хотим жить по-другому! Вы еще не поняли? — отвечал Вождь. — Мы не будем жить по-другому... Если сюда придет Христос, мы съедим Христа; придет Магомет — съедим Магомета.

— Но ведь это невыгодно! — говорил Альберт. — Рано или поздно все раскроется. Запасы кончатся и вы навсегда останетесь в каменном веке!

Он сидел на раскладушке, забившись в угол. Книга, бумага, вода, спиртовка, портрет Швейцера — все это меркло рядом с нависающей фигурой человека в пальто на голое тело.

— Запасы не кончатся, — ответил этот человек. — Знаете, сколько в мире благотворительных организаций? — И сам ответил, выдержав паузу: — И я не знаю. Но у нас около тысячи адресов...

— Откуда?

— Из Интернета, юноша! — рассмеялся Вождь. — Вы что же, в самом деле нас за животных держите? Наши дети давно учатся в западных университетах, изучают право, финансы... Потом приезжают на родину на каникулы, едят карачуров, привозят наводки на новых лохов вроде вас... Мы действительно в самом начале пути, за нас не беспокойтесь. Подумайте о себе!

— О себе мне уже поздно, — стараясь выглядеть гордым, сказал Альберт.

— Ну почему? — возразил Вождь, надвинувшись совсем вплотную, — Вам можно остаться в живых. Интересует такая перспектива?

— Интересует, — сказал миссионер.

— Тогда вам надо стать одним из нас... — негромко сказал Вождь. — Вы наших видели?

— Видел.

— Вот таким. Своих мы уже не едим. — Вождь улыбнулся и развел руками. — Эволюция! Подучите нашу славную историю, проникнетесь патриотизмом... Только не надо кривиться! Чем наш-то хуже вашего? Такой же точно. Пропахнете нашей жизнью... коллективные заклинания, то-се... Ну и, не стану от вас скрывать — человекоедение.

— Нет! — вскочил Альберт.

— Не драматизируйте, прошу вас! Все не так страшно. Карачура поймают заранее. Есть специальное питье перед процедурой: так затуманивает сознание, вы потом и не вспомните ничего. Съесть надо совсем немного, чистая формальность. Фестал я припас из ваших же запасов...

— Что?

— Фестал. От живота. Страдать-то зачем!

— Томас не сделал этого, — сказал Альберт.

— Кто? А-а... — Вождь пожал плечами. — Ну и кому стало лучше? Карачура все равно съели.

— Томас был — человек!

— Не хочу вас расстраивать, — Вождь нехорошо улыбнулся, — но этот кусок мяса приехал сюда не один... У него был товарищ. — И, дыхнув в самое лицо Альберту, предложил: — Хотите, познакомлю?

Кетчуп — почти старик — пил в своей норе, устроенной в камнях на отшибе. Он вливал в себя настойку, издавая гортанный звук отвращения, заедал чем-то и снова припадал ухом к маленькому хрипящему транзистору.

«...долиза Райс, совершающая поездку по странам Ближнего Востока, сегодня провела двухчасовые переговоры...»

Помехи свистели в эфире.

«...декс Насдак на Нью-йоркской бирже опустился сегодня на три пункта. Однако эксперты не считают это началом тенденции и объясня...» Хрип и свист накрывали голос диктора.

Кетчуп умыл лицо, всмотрелся в таз с водой и, скорчив рожу, объявил отражению:

— Эксперты не считают!

И изобразил дикарский танец радости...

— У! — кричал он, размахивая руками. — У! Э! Э! Э!

И закашлялся, и снова как к лекарству, бросился к бутылке с настойкой.

Вождь и Альберт шли вдоль реки.
За ними в некотором отдалении перемещались Правая
Рука и несколько воинов племени...

«...По мнению журнала «People», — говорил транзистор, — главным претендентом на «Оскар» этого года будет новый фильм режиссе... — Помехи привычно накрывали новости из большого мира. — ...обычайно теплая погода, установившаяся в Европе в нынешнем марте, значительно увеличила доходы владельцев уличных кафе».

Хрипы и свист слились вдруг с тоскливым тихим воем Кетчупа.

«...сти культуры, — как ни в чем не бывало сказал транзистор. — Премьерный показ новой коллекции прет-а-порте «весна—осень» дома моделей «Пако Рабан» состоится в Риме в ближай...»

Новые радиопомехи заставили Кетчупа в ярости заколотить приемником о колено. Тут в его нору вошли Вождь и Альберт.

— Здравствуй.

— Здравствуйте, — склонился тот, кого здесь называли Кетчуп, и метнул быстрый нервный взгляд на Альберта.

— Что-нибудь интересное? — кивнув на транзистор, поднял бровь Вождь.

— Простите, — сказал Кетчуп и выключил приемник.

— Да на здоровье... — пожал плечами большой человек. — Как жизнь?

— Спасибо, очень хорошо.

— Еды, питья хватает?

Кетчуп поклонился.

— Женщины приходят?

Кетчуп кивнул.

— У нас тут есть такие... — обратился Вождь к Альберту. — Надеюсь, вы еще оцените. Стоят — пару ракушек. Вот, привел тебе гостя! — обернулся он к хозяину норы.

— Альберт.

— Кетчуп, — чуть помедлив, представился тот.

— Ну, вы пообщайтесь... — предложил Вождь и вышел наружу. — Потом этого — ко мне, — сказал он крепким людям, сопровождавшим его, и хотел идти прочь, но его остановил резкий голос Вуду:

— Уговариваете?

Вождь медленно повернулся. Крепкие воины племени, сидевшие вокруг, затаили дыхание.

— Разъясняю, — уточнил Вождь.

— И вам помогает дочь? Люди все время видят ее возле приезжего.

— Люди очень внимательны, — заметил глава племени.

— Да! — возвысил голос Вуду. — Народ беспокоит, что он продолжает проповедовать свою дрянь и проводит время с дочерью Вождя. Народ думает: может быть, поэтому он еще не привязан к мертвому дереву?

— Это духи реки информируют вас о настроениях народа? — поинтересовался Вождь

— В том числе. — Вуду позволил себе ухмыльнуться.

— Так передайте им, что Вождь ни на пядь не отступит от заповеданной тропы! — провозгласил глава племени. — А главное — не волнуйтесь сами, — вдруг снизил голос до интимного человек в пальто и, подойдя, взял Вуду под руку. — Вы уже немолоды, а ваше здоровье нам дороже всего на свете. Правда? — спросил он у Правой Руки.

— Еще бы, — бесстрастно ответил тот. — Такой человек...

— Кстати о здоровье, — наклонившись к самому уху Вуду, продолжил Вождь, — не вредны ли для него, в нашем с вами возрасте, половые излишества с женами ветеранов племени? Что говорят об этом духи реки?

— Я благодарен вам за заботу, Вождь, — после паузы ответил колдун и, вырвав локоть из сильной руки Вождя, торжественно удалился прочь.

— Ну что вы, — бесцветно сказал ему вслед глава племени. — Это мой долг.

Он вынул из кармана пальто дорогую сигару и начал задумчиво разминать ее в пальцах. Правая Рука чиркнул золоченой зажигалкой.

— Значит, Институт антропологии? — спросил Кетчуп.

— Да.

— Бывал... Х-хе. — Он покачал головой, сам не веря в то, что все это было когда-то в его жизни. — Во дворе платан и памятник Леви-Строссу?

— Да.

— На первом этаже — кафе-стекляшка и девушка такая... с глазами... Работает она еще?

Альберт не ответил.

— Хорошо там весной?

— Очень.

— И здесь хорошо, — вдруг сказал тот, кого называли Кетчуп. — Красота несусветная. Полярный день... Жить можно!

— Я вижу.

— Женщины ласковые. Чуть-чуть с ними как с людьми — такое вытворяют!

Альберт молчал, не зная, что сказать.

— Я привык, — сказал наконец первый пленник. — И вы привыкнете.

— Нет.

— Это гордыня! — усмехнулся Кетчуп. — Вы считаете, что мир рухнет из-за вас. И Томас так считал. А мир не рухнет. Ничего не изменится вообще! Съедите вы человекоеда или другие человекоеды съедят вас...

— Людоеды, — напомнил Альберт.

— Это вопрос терминологии... — отмахнулся Кетчуп.

— Это вопрос спасения души, — сказал Альберт, и лицо его собеседника исказила гримаса.

— Тело надо спасать, — прохрипел он, — тело! Рассказать вам, что они сделали с Томасом?

— Не надо, — попросил Альберт.

Кетчуп налил настойку:

— Будете?

— Давайте.

Они выпили терпкую жидкость — Кетчуп привычным глотком, Альберт с усилием...

— Знаете, какая у меня была тема?

— Что?

— Тема какая была в университете? — пояснил Кетчуп. — «Самоидентификация человека в традиционном обществе». Так что я, можно считать, нахожусь на полевых работах.

— И как... работа?

— Самоидентифицируюсь помаленьку... — поднял глаза Кетчуп. — Хотите, я станцюю вам танец, которым мы, Народ Конца Света, приветствуем рождение луны?

— Не хочу.

Альберт с трудом скрывал ужас.

— Значит, танец не хотите... Хорошо, — согласился Кетчуп. — А фокус хотите?

И с этими словами он вынул из-под лежанки мешок.

— Что это?

— Это фокус, — напомнил Кетчуп. — Ап! Ап!

И он в два приема медленно, как иллюзионист, достал из мешка автомат и два перевязанных изолентой рожка.

— Автомат Калашникова, — прервал наступившую тишину пленник. — Два рожка по тридцать патронов. Лучший двигатель прогресса! Устанавливает светлое будущее за пару дней. Царство Христа, город Солнца, власть красных кхмеров... — без разницы.

Альберт вскочил. В глазах его загорелся незнакомый прежде огонь.

— Но наша с вами беда, Альберт, — сказал Кетчуп, — в том, что рожки — пустые.

Крепкие люди, стерегшие нору Кетчупа, точили каменные ножи, напевая что-то свое, древнее, тоскливое и по-своему прекрасное.

— Томас был против насилия! — шептал Кетчуп. — Несчастный идиот. Он считал, что мир надо менять словом... Его уже ели, а он все говорил... Будь он проклят!

— Не надо так, — попросил Альберт. И сам простонал от досады. — Ах, черт возьми!

— Да. — Кетчуп снова налил. — Этот калашников — фикция, психологическое оружие...

И, подняв глаза на Альберта, добавил:

— Почти...

Альберт стоял не шелохнувшись.

— Один патрон там все-таки есть, — прошептал Кетчуп. — В патроннике. Томас был рассеянным человеком. Помянем Томаса!

Он выпил в одиночестве. Он жадно глотал бурюю жидкость, и настойка текла по шее.

— Итак, коллега! — торжественно объявил Кетчуп, оставив чашу. — Что мы имеем? Один из нас имеет возможность застрелиться. Или застрелить кого-нибудь по своему выбору. Свобода выбора — ну, вы помните... Какие будут предложения?

Альберт молчал.

— Нет предложений? Хорошо.

Кетчуп помолчал.

— Тогда есть предложение у меня... Дорогой Альберт, я завершил самоидентификацию. Я животное. Старое больное животное, которое надо пристрелить. Убейте меня, коллега. И съешьте. Это будет даже... элегантно. Ну, пожалуйста!

— Как вас зовут?

— Йохан Кирш, — после паузы ответил человек. — Доктор Йохан Кирш.

Агуня что-то толкла в ступе.

Лицо ее не выражало ничего. Но потом она застыла на полудвижении — и вдруг со всей силы в ярости ударила посудину о камни.

Вождь шел вдоль реки, потом остановился:

— Фема!

Он подождал секунду, и Фема медленно поднялась из-за каменной гряды.

— Почему ты прячешься от людей? — спросил он. — Разве ты мышка или хорек?

Фема молчала.

— Идем домой, — сказал отец.

Фема молча помотала головой.

— Ты хочешь увидеть его еще раз?

Фема кивнула.

— Иди сюда.

Фема подошла, и Вождь обнял ее.

— Может быть, все еще обойдется, — сказал он. — Может быть, он будет жить здесь еще много разливов реки. Но ты взрослая девочка, ты знаешь: есть порядок...

— А если нарушить порядок?

— Тогда съедят меня, — просто сказал Вождь. — А потом тебя и бабушку.

— Кто?

— Они. Все, — в самое ухо дочери сказал Вождь.

Кетчуп сидел на своей койке, раскачиваясь взад-вперед. Человек с одичавшими глазами.

— Не оставляйте меня здесь одного, пожалуйста! — умолял он. — Либо пристрелите, либо зажмурьтесь покрепче и съешьте кусок карачура! Один раз. А там как пойдет. У меня есть радио... Будем разговаривать обо всем, вспоминать... Вы в армии были?

— Нет, — сказал Альберт.

— В армии, перед отбоем, мы вспоминали вслух все подряд из человеческих времен: рестораны, фильмы... девушек вспоминали... Давайте, а? Скоротаем жизнь...

— Я не могу, доктор, — сказал Альберт. — Не обижайтесь — не могу!

— Тогда вам лучше застрелиться, — после паузы произнес Кетчуп. — Я знаю, что говорю.

Короткий северный день уходил прочь, и племя провожало его, сидя у костра. Подросток точил нож под одобрительными взглядами женщин.

— Твой-то как вырос... — сказала одна другой. — Сколько ему?

— Еще маленький, — зарделась женщина.

— Не очень-то маленький, — заметила третья, с красивой грудью. — Мне шукуру подарил. Смотрит все время. Такой красавец.

Юноша резко встал и опрометью бросился прочь.

— Хочешь, я его научу? — спросила у матери третья.

— Чему?

— А вот чего сама умею, тому и научу.

— Ой, бабы... — поморщился дядька-людоед, сидевший на завалинке с сигареткой.

— Завидно — скажи, — отрезала та, которая была с красивой грудью.

— Дура, — беззлобно ответил дядька. — Лучше бы подымила вокруг — от комарья спасу нет.

— Да-а... — подал голос щупловатый, лежавший неподалеку с пивком в руке. — Комары у нас — о-о!..

— Комары везде о-о, — сказал дядька.

— Не-е, — возразил щупловатый. — Наши больше. Таких, как у нас, нигде нет. Просто птицы. И запах вот этот... Нигде такого нет!

— Так это ты и пахнешь, — вдруг сказала красивая.

— Ой, бабы! — вдруг выдохнула мать юноши. — Когда ж нам счастье будет?

Альберта под конвоем вели мимо этого диалога по берегу реки. Рядом группа молодых аборигенов лениво играла во что-то вроде футбола, перебрасываясь вместо мяча черепом.

— Вы не оставляете мне выбора, — угрюмо сказал Вождь. Он сидел в своей юрте, перед ним стоял приведенный.

— Это ваши проблемы!

— Не дерзи мне, дурак, — сказал Вождь. И после паузы произнес: — У меня есть дочь...

— Я понимаю... — Альберт сменил тон.

— Какой понятливый! — прервал его человек в пальто на голое тело. — Ну, хорошо. Давай — компромисс...

— У нас уже был компромисс.

— А-а, — хмыкнул Вождь. — Нет, это я тебя просто обманул! А компромисс — сейчас. Ты не будешь есть карачура. Станцуешь вместе со всеми, совершишь обряд... в общем, все, что полагается... а мясо я подменю. — Он понизил голос. — Съешь кусок кабанины. И будем жить!

— Я не стану жить по-вашему! — сорвался Альберт.

— Дурак, — снова констатировал Вождь. — Ладно. — Он задал в пепельнице сигарету и встал, давая понять, что разговор окончен. — Дело хозяйское! Не пропусти рассвет. Этот — последний...

— Как это будет? — не выдержал Альберт.

— А-а, перестал геройствовать? — Вождь усмехнулся почти печально. — Ничего нового, мой друг. Сегодня моя ясновидящая теща увидит во сне, как вы просите духов ночи навести порчу на наш прекрасный народ. Вас свяжут. Потом Вуду выступит с речью перед Советом племени. Он расскажет о раскрытом заговоре. Кстати: время от времени Вуду трахает жену одного нашего ветерана, и ветеран, кажется, что-то подозревает, поэтому не исключено, что у вас появится сообщник. Потом вас съедят — скорее всего, вместе с ветераном.

Вождь помолчал, а потом попросил:

— Не доводите до этого идиотизма, Альберт. Если вам не жалко себя, пожалейте мою дочь!

Вождь вышел из юрты — и напоролся взглядом на взгляд Фемы. Она сидела на корточках и затравленно смотрела в глаза отцу. За спиной Вождя в юрту тут же вошли трое — через мгновение они вывели Альберта и повели в сторону палатки.

Один из конвоиров легко и почти дружески подталкивал миссионера в спину.

— Не ходи за ними, — тихо, но жестко остановил Вождь движение дочери. — Может быть, он еще передумает, — добавил он.

Фема хотела что-то спросить, но не спросила, и Вождь, тоже ничего более не сказав, вернулся к себе в юрту.

А возле Фемы возник Вуду.

— Ты совсем замерзла, — сказал он, протягивая питье.

Фема не пошевелилась.

— Выпей, — велел Вуду. — Горячее.

— Вы говорили: духи реки хотят ему добра! — вдруг горячо заговорила дочь Вождя. — Вы...

— Я поэтому и пришел, — перебил ее Вуду. — Пей!

Фема отпила из чаши.

— А теперь пойдём.

— Куда?

— Туда, где все будет хорошо, — ответил Вуду.

Когда конвоиры ушли, Альберт еще некоторое время постоял посреди своей палатки. Потом сел, поправил книги. Автоматически открыл тетрадь и даже взял ручку. Потом отбросил ее и обхватил голову руками.

— Привет, — раздался рядом голос мальчика.

— Здравствуй. — Альберт даже не заметил, когда вошел Локоток.

— Я тут посижу?

— Хорошо, — согласился Альберт.

Локоток сел.

— Давай сварим микроба? — предложил он после паузы.

— Прости. — Альберт с трудом выдавил улыбку. — Не хочется.

Они еще помолчали, а потом Локоток спросил:

— Шибанутый, тебе страшно?

— Страшно, — ответил Альберт.

— Потому что тебя убьют?

— Да. Откуда ты знаешь?
— Все говорят...
— Надеюсь, это сделаешь не ты, — сказал Альберт, и мальчик вдруг бросился на него с воем и с кулаками:
— Смеешься, да? Смеешься!
— Ты что! Ты что?..

Альберт не сразу сумел поймать Локотка за руки, а тот кричал ему в лицо, задыхаясь, сдавленным голосом:

— Если бы был другой карачур, я бы смог! Я бы смог! А этот смотрит прямо в глаза! Я же не виноват, что он на меня... смотрит! И прямо как будто говорит: а я тебя не убил, а я тебя не убил! И у меня руки как не свои, и всего прямо... бьет внутри... К-колдовство какое-то!

— Так ты его не убил? — ахнул Альберт.

— Не смог! — в отчаянии простонал мальчишка. — Опозорил отца-а!

И он зарыдал на руках у Альберта.

Фема порывисто целовала руки Вуду.

— Ну-ну, что ты, что ты... — говорил старик. — Ты все запомнила?

— Конечно! Когда крикнет сова — сначала один раз, а потом два...

— Умница, — сказал Вуду и погладил ее по голове. — А теперь ступай к нему.

Вождь остановился у костра, перед которым, не мигая, сидела Агуня.

— Может быть, пора спать? — произнес он, помолчав.

— У меня осталось мало времени, — ответила женщина.

— Вам рано думать о смерти, — сказал Вождь.

— Ты помнишь мою дочь? — вдруг спросила Агуня.

— Да, — ответил человек в пальто на голое тело.

— Я видела ее сегодня, — просто сказала Агуня. Она подняла взгляд от огня. — Иногда я вижу сны без твоих указаний, Вождь. Она плакала.

Вождь ничего не ответил.

— Зачем это все, если она плакала?

За спиной Агуни бесшумно возник Правая Рука. Вождь поймал его взгляд и дал знак рукой: сейчас.

— Ладно, — вздохнула Агуня. — Иди, начальник. У тебя так много дел...

Глубокая ночь дышала вокруг реки.

Локоток стоял на берегу реки, всхлипывая и тайком шелкая себя по темечку. Стражи пили у палатки Альберта, поглядывая на полог. Где-то женщина баюкала своего Дудо:

— Дудо вырастет большой. Он никого не будет бояться. И все будут его любить... И духи реки его не тронут, и будет Дудо жить долго-долго...

Альберт лежал, глядя в темную ткань палатки, у изголовья сидела Фема.

— И найдет волшебную траву, — баюкала женщина, — и станет быстрым и невидимым, и съест всех карачуров... Всех-всех! — нежно и страстно повторила она.

— Мы не виноваты, — сказала Фема. — Мы так живем.

— Я знаю, — сказал Альберт, и вздох все-таки вырвался из его груди. — Черт возьми, как глупо!

— Ну-ну-ну, ничего-ничего... — сказала Фема и осторожно погладила его по голове. — Поболит и пройдет, поболит и пройдет...

Совсем рядом, из-за тонкой ткани, начали раздаваться откровенные звуки любви. Альберт отвернулся. Но женский стон пробивал небеса, и Фема вдруг наклонилась и повернула голову Альберта к себе:

— Я тоже хочу так!

— Нельзя, Фема.

— Можно. Поцелуй меня!

Фема закрыла глаза и замерла, приоткрыв губы. Альберт провел рукой по ее волосам и, чуть нагнув ее голову, осторожно поцеловал в глаз.

— Нет, по-настоящему! — потребовала Фема.

— Тебе надо еще немножко подрасти, — механическим голосом ответил Альберт.

— Но тебя завтра съедят! — крикнула Фема.

Альберт ничего не ответил, и она укусила его в плечо. Бедняга вскрикнул.

— Ты не хочешь поцеловать меня по-взрослому! Ты не можешь ради меня съесть карачура! Ты меня не любишь! У-у-у!

Она съежилась и тихо завывала в пол.

Альберт сел на раскладушке. Он не знал, как поступают в таких случаях. Потом он обнял Фему и поцеловал в макушку.

— Ну, не обижайся, — говорил он, глядя ее по вздрагивающей и податливой спине, — ну, милая, ну, хорошая...

Она порывисто прижалась к нему.

— Ты меня не любишь, но я все равно тебя спасу! Слушай...

И что-то зашептала Альберту в самое ухо.

Негромкий свист пролетел над рекой — и воины, стерегшие Альберта, переглянувшись, бесшумно ушли. Уходя, один из них кинул внимательный взгляд на палатку.

— Они собираются бежать, — говорил Вуду. — Пришелец и дочь вождя.

— Бежать? — В полупотухших глазах Воина блеснули искры. — Куда?

— Туда, откуда он пришел. — Вуду указал в темноту. — За бугор! Но главное, Вождь тоже в заговоре: он сам приготовил зелье для стражи.

Воин выпрямил спину:

— Вождь?

— Ты все услышишь своими ушами, — отрезал Вуду. — Когда он крикнет совой, они побегут вдоль ручья.

Старый Воин улыбнулся и издал хищный хрип, предвестник большой охоты.

— Вуду хочет, чтобы мы бежали? — Альберт заглядывал в лихорадочно блестящие глаза Фемы. — Вуду?

— Да! Духи реки велели ему... Мы сейчас спрячемся, а потом он все объяснит папе, и все будет хорошо. Ты меня любишь?

— Не знаю. — Альберт мотнул головой и улыбнулся. — Наверное, люблю! — Он крепко взял ее за запястья. — Но мы никуда не побежим.

Снаружи раздался крик совы, и Фема, выдрав руки, змеей метнулась к пологу. Стражи снаружи не было.

— Никого. Скорее!

— Мы никуда не побежим.

Сдвоенный крик совы пронесся над берегом.

— Ты что? Скорее, скорее же, ну! — тянула Альберта обезумевшая Фема.

— Опомнись!.. — тряс он ее. — Это ловушка!

Но Фема ничего не слышала. Мотая головой и тихо воя, она тянула пленника к выходу. И наткнулась на вошедшего отца. Он молча дал Феме пощечину. Девочка рухнула на пол и начала выть, лежа в ногах у мужчин.

— Как же я вас всех ненавижу, — раздельно сказал Альберт.

— Приятно иметь дело со взрослым человеком, — ответил Вождь. Потом нагнулся и осторожно коснулся плеча дочери:

— Идем.

Фема выла, вцепившись в ноги Альберта.

Умело спрятанный за каменной грядой, жилистый абориген снова прокричал совой. Потом сделал это еще два раза. И после паузы уточнил, обернувшись:

— Еще?

Вуду, сидевший рядом, хотел ответить, но только зашелся в простудном кашле.

Часть четвертая. Избавление

Рассвет поднимался над рекой. Кетчуп умывался над тазом. Потом он тщательно разгладил волосы и снова наклонился над отражением.

— Доктор Йохан Киш, вам пора!

Старый Воин с командой верных людей все сидел в засаде у ручья, куда его направил Вуду.

— Что-то они не идут... — сказал он наконец.

Воины переглянулись. Было уже почти светло.

Солнце встало над каменной грядой, осветив человеческие жилища.

Агуния медленно расчесывала волосы. Лицо ее было неподвижно.

Доктор Йохан Киш отглотнул настойку, вытащил из-под лежака мешок и аккуратно проверил затвор у автомата. Он погладил цевье, и тут снаружи раздался голос Вуду:

— Кетчуп!

Доктор, помедлив, положил автомат обратно и вышел из хижины.

— Кетчуп, — севшим голосом сказал колдун, — я пришел вас обрадовать. Народу Конца Света предстоит сегодня избавление от порчи, поразившей его.

— Я знаю, — сказал Кетчуп.

— Вы не знаете главного! — заверил Вуду. — Это предстоит сделать вам...

Ничего не изменилось в лице Кетчуна.

— Локоток, — заглянув в юрту, бросил Правая Рука. — Подъем!

— Пап, я еще полежу, — попросил мальчик.

— Что за новости? — сказал отец. — И перестань щелкать себя по голове! Что с тобой такое?..

— Ничего! — крикнул Локоток. — Со мной все хорошо! Просто я хочу лежать!

И, съежившись, он зарылся в подушку.

Тем временем отовсюду на свет божий выползал народ.

Альберт вышел из палатки и встретился с двумя парами глаз. Конвоиры кивком указали ему на мертвое дерево с черепом на сучке, и Альберт на ватных ногах пошел туда. Фема попыталась встать рядом, но один из конвоиров без слов преградил путь.

— Эй! Вы чего? — сказала Фема и жалобно добавила: — Вы чего — дураки?

Никто не ответил ей.

— Как спалось, Вуду? — доброжелательно спросил Вождь.

— Спасибо, — сипло ответил старый колдун.

— Совы не беспокоили? — осведомился глава племени и после паузы добавил: — Рот-то закрой.

Гудя ожиданием, народ стягивался к ритуальному дереву... Пришел Кетчуп, небрежно бросил мешок и с поклоном подошел к Вождю:

— Я попробую еще разок, ладно? Вдруг?..

Вождь кивнул.

— Альберт...

— Здравствуйте, доктор, — ответил стоявший у мертвого дерева. — Только не промахнитесь, ладно?

— Неохота тратить пулю на интеллигентного человека, — негромко, без выражения ответил доктор.

Вождь и люди племени не слышали разговора, но смотрели внимательно.

— Давайте попробуем пристрелить хотя бы одного звероящера, а? Посмотрим, как разлетятся мозги, а там — как пойдет...

— Не надо, Йохан, — попросил Альберт.

— Как приятно, когда тебя зовут человеческим именем, — сказал доктор. — Будьте наготове. Прощайте.

И он отошел от Альберта, качнув головой.

— Ну, что? — неприязненно спросил вождь.

— Должен вас расстроить, — сказал доктор, — он не станет людоедом.

Вождь вскинул брови.

— Это называется — человекоедение, Кетчуп!

— Доктор Йохан Киш, с вашего позволения, — церемонно раскланялся тот.

— Что-о?

— Виноват, исправлюсь... — ухмыльнулся доктор. — Хотите, я съем его живьем? — предложил он, дыхнув в лицо Вождя.

— Тебе надо меньше пить, — сказал Вождь. — Альберт!

— Может быть, начнем? — в нетерпении выкрикнул Вуду.

— Нет? — в последний раз спросил Вождь. Альберт отвернулся. На нем не было лица.

Помедлив еще секунду, Вождь кивнул помощнику.

— Агуня, — спросил Правая Рука, — видела ли ты какой-нибудь сон сегодня?

Кетчуп, невзначай отойдя за спины, осторожно нащупал в мешке автомат.

— Ой, да! — очнулась Агуня, до тех пор сидевшая в стороне со своей ступкой. — Конечно, видела. Очень страшный. Рассказывать?

— Рассказывай, Агуня! Рассказывай скорее! — раздалось отовсюду.

Кетчуп вынул автомат и, подняв его, нашел в прорези прицела Вуду. Потом перевел прицел на Вождя, потом на Альберта, неподвижно стоявшего между конвоиров, и снова на Вуду. Потом быстро вытер лицо рукавом и снова

попытался прицелиться. Очки запотели, и прорезь прицела была как в тумане.

— Сегодня я опять видела во сне духов реки, — говорила Агуня. — И вот что они мне сказали...

— Бабушка! — умоляюще вскрикнула Фема и, закрыв глаза и уши руками, опустилась на землю.

Доктор Йохан Кирш, опустившись на колени, дрожащими руками протирал запотевшие стекла очков.

— Они сказали мне: надо отпустить этого человека, Альберта! — громко сказала Агуня и протянула длинный палец в сторону несчастного. — И отпустить сейчас же, иначе наш народ погибнет от лихорадки. Весь, до последнего младенца!

Вздых ужаса пронесся по племени.

— Кроме тебя, Вуду! — перевела палец Агуня. — Тебя одного не возьмет лихорадка. Ты останешься жить. А через два рассвета сюда придут карачуры и съедят тебя живьем.

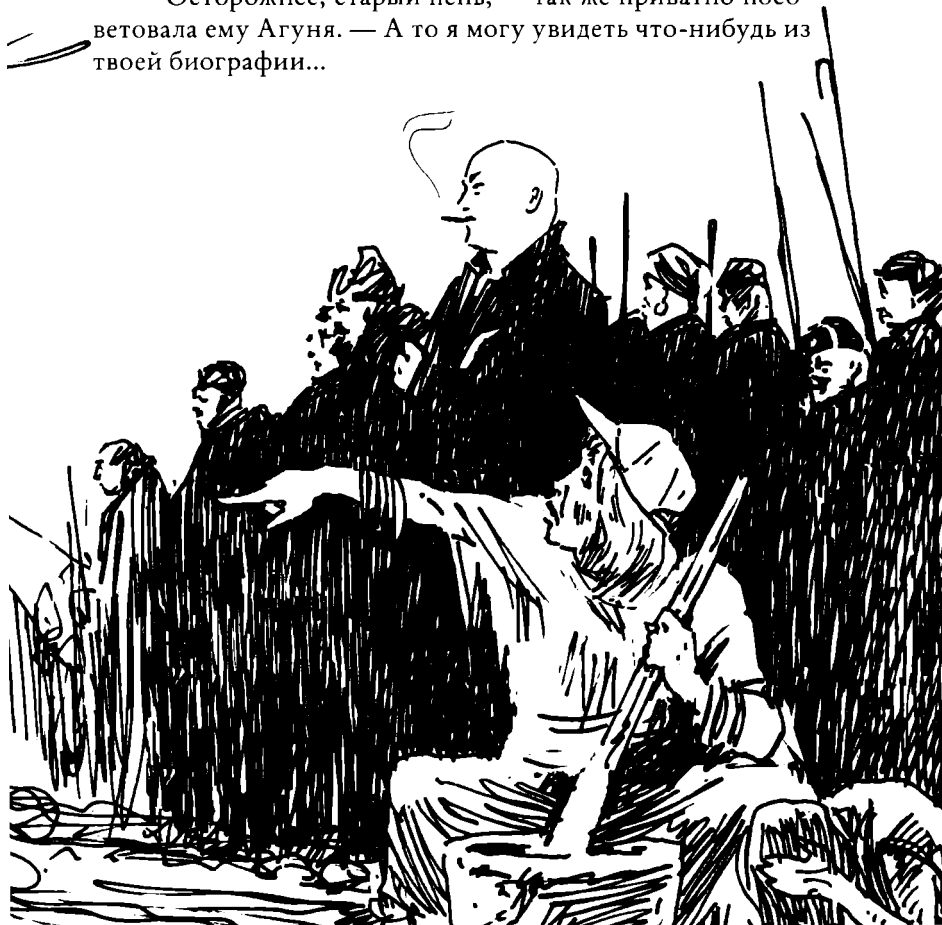
Общее возбуждение охватило племя.

— Мама, вы ничего не путаете? — уточнил Вождь.

— Нет! Уж если я что-то увидела, то увидела, — ответила ему теща. — А ты совсем ослеп, Вождь идиотов? — добавила она уже негромко. — У тебя сколько дочерей? Ты хочешь, чтобы она умерла?

— Этого не может быть! — раздался крик пришедшего в себя Вуду. — Она не могла этого увидеть! Ты, гнилая коряга! — зашипел он.

— Осторожнее, старый пень, — так же приватно посоветовала ему Агуня. — А то я могу увидеть что-нибудь из твоей биографии...

— Ведьма! — бросил ей Вуду и быстро метнулся к Вождю. — Ну хорошо, — забормотал он, — но хотя бы про ветерана... мы же договаривались!

— Ой, чуть не забыла! — всплеснула руками Агуня. — Милая! Это я тебе, тебе...

Женщина средних лет вскинула встревоженные глаза.

— Я еще чего видела... — сказала Агуня. — Уж после того, как духи сказали мне про малахольного, они отдельно велели передать, чтобы ты этому старому кобелю больше не давала. Сиськи отвалятся.

Общий хохот взорвал поляну.

— Мама!

— Меня просили передать... — Извиняюсь, Агуня развела руками.

— А-а-а! — раздался крик. — Убью козла! Убью!

Вуду сориентировался первым и, как кошка, брызнул по камням прочь в сторону каменной гряды. Но Старый Воин был опытным охотником и настиг колдуна сразу за грядой.

— Ну что же, — под ритмичные вопли из-за камней произнес Вождь. — Друг мой! — И он улыбнулся Альберту широкой братской улыбкой. — Народ Конца Света давно хотел поблагодарить вас за проделанную работу. Мы к вам очень привязались... — меланхолично продолжил он, глядя на аборигена, все еще стоявшего возле жертвы с веревками наготове. — Уже почти совсем привязались... но, если хотите, то, конечно, можете уйти.

— Доктор уйдет вместе со мной.

— Про это духи ничего не говорили!

— Тогда я останусь, и все умрут от лихорадки, — заявил миссионер. — Так сказали духи реки! — И сам смутился все-таки.

Ропот прокагился по народу.

— Делаете успехи, — заметил Вождь. — Ну что же... Раз духи реки! — С этими словами Вождь торжественно поло-

жил в ладонь Альберту ключи от машины. И, обратившись к народу, развел пустыми руками: — Спасибо им, что предупредили... Вот какие у нас духи! Вот какая река!

— Идем! — Альберт махнул рукой доктору и порывисто бросился прочь — и тут увидел глаза Фемы. И остановился.

— Вождь!..

— Зовите меня папой, — с готовностью откликнулся тот. Альберт отшатнулся, но взял себя в руки. И через секунду с трудом выговорил:

— Я прошу у вас руки вашей дочери.

— Чего руки-то? — проворчала Агуня. — Бери всю, маляхольный!

— Вы не беспокойтесь. Я понимаю, что она еще маленькая. Мы подождем...

— Чего ждать-то? — не понял Вождь.

— Агуня сказала: Фема видела четырнадцать разливов реки... — объяснился Альберт.

— Ну, — подтвердила Агуня. — А еще четыре года ее жизни река почему-то не разливалась... Такой удивительный случай.

— Как? — Альберт обернулся к счастливой и ничего не понимавшей Феме. — Так тебе...

— Восемнадцать, а что?

— Как «что»?

— Альберт! — тихо окликнул доктор Хирш. Он стоял поодаль, и рука его ненавязчиво держала что-то, закутанное в мешковину.

— Да, — вспомнил миссионер. — Нам пора.

— Мы вас проводим, — вздохнул Вождь. — И не думайте отказываться. Наше гостеприимство известно всему миру!

Уезжающие и провожающие шли вдоль реки. Длинная мрачноватая процессия проходила мимо остовов

кораблей — ржавый боезапас, канистры... Что-то напоминающее заброшенный аэродром. Шли мужчины, женщины...

Следом бежал Локоток.

За всем этим, уже издалека, смотрел череп с мертвого дерева. А еще дальше, с каменной гряды, смотрел на процессию Вуду. Под глазом его светился фингал, одежда была порвана. Кашляя, он прикладывал к глазу лед.

На камень рядом с ним присела невесть откуда взявшаяся сова. И, повертев головой, ухнула — сначала один раз, потом еще два.

— Что? — в ужасе переспросил Вуду.

Фема обнимала родных возле машины.

— Бабушка! Папа! Локоток!

Она хотела обнять и его, но Локоток, смущаясь и пряча глаза, неловко пожал ей руку. Фема все-таки обняла мальчишку, поцеловала и несколько раз быстро пощелкала по темечку.

— Шибанутый, — сказал он наконец, подняв глаза, — ты приезжай еще... Микроба сварим, про умное поговорим. Я тебя свистеть научу...

— Может быть, Локоток, — ответил Альберт. — Все может быть.

— Вали уже отсюда, — тихо выдохнула Агуня.

Трое уже садились в машину, когда в окне появилось лицо Вождя.

— Так я насчет гуманитарной помощи... Для тестя, а?

— Все-таки я его пристрелю, — выдохнул в ухо Альберту доктор Хирш.

— Нехорошо забывать родню, — напомнил Вождь. Он смотрелся добрым дедушкой. — И ты, дочка, навещай иногда!

Альберт нажал на газ.

— Вещичек привози, — продолжало говорить лицо Вождя в окне. — Шоферов побольше... — донеслось уже вслед.

Машина, переваливаясь, медленно ехала по дороге. Рядом с Альбертом, прижавшись к плечу и глядя в зеркало заднего вида, сидела Фема. В куске стекла, дрожа, отдалялось и становилось совсем маленьким племя, стоящее у большой реки.

Сзади, в кузове, пристроившись на пустых ящиках, неотрывно смотрел на людей у реки доктор Кирш...

— Ну вот. Хоть девочку пристроили, — сказал Вождь. Он смотрел на удаляющуюся машину и уже не был похож на доброго комического дедушку. Устал и печален был Вождь. — Интересно, она его съест?

— Разлюбит — съест, — просто ответила Агуня.

— Э! — вдруг спохватился человек, все это время чиркавший спичками. — Так я не понял... это... насчет Христа с мылом... У нас все это будет или как?

Доктор Йохан Кирш силился вспомнить какую-то мелодию. Наконец он нащупал ее в памяти и начал напевать что-то блюзовое — сначала тихонечко, а потом все громче и счастливее. Он пел уже в голос, дирижируя сам себе на ящиках в кузове, и голос просторно летел над рекой, когда раздался глухой звук выстрела.

И голос прервался.

В каменной гряде над рекой стоял Вуду. В руках у него дымился обрез с глушителем.

В кабине машины счастливая Фема прижималась к плечу Альберта. Покосившиеся причалы и остовы кораблей остались сзади, и немыслимой красоты пейзаж расстилался перед ними.

— А-а-а! — снова спалив себе пальцы, кричал человек со спичками, сидевший на берегу реки. — А-а-а-а-а!..

Этот звук, несущийся через тундру вслед тяжело едущей прочь машине, — последний кадр фильма.

2003, редакция — 2006 год

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Все-таки удивительно, что эти сценарии не экранизированы!

При всегдашнем дефиците качественной драматургии написанное Виктором Шендеровичем просто обязано было появиться на экране. Жаль, что этого не произошло. Мы, зрители, не увидели несколько ярких, разных, необычных фильмов про нас, про себя.

Картина нашей жизни была бы полнее. И острее.

Может, режиссура просто-напросто проглядела их? Может, автор, проявляя ненужную в таком деле скромность, не двигал их, не давал читать?..

Сценарии сделаны опытной и сильной рукой. Сделаны профессионально. Их написал человек, кино знающий, любящий, понимающий. Уж точно: талант — во всем талант (это я о творчестве Виктора вообще).

Эксцентричная, предельно динамичная комедия «Однажды в Союзе...» была бы хитом среди картин о «лихих 90-х». Как автор уверенно выдерживает жанр (предельно сложный), как легко владеет чуть ли не главными его слагаемыми — темпом и ритмом! Отлично представляю, что получилось бы, попади сценарий в руки Гайдая. Про девятые так не писал никто.

А вот, совсем неожиданно, прилетела «Птица по имени Nevermore». Вдруг возник Эдгар По, его Ворон и какой-то особый Питер — тревожный, таинственный, мрачно сказочный. Автор видит его, видит отчетливо. Он пишет сценарий в подарок искусному оператору, рассказывая, как надо снять тонкий, эстетский, питерски-пасмурный экзерсис.

Опять неожиданность — парадоксальный «Вечерний выезд общества слепых». Крепкая, мускулистая вещь. Хоть сейчас бери и ставь — на сцене, на ТВ, в кино. А написана пятнадцать лет назад — про нас, сегодняшних. Не про

них, слепых, а про нас, слепцов. Зажмурившихся от собственных страхов. И как всегда — не желающих видеть того, чего видеть не хочется (действительно — широко закрытыми глазами).

Ну-ну, говорит автор, это ведь может кончиться забавно... А может и страшно. Носороги всегда прибегают откуда-то извне, но глаза-то мы закрываем сами...

Как узнаваем автор — и как непохожи сценарии, собранные в этой книге! Рядом с психологическим триллером и гротеском — вполне лирическая история на социальном фоне. Правда, эти «Несколько фотографий» автор, кажется, поспешил вынуть из проявителя — может быть, поэтому я не прочел жанр и не понял финал?.. Надеюсь, у Виктора сохранился негатив, и при случае он мог бы повторить фотопечать.

Но вот чего я совсем не понимаю — как не дошел до экрана «Тезка Швейцера»?

Эта притча выросла из володинских «Двух стрел», в которых табаковский студиец Шендерович играл в конце 70-х. Сценарий написан пять лет назад, но людоедское время продолжается, и это опять — про нас, про сегодня! Это смело, это правда, это — сквозь ужас — смешно... Хорош, конечно, был бы Суханов в роли Вождя — ух, хорош!

Жаль, что не случилось. Уверен, что произойдет.

Александр Володин, которому как учителю посвятил свой сценарий Виктор Шендерович, мог бы, я думаю, гордиться своим учеником.

Вадим Абдрашитов

**ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ
НЕСНЯТОЕ КИНО**

Директор издательства Сергей Пархоменко
Главный редактор Варвара Горностаева
Дизайн Иван Разумов
Редактор Алла Хемлин
Ведущий редактор Ирина Гачечиладзе
Ответственный за выпуск Ксения Чуб
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Наталия Усольцева
Компьютерная верстка Иван Разумов, Андрей Кондаков

ООО «Издательство АСТ»,
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»,
обладатель товарного знака «Издательство Corpus»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

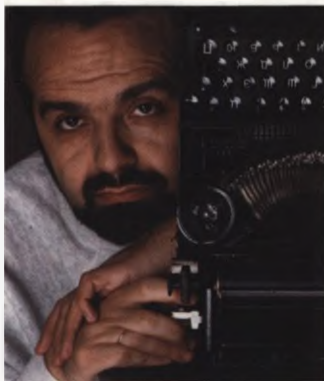
Подписано в печать 14.08.09. Формат 84x108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramondC»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 7000 экз. Заказ № 0055.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги
или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ЗАО «ИПК Парето-Принт»,
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы «АСТ» обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

Виктор Шендерович — писатель и журналист, автор огромного количества остроумных, резких и в то же время печальных сатирических текстов, был почти бессменным сценаристом легендарной программы «Куклы» на НТВ, вплоть до ее насильственного закрытия. Затем вел аналитические телепрограммы «Итого» и «Бесплатный сыр». В последние годы его передачи идут на радио «Эхо Москвы» и «Свобода», у него выходят книги рассказов

и повестей, «Новая газета» и «The New Times» публикуют его авторские колонки.

В этом сборнике — несколько никогда не публиковавшихся историй, каждая из которых могла бы стать фильмом. По разным причинам — иногда совершенно авантюрным — эти тексты так и остались фактом литературы...

«Истории, составившие эту книжку, я писал с надеждой и наслаждением. Я ржал и хихикал, когда меня вела по сюжету муза комедии; прислушивался к сердцебиению — то лирическому в любовной сцене, то тревожному, в пандан драматическим поворотам...

Мне было хорошо! Я, что называется, гулял по буфету на родной театральной фактуре, я валял ваньку на злобе дня, я пробирался по шатким досочкам острого сюжета и прыгал солдатиком в темную воду триллера...»

Виктор Шендерович

ISBN 978-5-271-24519-0

9 785271 245190

www.elkniga.ru